

Петр Червинский

НОМИНАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ И СЛЕДСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

*Библиотека научного альманаха
«Studia Methodologica»*

Петр Червинский

**НОМИНАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ И СЛЕДСТВИЯ
ПОЛИТИЧЕСКО КОММУНИКАЦИИ**

Тернополь
«Крок»
2010

Рецензенты:

Jadwiga Stawnicka
Jarosław Wierzbński

Червинский П.П. Номинативные аспекты и следствия политической коммуникации. – Тернополь: Крок, 2010. – 344 с. – (Библиотека научного альманаха «Studia Methodologica»)

ISBN 978-966-2362-10-7

Книга представляет собой результат более чем двадцатилетних теоретических и практических разработок, обобщений проблем политической номинации. Была подготовлена как пособие, составленное, в своей концептуально-иллюстративной части, на основе лекций, прочитанных в ходе работы международной научной школы для молодежи «Политическая коммуникация» (Екатеринбург, 25-28.08.2009). Язык политической публицистики рассматривается в контексте явлений коммуникативного взаимодействия, типичных для средств массовой информации, идеологического воздействия, речевого узуса и литературно-письменного языка, определяемых особенностями языкового сознания говорящих. Ведущими при обращении к вопросам номинативной теории политической коммуникации были категориальные и эволюционные аспекты анализа. Исследуемые особенности воздействующих сторон публично себя проявляющего политизированного, советизированного, а затем и десоветизируемого, русского языка рассматриваются на фоне процессов и изменений второй половины XX, а также его конца и начала XXI века, в совокупности общих и специфических черт отмеченных переходными изменениями темпоральных (и социальных) периодов.

Книга может представлять интерес для лингвистов, филологов, политологов, культурологов – преподавателей, аспирантов, студентов, занимающихся проблемами речевого и политического воздействия и взаимодействия в контексте лексикологии, семасиологии, теории номинации, языка средств массовой информации, языкового сознания, языкового развития, осуществляющегося на фоне смены идейных и политических ориентиров.

ISBN 978-966-2362-10-7

© P. Czerwiński, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Номинация.

Апеллятивы языка политика как свернутые оценочные высказывания.	24
Поминативный акт и оценочность в составе клишированных единиц языка политики.	25
Апеллятивы языка политики как имплицитные свернутые высказывания.	50
Приемы и способы социальной оценочности в современном публицистическом тексте.	61

2. Категоризация.

Парадигматика языка советской действительности как смыслового кода ориентированного (заряженного) языкового сознания.	72
Предметно-тематическая дифференциация номинативных единиц языка советской действительности.	74
Человек в языке советской эпохи: категории и признаки называния.....	83
Парадигматико-категориальное представление негативов.....	97
Парадигматико-категориальное представление позитивов: принципы последовательно-системного описания.	131

3. Эволюция.

Итоги и следствия перехода от языка советского времени к языку последующего узусального состояния (номинативные и перцептивные следствия десоветизации в языке конца XX – начала XXI века).	174
Речевая стратегия не- в языке второй половины XX века (к постановке проблемы).....	180
Образования с не- в контексте социально-политических изменений конца XX века.	191
Русский язык последнего пятнадцатилетия: тенденции генеративно-перцептивной базы	203
Уходящая лексика. Живые процессы мсяющегося словарного состава (о языке конца XX века).....	215
Лексика предыдущего состояния в аспекте изучения изменений лексического состава современного языка.	229
Идологический компонент в толковании лексического значения (на материале обозначения лиц).	254
Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц. [Предисловие к словарю].....	268

Негативно оценочные обозначения лиц [образцы словарных статей].....	292
Примечания	316
Литература	324
Цитируемые словари:	329
Публикации автора по рассматриваемым проблемам:	
Язык советской действительности: лексика и семантика	332
Язык новейшего состояния: тенденции, явления и процессы	334
Особенности языкового сознания русскоязычных: языковая и концептуальная картина мира второй половины XX века	335
Языки политического и публицистического воздействия	338
Русский и советский речевой узус: семантика узусальной лексики	341

Предварение.

Та специфическая область вербально-речевого проявления, которую принято определять как язык политики, политический язык, язык политического взаимодействия, язык политической коммуникации и которая будет предметом данного рассмотрения, может быть правильно понята, описана и оценена в соотношении с другими каким-то таким же образом себя проявляющими и как-то аналогично устроенными «языками». Специфику каждого из таких языков, особенность и сходство которых следовало бы усматривать в публичном характере их проявления (отсюда возможно еще одно представление о них как о языках социального взаимодействия), можно бы было увидеть в номинативном и категориальном устройстве. Каждый подобного рода язык представляет собой и может быть воспринятым и описанным как семантический код, устанавливающий свои отношения к тому, о чем с его помощью типичный для него речевой субъект говорит, что собой представляет его, для него характерная номинативно-предметная и понятийная область, равно как к тому, что являют собой типичные для него речевые и узуальные средства. Из этого следует ряд проекций, который при более пристальном и обстоятельном отношении к ним, с описанием и установлением связей, может приблизить специфику изучаемого языка. Обобщенно их можно представить как следствия субъектно-объектных соотношений, предполагающих предикативные и предикатные взаимодействия и проявления, внутри системы, устройства данного языка.

В основе предполагаемого рассмотрения, в связи со сказанным, будет лежать представление о привычной для метаязыков описания триаде, находящей свои отражения, в зависимости от избираемого поворота, в том либо другом смысловом разложении составляющих ее сторон. Тройственный характер предмета анализа и описания будет сводиться к трем кругам, вращающимся вокруг проблем **номинации, категоризации и эволюции**. Номинации – как того, что дает возможность увидеть и изучить специфику форм социального и политического взаимодействия, в отличие (предполагаемом, но не изучаемом) от других номинативных, оценочных и экспрессивных форм. Категоризации – как того, что позволяет с достаточной степенью объективности и достоверности установить понятийно-системные свойства политического языка как кода, организующего отбираемые для своих целей (номинативных и коммуникативных) смыслы и единицы, определенным образом представляемые и уставляемые, что будет следовать всякий раз из его специфики в отношении к другим семантическим кодам и языкам, в том числе и к национальному литературному языку. И эволюции – прежде всего в его изменяющемся или уже измененном месте и положении к литературному языку, равно как и в отношении к себе самому другому, меняющемуся или уже изменившемуся в связи со сменой и(ли) трансформацией общественно-политических, социальных и когнитивных систем, парадигм. Отсюда три круга вопросов, которые будут предметом данного рассмотрения (может быть, не совсем отчетливо разделяемого, но имеющегося в виду) можно было бы свести к такой постановке:

1. Номинативный акт и оценочность. Апеллятивы (номинативные единицы воздействующего характера) языка

политика как свернутые, или снятые, оценочные высказывания.

2. Категоризация в (политических) языках социального взаимодействия на примере номинативов языка советской действительности, т.е. русского советизированного языка.

3. Эволюция политизированных парадигмосистем. Итоги и следствия перехода от языка советского времени к языку последующего узувального состояния (номинативные и перцептивные следствия десоветизации в языке конца XX – начала XXI века).

Выбор политического языка советского времени в качестве формы-объекта для изучения особенностей политического взаимодействия, в качестве точки отсчета и соотнесения для понимания общих и теоретических представлений, не был случайным. Во-первых, по той причине, что для лучшего понимания чего бы то ни было, а тем более такого непростого, когнитивно и эмоционально заряженного к тому же, феномена, каковым является политический русский язык, необходима дистанция, взгляд с временной перспективы. Во-вторых, потому, что процессы современного состояния всегда хорошо бы соотносить, чтобы лучше увидеть, с тем состоянием, которое было для него предыдущим. В-третьих, по той причине, что язык политического и социального взаимодействия советского времени предполагал, в немалой степени, и иное устройство, и иной узувальный и функционально-коммуникативный тип смыслового кода по сравнению с тем языком (или, может быть, языками), который приходит (или уже пришел) ему на смену. А коль скоро так, то сопоставление двух разных типов, пусть даже только внутренне подразумеваемое и не до конца

проговариваемое, может дать многое для понимания как того, так и другого устройства. И, наконец, в-четвертых (но не в-последних), хотя бы уже потому, что уходящее легко уходит и забывается, а его фиксация в последующем будет иметь характер не до конца достоверного и приблизительного, без ощущения пережитого, знания. В свою очередь, это самое уходящее, имея тенденцию возвращаться, не будучи хорошо осмыслено и точно определено, может давать далеко не желательные эффекты, особенно в таком располагающем к этому проявлению, как язык социального взаимодействия, язык политического воздействия и инструмент (по известному определению Р. Блакара) социальной власти.

Три заявленных круга вопросов, получивших свое отражение в публикациях и рабочих материалах разного времени и объема, хотелось бы предварить общей схемой, дающей возможность объединить разнородное в некий сюжет, основу которого составляет идея политического как коммуникативного взаимодействия в его специфическом отношении к коммуникативному акту в составе ролей и участников. Схема политического коммуникативного взаимодействия представляется более сложной по сравнению с коммуникативным взаимодействием вне его публично-социальной проявленности. Если основу второго можно видеть и находить (упрощенно) в бинарной устроенности, переходящей в тройственность: два речевых субъекта, говорящий (S) и слушающий (A), меняющиеся ролями, взаимодействующие посредством передаваемого и обращаемого, производимого и воспринимаемого ими двумя высказывания (V), отнесенного к предмету речи, внеязыковой действительности, как референту (R) и языку (L) как коду¹:

то такая же схема политической коммуникации представляется изначально тройственной, с переходом в четыре и непростыми соотношениями внутренней оппозитивной двойственности с подразумеванием, присутствием в таких соотношениях не обязательно выраженных три и за ним четыре.

Начнем с того, что сам субъект как составляющая должен и может быть изначально и потенциально выражен тремя ролями, а не двумя. Первый такой ролевой субъект – тот, кто стоит за высказыванием, организует, диктует, распоряжается и управляет им. Его содержанием, прежде всего, но и формой в известной степени. С точки зрения допустимого языка и выбора он его своего рода «душа» и «тень». Душа – по отношению к тексту высказывания, *тень* – его исполнителю. Этот первый субъект, фигурирует как *диспонент* (подобным образом его определяет Е. Бральчик в своем анализе особенностей языка польской партийной пропаганды 70-х гг. XX столетия [Bralczyk 2001: 26]).

Вторым субъектом, соответственно, будет, по определению того же автора, *экспонент*. Тот, кто генерирует высказывание, придавая ему вербализованную форму, проявленную и организуемую по допустимому заданию и выбору, в ряде случаев подсказываемую, направляемую и диктуемую диспонентом. То есть, иначе говоря, исполнитель и проектор, воплоитель текста (*господин оформитель*, если воспользоваться названием известного фильма 80-х гг., он же спич-райтер на современном пиаровском языке, а также журналист, публицист, комментатор, референт и пр.). Третьим субъектом будет воспринимающий высказывание потенциальный *адресат*, или реципиент, тот, к кому обращено и на кого направлено предполагаемое и закладываемое воздействия, если не обязательно и не прямо текст, поскольку случаи подобного соотношения могут быть как типологически, так и в реализациях различны. Объединяющим их четвертым, четвертой точкой в схеме, будет собственно высказывание, написанный и(ли) произнесенный, напечатанный, выпущенный в средства массовой коммуникации, политизированный, идеологизированный, заряженный диспонентно *текст*.

Четыре перечисленных в соотношениях точки будут составлять стержневую, осевую, магистральную, или центральную, линию субъектного взаимодействия, имеющего односторонний, не обратимый характер, в типичных условиях без обратной связи (либо с ее ущербностью и неполнотой). Взаимодействия, имеющего конечным смыслом адресацию апеллиатива (в реципиенте как конечной точке отнесения) и реализацию повторяющегося, конвенционального, направленного проектируемого стимулирования (посредством экспонента) в нем, даже если он, т.е. адресат, только воображаемо

потенциален (виртуален, по представлению Е. Бральчика в связи с коммуникативными особенностями партийной пропаганды). На стержневой оси, таким образом, мы получаем ролевые проявления агенции (от диспонента ко всему последующему и в первую очередь к экспоненту), конвенции (между ним и экспонентом), генерации (от экспонента к тексту) и апеллятивно направленной перцепции (к адресату через текст, за которым стоят экспонент и диспонент).

Субъектная стержневая линия дополняется слева объектной, составляющими которой в точках можно считать некий образ реальной действительности, обычно модель, получающую свое воплощение в тексте через язык. Язык политического воздействия, пропаганды, язык политики, язык официально-публичного выступления, проявления, он же, отчасти, также язык эпохи, данного времени, отображаемой (советской или какой-то другой) действительности и соответствующей ментальности, а также экспрессии-чувства. Язык, соотносимый и коррелирующий в своих единицах и формах с языком национальным литературным, массовой коммуникации, масс-культуры и субкультур различного рода (жаргоны, сленг, профессиональные, специальные языки). Язык этот связан с определенной системой ценностей, заряжен, направлен и является средством ориентации, общественной, политической, когнитивной, для владеющих им или просто знающих его речевых субъектов.

Образ реальной действительности, или картина мира, отображаемая, подразумеваемая, воплощаемая в тексте публичного политического воздействия, выполняет роль референта и экспоната (в экспонируемом со стороны экспонента, а не музейном значении). И как таковая, она воплощает в себе смысл проективного действия номинации,

референции и позиции – по отношению к диспоненту и экспоненту, субъектам, апеллирующим к ней в отношении выбора, предпочтений, навязываемых и организуемых смыслов, значений, форм, категорий, структур. Пропагандистский образ реальной действительности, или просто идеологически предобусловленный, мировоззренчески и системоценностно препарированный, имеет обычно характер заряженный, заданный и, если не полностью искаженный, то существенным образом преобразованный.

В зависимости от силы и степени пропагандистского и политизированного (идеологизированного) вмешательства в создаваемую картину-модель, выступающую в роли посредника между реальной действительностью и существующим представлением, знанием о ней у носителей данного национального языка и культуры, можно бы говорить о фильтрах, просеивающих, выбирающих, отбирающих, а также и переориентирующих, эмпирическую данность явлений, событий, объектов и фактов.

Следствием подобного фильтрующего действия становится некоторый отвлеченный, снятый, «поправленный» вид существующего, на базе которого затем уже восстанавливается и организуется внутренне ощущаемая, но далеко не всегда представляемая наглядно и ясно для осознания модель, замещающая собой, а во многом и вытесняющая (по крайней мере, имеющая таковую направленность и апеллятивную цель), в любом другом нормальном и усредненном случае вызывающая значительные помехи и сбой адекватному восприятию реальной действительности и такой же реакции на нее. Генерированный, произведенный, созданный для общественного сознания таким образом *экспонат* начинает обратное действие, точнее воздействие, связываемое с

генерированием, производением, побуждением в сознании воспринимающих (адресата, реципиента, но также и экспонента и диспонента, поддающихся обаянию действующей и существующей, хотя бы и созданной, а потому не натуральной, искусственной, тенденциозной и препарированной системы) – нужного образа-представления и необходимого, требуемого, востребуемого, отношения к тому, о чем речь и что составляет предмет политического воздействия в данный момент. Отсюда общее положение и соответствующая общая роль всей левой, объектной, части представляемой схемы, включающей в качестве второго, соотносимого с экспонатом, компонента **язык**. Это положение и эта роль, применительно к диспоненту и экспоненту в первую очередь, позволяет себя формулировать как позицию.

Правая часть в схеме может быть определена как часть предикатная. Она вбирает в себя проявление таких отношений, как знания, характеристики, коннотации, оценки, и состоит из двух составляющих, которые можно определить в значениях **оппонента**, контрагента по отношению к диспоненту и экспоненту, того, кто реально либо воображаемо, представляемо, против, кто не согласен и кто другой, и значения достаточно широко понимаемого **контекста**. В это последнее можно и следует вкладывать смысл социальных знаний, существующей общественной обстановки, культурных знаний и представлений, системоценностных и морально-этических предпочтений и выборов, национальных и социальных стереотипов, т.е. всего того, что является фоном, почвой, основой и окружением для восприятия, понимания, ориентации и оценки в том, что манифестируется, экстраполируется, говорится и произносится вслух, чему носитель данного языка и культуры, являясь свидетелем, слушателем и(ли)

участником, придает то или иное значение, вписывая в свои представления, оценивая, интерпретируя и реагируя соответствующим образом на разного рода явления, проявления, знаки либо сигналы.

Правая предикатная часть в ролевом отношении может быть представлена и определена в значениях когниции и оппозиции. Оппонент, или контрагент, в нормальных, обычных условиях безобратного и однонаправленного политического воздействия на адресата, лишен права голоса, отсутствует как агент и субъект. Роль его ограничивается отнесением, обращением к нему (безответным и риторическим) как к тому, чего не следует, как не должно, нежелательно и вредоносно или не может быть, выступая тем отвергаемым, отклоняемым образцом и примером, смысл которых в оценочно-коннотативном и подогревающим отношении, обращении, отнесении через него к адресату. Отсюда его предикатный, а не субъектный, характер негации, когниции и оппозиции (коннотативно-ценностный оппозитив).

Оппозитивом, но несколько в ином значении и повороте, как тем, с чем прямо или непрямо сопоставляют сказанное, с чем его соотносят, на что его опирают, далеко не обязательно при этом упоминая, называя и произнося (поскольку это все же не до конца и не для всех одинаково ясный, единый в своих значениях и оценках *оппозитив*), – таким экранирующим компонентом в схеме является также и одновременно указанный перед этим насыщенный когнитивный контекст.

Роль оппонента и роль контекста поэтому в смысле и в отношении охарактеризованной предикатности сходны. Они дополняют друг друга. Контрагент-оппонент и социальные знания-окружение-контекст выступают для диспонента и экспонента, используются ими для

соотнесения и отнесения с ними и на их фоне, для оттенения, уточнения и выдвижения (термин И.В. Арнольд) смысла, окраски, оценок в тексте, для придания ему внутренних, далеко не всегда осознанных и уточненных, но ощущаемых экспрессивных и семантических, тоновых, обертоновых зарядов и сопровождений. Фактически для его насыщения, красок, эмоциональности и густоты. Для аранжирования, т.е. включения, вписывания в некий басовый либо скрипичный идейно-оценочный ключ, для наполнения и своеобразной, необходимой агенту как диспоненту и экспоненту аранжировки.

Реф- рент Дейст- витель- ность		<i>генерация</i>	<i>проек- тивы</i>
Пози- ция			Оппо- зиция
			<i>Кон- текст</i>
Язык		Текст (высказывание)	<i>экран</i> знания, оценка, коннота- ции, окружен- ие
		<i>апелляция</i>	
			Когни- ция
Объект- ная часть	<i>Магистральна я осевая линия взаимодействи- я (воздействия) апеллятива</i>	<i>Адресат</i> (реципиент)	
		Адресация	
		Предикатная часть	

Всякое изучение и описание условий, смыслов, следствий, особенностей и результатов коммуникативного взаимодействия, определяемого как публичное и политическое, так или иначе затрагивает ту или иную из охарактеризованных и показанных в приведенной схеме сторон, обычно в их соотношениях, взаимных позициях и ролях. Типологические различия языков политики как языков социального взаимодействия, обычно в условиях массовых коммуникаций, будут предполагать различия в характере соотношений, взаимных позиций, взаимных и общих ролей составляющих – диспонента и экспонента, которые могут быть дополнительными, пересекающимися, совпадающими, накладывающимися, взаимообратными; диспонента-экспонента и адресата (через посредство текста), которые могут быть направленными, активными либо нейтральными, непрямо направленными, ненаправленными, индифферентными (вплоть до отсутствия адресата, непредположения его, виртуальности, как особый и крайний случай) и т.д., и т.п. Так же различными могут смыслы и отношения между диспонентом и экспонатом, экспонентом и экспонатом, адресатом и экспонатом, в их также различном характере и отношении к языку, оппоненту либо контексту.

Общим смыслом действия в схеме, инициатором, вершинной, исходной точкой движения в которой следует считать диспонента (движение по оси стержневой), можно бы было считать проекцию некоего экстраполируемого коннотатива-значения (правой части) через посредство, фильтры и отношение (позицию левой), заключаемые в экспонате и языке. И тогда три первые на пути такого движения точки – экспонента в центре, экспоната слева и оппонента справа – выполняли бы роль *проективов*, того,

кто и что проецирует(ся), представляя собой ролевое единство и первый отображаемый и встречаемый на пути проекции срез, а три последующих, в их предшествовании адресату, перед ним, до него и направленно на него – текст высказывания в центре, язык слева и контекст-окружение справа – соответственно, роль *экрана*, на который и через посредство которого производится, проецируется это все для адресата, сидящего как бы перед ним и воспринимающего все это движение-действие как своего рода акцию и(ли) интеракцию общественной, социальной и политической жизни в театре теней.

Схема обоюдоотточенного, с двух сторон, карандаша, со стержнем по осевой, так ее можно назвать и представить образно и метафорически, будет нами восприниматься и применяться к идее и типу, как было сказано, советизированной политической пропаганды, идеологизированного языка советской действительности и советской эпохи. Отсюда ее ориентированный сверху вниз характер, от диспонента к адресату через экспонента и текст, показывающий однонаправленность и целенаправленность воздействующего унитарного отношения такого воздействия. Это же может быть показано стрелками, предполагающими действие от диспонента, руководящее и направляющее, на экспонента в первую очередь, но и на все дальнейшие составляющие части, линии, стрелки и точки процесса. Другие идеи и типы не обязательно нечто подобное могут или должны повторять. Отношения могут быть обращаемыми и взаимонаправленными, различной может быть сила, смысл и направляющий тип подобного действия, что будет зависеть от вида и способа политического взаимодействия и(ли) характера используемого в этих условиях

политического (идеологического, но не только и не обязательно) языка.

Схема в своем устройстве внутренне ориентирована к субъектно-объектной и предикативной природе самой политики, как явления, вида общественного и социального (здесь имеет смысл различать эти два понятия) взаимодействия. Заимствованное из древнегреческого языка *ἡ πολιτική* (подразумевается *ἐπιστήμη* 'знание, учение, наука' или *τέχνη* 'искусство, мастерство, ремесло', а также и *πολιτικά* 'общественное дело', как обобщение и потому форма мн. ч.), является с морфологической точки зрения прилагательным ж.р., от *πολιτικός*, м.р., 'принадлежащий гражданам', 'гражданский', предполагая смыслом идею государственной науки, искусства управления государством во имя общественной, гражданской пользы (как кормчий кораблем) и, будучи в своей изначально скрытой, но внутренне, прототипически мотивирующей основе, прилагательным, оно в этой своей задуманной основе характеризующе и предикатно. Ср. не случайное затем в древнегреческом нареч. *πολιτικῶς* 'по-граждански, как прилично гражданину'; поздн. 'скромно, просто, ласково' [Вейсман 1899].

Согласно разным словарям *политика*, в интересующем нас значении, характеризуется как деятельность – общественных классов, партий, групп, определяемая их интересами и целями либо как деятельность органов государственной власти и государственного управления, выражающая социально-экономическую природу данного общества. Таким образом, перед нами неизменно возникает представление (категориальное) субъекта (классы, партии, общественные группы, органы власти и управления) – деятельности (как процесса, движения, развития, динамики и потому

категории процессуальности), а также, вслед за этим, представление об интересах, целях, а потому заряженности, ангажированности, втягивания, идеологизации, о средствах достижения целей, организуемых и упорядочиваемых, отсюда не в последнюю, если не в первую очередь, о языке – и, наконец, как третье, об объекте – массовом, адресативном и апеллятивном. Все это так или иначе действует и с необходимостью должно быть учтено при изучении, анализе средств осуществления политики, средств общественной реализации различных видов политического взаимодействия.

Завершить предпринятое предварение хотелось бы перечнем необходимых в отношении и для понимания всего дальнейшего, но без развертывания, которое потребовало бы немалого объема, постулатов, только как нацеливающих к восприятию и в некотором смысле обобщающих, дающих точку отнесения и подводящих черту:

- Язык политики будет пониматься нами, вслед за многими исследователями, может быть, не столько как функциональная разновидность, сколько как особый (дискурсивный) узус языка, в соотношении речевых и языковых, синтагматических и парадигматических своих особенностей.

- Язык политики может и, возможно должен, пониматься как совокупность типологически различающихся либо переходящих друг в друга, в том числе и трансформационно, в диахронии и синхронии, политических языков.

- Основу языка политики может, но не обязательно должна, составлять какая-то идеология, воспринимаемая и понимаемая как система понятий и идей, мировоззренческая, системоценностная и, возможно, но опять-таки не обязательно, философская.

- Язык политики своеобразным и неоднозначным образом относится к национальному (как общепародному прежде всего и общеупотребительному, всем говорящим более или менее известному), а также и в первую очередь, литературному языку, в разнообразии его форм, «языков», проявлений, аспектов, ярусов, подсистем и сторон. Относится через сознание, общественное и(ли) массовое (что далеко не одно и то же), вырабатывая и предполагая в ряде довольно типичных случаев собственный, особый, политизировано ангажируемый тип языкового сознания, а отсюда интерпретации, понимания и восприятия. Основу всего этого составляет, может составлять, отличная от общего употребления база порождения и восприятия смыслов (также и форм) – *генеративно-перцептивная база* данного политического языка.

- Язык политики предполагает, может предполагать особое, фильтрующее, восприятие и отношение к действительности, порождая, создавая собственный образ ее, отображение, модель, используемую, действующую при создании текстов, при воздействии на адресата и при восприятии, генерируя и индуцируя в его сознании *образ образа*, собственную, внутреннюю, по-разному соотносимую к имеющейся и более или менее объективной, субъективную образ-модель.

- В языке политики по-разному способны сочетаться естественное и искусственное, существующее и воображаемое, действительное и фикция, объективное и субъективное, данное и имеющееся в виду – как категориальные и типологические составляющие того или иного политического языка.

- Вписываясь в систему социальных и массовых коммуникаций, языки политики (либо один, если он один, такой язык), по-разному, но, как правило, не равным и

подчиняющим образом, взаимодействуют с ними в семантическом и концептуальном пространстве данного социума и его национального и литературно-письменного языка, воздействуя на их и его природу через системы этих самых массовых и социальных коммуникаций.

- Скачкообразные, революционные периоды развития русского, прежде всего литературно-письменного, языка, относимые в русистике ко времени петровских реформ начала XVIII в., к 20-м годам XX столетия, к концу XX – началу XXI веков и связанные с изменением почвы внутреннего обогащения языка, его отношением к нормам, резкими и массовидными изменениями в пассиве и активе словаря, – эти периоды можно было бы определять в понятиях европеизации (I-го подобного, петровского, этапа, с обращением к заимствованиям), советизации (II-го, с обращением к среде городского просторечия от диалектов в XIX веке) и массовизации (III-го, с его обращением от городского просторечия к сленгу, иногда трактуемому как городское арг, общий жаргон, на наш взгляд, не вполне удачно). Отсюда неизбежны следствия для языка политики – плюрализирующегося, массовизирующегося и раздваивающегося между профессионально обусловленной, намеренно сгущаемой специализированной, в известном отношении псевдонаучной, языковой стихией, с одной стороны, и стихией сниженности, жаргонизации, арг, вульгарности и сленга, что отмечается многими исследователями, воспринимаемая как следствие отхода от советского идеологического унитаризма и либерализации. Как нам представляется, это, скорее, следствие более общих, общеязыковых тенденций, литературного русского языка, меняющего социальную базу (от просторечия к сленгу) своего обогащения (но не обязательно нормы, уже существующей и лишь колеблемой).

- Эволюция, развитие, динамика политического языка (как общего, в своих типологических далее проекциях и вариантах) связывается неизменно со сменой общественных системоценностных, а тем оценочных, коннотативных и экспрессивных, ориентиров. Меняется фон и тон такого языка, не обязательно становясь улучшенным и выверенным, но звучащим неизменно иначе и по-другому.

- Результатом, следствием произошедших в языке и общественном сознании трансформативных (но не обязательно при этом трансформировавших) перемен имело бы смысл считать не столько заявленную в ряде исследований деидеологизацию (таковая вряд ли возможна и сомнительно, чтобы в языке политики произошла, лишь размножившись, став дифференцированной и разнообразной), сколько *десоветизацию*, проявившую себя в первую очередь в изменении общественно-публичного и официально-воздействующего лексикона, уходе значительных лексических пластов. Но далеко не обязательно в десоветизации категориального мышления, не обязательно в возникновении новых общественных коммуникативных и когнитивных парадигм. Процесс этот длителен, сложен и далеко не одномоментен.

- Специфику языка политики, как данного политического языка, есть смысл усматривать, помимо идеи внутреннего смыслового кода как семантического языка, с его парадигматикой и синтагматикой, в первую очередь в его лексике и фразеологии, включая в это понятие также клишированные единицы, и в особого рода стратегиях, характерных, типичных для данной политической формулы языка.

- Типология и характер языков политики зависят не только от целей или идейного, в том числе и партийного,

выбора, от ориентации группы лиц, стоящих за ним, но и, не в последнюю очередь, от отношения к фазе движения-достижения, а затем сохранения, стабильности либо потери, утраты и отлучения от власти. Один из примеров такого рода типологического проявления политического языка станет предметом дальнейшего рассмотрения.

После такого общего предварительного вступления обратимся теперь, по разделам, к описанию отдельных аспектов и проявлений-сторон затронутого нами явления. Смысл первого подраздела можно свести к проблеме номинативности, номинативного акта, номинативных клишированных единиц как своего рода свернутых, снятых, оценочно-коннотативных высказываний, включающих в себя имплицитно и эксплицитно оценку и характеристику оппонента как контрагента-позиции и(ли) подразумеваемого, но далеко не всегда обозначенного и называемого лица.

1. Номинация.

Апеллятивы языка политика как свернутые оценочные высказывания.

Язык политики, как специфическую сферу функционального проявления речевого словоупотребления, необходимо прежде всего рассматривать, по-видимому, с точки зрения номинативной теории. Устойчивые обороты, речевые штампы, клише, слова с закреплённой оценочностью, характерные для того или иного типа политического языка, предполагают рассмотрение и изучение позиции номинатора – того, кто даёт соответствующее название, запускает подобно выражение,

слово в ход. Отсюда важность определения роли номинативного акта в условиях политического взаимодействия.

Номинативный акт и оценочность в составе клишированных единиц языка политики.

Данная работа, опубликованная в сборнике научных трудов *Русистика и современность. Языкознание 3*. Pod red. M. Bobrana, Rzeszów 2003, s. 157-174, посвящена анализу типичных для языка политики словосочетаний устойчивого характера. Рассматривается период горбачевской осени – заката стоящего у власти лидера псевдодемократического тоталитаризма. Периода, отмеченного усилением агрессивно неприязненного отношения к оппонентам. Клишированные единицы политического языка указанного периода определяются как апеллятивы – единицы особой природы, характеризующиеся включением в состав значения коннотаций и оценочности, строящихся на трехчастной ролевой структуре номинативно-коммуникативного акта (субъект речи – предполагаемый оппонент и адресат) и скрытой апелляцией к системе принятых общественных моральных ценностей и установок.

Особый характер коммуникативного взаимодействия, проявляющий и актуализирующий себя в политическом языке, предполагает использование языка как орудия одностороннего и исходно не слишком верифицируемого воздействия, при котором субъект оказывается не столько тем, кто порождает осмысленные речевые высказывания, сколько носителем некоей позитивной идеи, у которой есть свои и сторонники, и

противники, а иногда только эти последние, и перевес в сторону позитивности и ее правоты может иной раз быть настолько значительным, что всё высказывание имеет исходным смыслом задачу чисто оценочную, направленную против и *контр* чего-то другого, нередко даже и исключительно экспрессивную.

В подобных условиях особую роль начинают разыгрывать внутренние, пресуппозитивные и имплицитные средства оппозитивной оценки. Участниками коммуникативного взаимодействия оказываются не два как минимум (говорящий и адресат), а три речевых субъекта (говорящий – предполагаемый его оппонент – адресат), причем позиция оппонента для говорящего будет настолько важной, что его появление и присутствие, его отражение в речи будет всегда почти обязательной. Облигаторность его позиции, выражая себя оценочно, воплощается в типе, в коннотативном, сигнификативном и денотативном характере слова-номинатива.

Всё это, равно как и другое, не менее важное и существенное, требует рассмотрения лексем и фразем языка политики прежде всего как особого рода номинативов, передающих и воплощающих ситуативно известные, воображаемые и возможные виды оценки, общественно закрепленные, составляющие фон социальных знаний и ценностей, актуальных и действующих на данный момент.

Типология "языков политики", основывающаяся на экспликативных типах политиков и их высказываний, - предмет особый. Для того чтобы говорить о системе, законах действия и воздействия в данной области функционального проявления языка, необходимо закономерности и различия данных типов предполагать или хотя бы иметь в виду. Не всё едино, и даже совсем далеко не едино в различных типах названных языков. Сама

оценочность и оценка, будучи как исходная социальной, поразному и иногда, возможно (как крайний случай), даже весьма незначительно, может и будет себя проявлять в соответствующих речевых высказываниях и в соответствующих номинативах. Затронуть и рассмотреть такие различия в данном опусе не удастся.

Объектом анализа был язык в политическом, а также субъектном и адресатном отношениях однообразный – язык утрачивающего, теряющего власть псевдодемократического тоталитаризма, точнее утрачивающего власть позиционера подобной формы правления. Определение "псевдо" и "демократический" было бы неуместно, если бы то и другое не отражалось в характере речевой позиции говорящего, о которой здесь нет возможности рассуждать подробно, но смысл которой сводится к необходимости так о себе заявлять (как о носителе демократической формы правления) и так, *псевдолояльно* и *псевдотерпимо*, относиться к предполагаемому оппоненту, нередко искусственно и утрированно воссоздаваемому для необходимости его обличать и со своих субъективных позиций его *социально* оценивать. Поэтому всё, о чем далее пойдет речь, не следует обобщать и рассматривать как некую универсалию данной предметной области – языка политики, - в какой мере она будет такой и будет ли ею вообще, судить об этом будет возможно лишь в общей системе типов и разновидностей. Анализировался и во внимание брался только один из возможных типов, и о нем, об этом одном, и возможно будет пока говорить применительно к выводимым особенностям социальной оценочности.

В политическом слове содержится некий смысл, конденсированно в себе содержащий отношение власти, субъекта, носителя власти, к тому, о чем говорится, к

денотату слова, и, фактически, как отражение, некий *сценарный план* – заложенную структурно идею манипуляции, обработки, использования данного **того, о чем**, в свою пользу, в интересах собственной власти (достижения, удержания, противоборствования противникам и т.п.). Слова *население, народ, массы, люди, толпа, избиратели, электорат, простые люди, труженики, чернь*, - называя денотативно одно и то же, передают различное отношение и позицию говорящего. Это само по себе понятно, но, что важно и что важнее, - содержат в себе идею возможного манипулирования, идею инструментальности, того, чем может быть и(ли) чем является, чем должно быть данное в отношении тех и того, к кому это может быть обращено, к адресату.

Мир рассматриваемого экспликативного типа орудийно-предметен. Всё, что есть в нем, сценарно, сюжетно расписано и – в манипулятивах-номинативах – схематично определено. Четыре (пять) исходных фаз, как исходных субъектных интерпретирующих позиций, – 1) добиваться власти, 2) прийти к власти (овладеть ею), 3) стоять (находиться) у власти, 4) удерживать затем могущую высказывать власть и, наконец, 5) потерять (потерявши) власть, после потери власти – как тихо-нескромное увядание – определяют характер и смысл речевого оценочного, сценарно-манипулятивного по смыслу, использования, проявляясь в природе значений слов, в природе номинативов. Политика – как некая для речевого субъекта драма-действие, в котором он речевой участник, проходит, разыгрывается им и перед ним в словах, и по словам можно судить об облике, типе, характере и, главное, фазе власти – в начале она, в пути, на подъёме, или только что и уже оседлала и на коне, и как давно едет, или падает, начала только падать, или уже свалилась.

Всё это, однако, тоже не будет предметом данного рассмотрения. Ограничимся некоторыми – теоретическими и прагматическими – обобщениями, которые могут в дальнейшем позволить, вернувшись к теме, определить особенности падающего тоталитарного типа как типа насильствующего, наступательного и прессорного, и далеко не в осенней и "мягкой" своей модуляции.

Падение происходит на фоне общественного политизирующегося мышления, - так принято было, во всяком случае, это считать. Однако поскольку исходно принятая (= навязываемая) установка тоже известный участник разыгрываемой общей политической драмы-игры, фактор этот необходимо учитывать.

Номинативы – фраземы, лексемы, - используемые в интересующем нас языке, точнее речевом проективном типе, различны. Различны типологически, но это различие также предметом не будет. Просто, чтобы представить "дух" выражающей себя в номинативах "эпохи" – политического речевого субъекта, пока еще все же носителя и обладателя власти, приведем незначительным списком примеры (номинативы периода²), демонстрирующие одновременно и вместе с тем характер и тип речевой напряженности, экспликативно-оценочную нетерпимость и агрессивность агентов власти: *взять на вооружение, левые радикалы, небольшевистская тактика, разрушение государственных структур, борьба на улицах, драматические события (в...), действия властей, укрепление правопорядка, наступающая диктатура, угроза (наступающей) диктатуры, государственный переворот, поднять истошный крик, цинизм, впервые в истории, демократически избранный орган власти, деструктивная волна, поправить падающий политический рейтинг, психологическая война, позитивные программы,*

обращаться через голову к народу, отставка Президента, критический момент существования государства, ответственный этап глубоких преобразований, неконституционные внепарламентские формы политической борьбы, слабость власти, паралич власти, центр в политическом смысле, преобразование общества на новых началах, революционная перспектива, конфронтация, сплочение, подавляющее большинство общества, мнения отдельных группировок, собраться по партии, выбор сделан давно и окончательно, дальнейшее углубление конфронтации, кто кого, социальная защищенность, смешанная экономика, важность момента, не позволим, не дадим, неприкрытое давление, удовлетворение честолюбивых политических целей, амбиции, преступно обманывают, организаторы этих акций и т.п.

Не будем здесь говорить о различиях в образе и характере приведенных примеров, отметим пока одно: сценарные манипулятивы свидетельствуют о необходимости жестких мер, применения силы, ради, во имя сохранности падающей, ускользающей власти, апеллятивом своим обращаясь, взывая к опасности — но опасности коллективной и социальной, подменяя опасность, угрозу себе опасностью обществу, коллективу, всем. При падении, как известно, тоталитарная власть, тянет за собой всё то, что она собою пронизывала и чем питалась, отождествляя себя, при этом своем падении, с объектом, с тем и теми, что и кто был и были для нее орудием, средством осуществления себя самой, реализации собственной власти — т.е. общество, его институты, народ. Язык позволяет устроить и распознать затем это субъектно-объектно, *тоталитарное* тождество.

Уместно вспомнить в этой связи теоретические взгляды на язык Е.Д. Поливанова, одним из первых в русском языкознании начавшего рассматривать некоторые языковые особенности в связи с коллективным и массовым в языке (для самого Поливанова – коллективным мышлением). С одной стороны, следовавшего в этом своем подходе и интересе за веянием времени, предполагавшим и поощрявшим идеи ментального коллективизма, но без ментальности, с другой, - по-своему, неординарно, в социолингвистическом к языку подходе, начавшего усматривать в этом концептологические, или ментально-концептные, понятийные, вовсе не поощрявшиеся, явления и закономерности.

Так, теория языковой эволюции, им развивавшаяся и понимавшаяся в связи с изменениями социальных и культурно-бытовых условий, изменениями "того круга понятий, с которыми оперирует данное коллективное мышление" [Поливанов 1968: 77] прежде всего, наиболее ярко может быть осмыслена на материале изменяющихся форм номинативно-оценочной сферы проявления языка. Этот пласт лексики и фразеологии, напрямую отражает характер нараставших в затрагиваемое нами время, постоянно движущихся изменений общественного, коллективно-массового, политизирующегося (изображавшегося как политизирующееся) общественного сознания.

Политика, как известно, область маневрирования, связанная с необходимостью быстрой и постоянной выработки стратегии поведения, живого отклика, участия, реагирования. Не последнюю, если не первую, роль в достижении этого для политики играл и играет язык. Роль языка в системах массового взаимодействия и воздействия многими зарубежными исследователями без преувеличения

рассматривается как основная, едва ли не как единственная, во всяком случае — как единственно универсальная, первичная и обязательная (облигаторная). "Язык является не просто средством, пользуясь которым мы говорим о ... политике, он и есть наша... политика" [Drinan 1972: 279].

Язык политики, в силу своих свойств, не просто вбирает в себя процессы, существующие в других сферах социального взаимодействия, - он придает им статус общественной значимости, этнокультурной (моральной) глобальности, делая их одновременно актуальными, "заряженными" и наглядно доступными, очевидными. Отражение процессов и изменений социальной жизни в языке политики не беспристрастно — оно почти постоянно оценочно. Эта оценочность, с одной стороны, проявляет себя как фактор мобильный, подвижный и субъективный, передающий позицию заинтересованного субъекта, с другой, - становясь отражением и проявлением нового, во внешней по отношению к языку действительности появляющегося, она неизбежно и вынужденно объективируется, приобретая общественно значимый внесубъективный вид.

Определение форм и структурных типов категории социальной оценочности в языке политики может способствовать, следовательно, более полному представлению и пониманию механизма поливановского "коллективного мыслительного" в языковой эволюции.

В качестве отправного пункта видоизменений в языке Е.Д. Поливанов видел контингент носителей (социальный субстрат). Изменения в общественном сознании, отражающие изменения экономические и политические, ведут к изменениям в языке. Язык воплощает и передает динамику изменений в системе понятий и

представлений, а также в системе ценностей тех, кто на нем говорит, его говорящих.

Динамика политических изменений, появляющиеся различия в системе ценностей идеологически не совпадающих и разно ориентированных политических групп, смещаемые, переставляемые, вновь задаваемые ими акценты воплощаются в языке, дают возможность наблюдать тенденции языкового развития во времени и в *языковом пространстве* (с точки зрения коммуникативных сред) на небольшом, спрессованном, конденсированном участке синхронно-диахронных смен (в условиях сравнительно непродолжительного функционирования средств массовой информации одного временного периода).

Подобные изменения ценностей и оценок затрагивают прежде всего номинативный ряд, отражаясь в первую очередь в лексике и фразеологии, в словоупотреблениях, в сочетаниях слов, в речевой узуальности, подтверждая, тем самым, замечание Е.Д. Поливанова о том, что лексика, фразеология "наиболее быстросчувствительная область языка" [Поливанов 1968: 191], ср.: [Карасик 1992: 11]. Подтверждают также его мысль о том, что предпосылками обновления словаря и фразеологии следует считать "1) наличие большого числа новых понятий (прежде всего политических, а затем и общенаучных – ввиду повышения массового развития), привносимых в эпоху революции в коллективное мышление людей... 2) изменение социального состава носителей... языка" [Поливанов 1968: 191]. Всё это как нельзя более подходит к условиям функционирования языка политики в период смены агентов власти.

Видимо, поэтому наилучшим образом искомые величины изменений обнаруживаются в получающих хождение ярких, легко запоминающихся и потом легко

сменяющихся фразах, лексемах и речевых клише, аккумулирующих время, место (источник), социальный субстрат, интенцию и адресатную направленность (апеллятивность).

Речь идет о таких, например, единицах политического языка, как *холодная война, гонка вооружений, аппарат, ястребы, номенклатура, охота на ведьм, политическая нестабильность, анархия, разрушение, распад государства* и пр., которые, с точки зрения структурной, представляют собой слова и сочетания слов фразеологического, фразеологизованного или просто устойчивого характера, с точки зрения же семантической могут рассматриваться как номинативы измененных состояний и свойств, номинативы оценочные, социально-оценочные, т.е. апеллативы.

Свойство языка быть инструментом власти начинает проявлять себя с самого начала, с акта номинации, с актуализации выбора. Известный исследователь воздействующей и манипулятивной функции языка Р. Блакар замечает: "Выбор выражений структурирует и обуславливает представление, получаемое реципиентом", "произнося одно-единственное слово, человек..." вынужден занять "позицию" и "осуществлять воздействие" [Блакар 1987: 90-92]. Отсюда следует неизбежно необходимость определения процессов, характерных для такой номинации, и прежде всего – номинации в условиях массового воздействия, в языке политики.

Номинация эта – особого рода, она специфична тем, что процессы и результат ее протекания обуславливают избираемую "позицию власти". Сжато и конденсированно она содержит в себе заряд той идеологической и общественно-политической системы, в связи с которой, на базе и в недрах которой она протскает, которую отражает.

Номинативы такого рода, будучи порождением и экспликацией данной ментальной и социальной системы (верификации, ценностей и оценки), связаны с ней непосредственно и очень тесно, поэтому только в контексте ее значений и ее проявлений могут быть адекватно поняты.

Подобный номинатив, прежде всего, имеет агента – того, кто его создает (или создал) и использует затем как собственный, отражая в нем себя самого, свою позицию, миропонимание, мировосприятие, отношение, и определяя им, через его посредство, себя и свою такую позицию – заявляемую и затем отстаиваемую.

Подобный номинатив, как следствие, часто при этом определяет (оценивает) и контрагента (оппонента агенту) – субъекта другой позиции, которая может выглядеть противоположной по отношению к таковой агента. Позиция агента при этом, собственная и исходная, выглядит как правомерная, оправданная и этически обоснованная, позиция контрагента, нередко, как противоречащая исходной и неприемлемая.

Подобный номинатив включает в поле своей оценочности (и в поле своей семантики), помимо позиции оппонента, и – референта: предмет, явление, представление о которых он называет.

Оценочность такого номинатива-апеллятива, лексемной, фраземной речевой единицы соответствующего политического языка, - выглядит, таким образом, с точки зрения своей направленности, тройственной - агент, контрагент (оппонент), референт, - отражая номинативно ту категорию, которую в языке принято полагать субъектно-объектной и которая реализуется (опять-таки в языке) в глагольных категориях лица, залога (для морфологии) и проявляет себя в семантике субъекта-объекта и падежа, воплощая себя синтаксически (т.е. для синтаксиса).

Для теории номинативных и коммуникативных актов достаточным, видимо, было бы ее представление как категории прежде всего коммуникативно-воздействующей, апеллятивной, реализующейся в составе агента и контрагента (оппонент – предполагаемый собеседник), а также предмета речи (того, о чем говорится, объект-референт).

Для коммуникативного (речевого) акта, протекающего в условиях социального (массового) взаимодействия, немаловажным представляется еще один для нее участник – объект-адресат, или тот, к кому намеренно, либо предполагаемо, обращает речь говорящий и на реакцию которого он рассчитывает, желаемой реакции которого ожидает.

Для коммуникативных актов социального взаимодействия, реализующихся в условиях массовых коммуникаций, актуальной, таким образом, оказывается структура, отличная от структуры коммуникативного акта в обычной (обыденной) речевой ситуации. В то время как для той минимально достаточна проекция двусторонняя говорящий – слушающий, или меняющийся с ним агентной ролью его (говорящего) собеседник – адресат речи, и тоже, но только второй, субъект, - для массовой коммуникации проекция минимальной структуры представляется трехсторонней: говорящий – (подразумеваемый) оппонент – адресат (или слушатель). При этом, с одной стороны, как бы расщепляется сфера субъекта на двух участников – агента (говорящего) и контрагента (оппонента), с другой, - расщепленной на две оказывается и сфера второй половины: включенный в речевой акт, обычно воображаемый, собеседник предстает в двух проекциях-проявлениях – контрагента речи и адресата, того, к кому обращено речевое высказывание.

Отличие коммуникативного акта в условиях массовой коммуникации от обыденного состоит дополнительно в речевой закреплённости. Участники данного акта в пределах высказывания лишены возможности меняться ролями (некто вроде контрвью оппонентов перед слушателями со сменой ролей, видимо, представляет собой особый случай, предполагающий, как следствие, иными вербальное поведение участников и номинативы, ими используемые).

Закреплённость коммуникативных ролей, при которой контрагент, обычно отсутствующий, лишен возможности выразить, отстоять свою точку зрения (и тем самым скорректировать вербальную сторону речевого высказывания в свою пользу, повлияв в конечном итоге на семантику, возможно, и форму номинативов, используемых говорящим, предполагая, тем самым, нейтрализовать контрагента), делает выигрышной и активной позицию одного говорящего. Активным в речи, следовательно, возможен, и таковым становится, только агент.

Вторая особенность несменяемости ролей связана с адресатом. Очевидное отсутствие обратной связи как непосредственной в момент говорения в условиях массовой коммуникации и языка политики, невозможность для слушателя (наблюдателя, того, к кому непосредственно обращается речь) себя проявить, делает и его роль пассивной, отдавая коммуникативную потенцию своей роли агенту, усиливая, таким образом, его роль. Позиция говорящего в результате оказывается трехкратно усиленной сравнительно с позицией агента обычного речевого акта.

Несменяемость, предполагающая статичность коммуникативных связей и переходов, в отличие от мобильности обиходного речевого акта, ведет к конденсации поля значимости вокруг такого

высказывания, к увеличению его положения, престижа и статуса, к динамической (силовой) концентрированности, вследствие этого, его единиц.

Специфика речевого произведения массовой коммуникации и языка политики именно как коммуникативного в первую очередь, - т.е. адресуемого - речевого акта (в отличие, скажем, от произведения художественной, научной либо иной функциональной природы и назначения, коммуникативность которых определяется иными критериями и особенностями), создается во многом возможностью явного и очевидного присутствия и воплощения в речи коммуникативных полей контрагента и адресата. Вследствие чего возникает особый характер направленности речевого дискурса подобного рода.

Говорящий не просто обращается к своим собеседникам – адресату и оппоненту. Он выполняет их роли, играет их роли за них, включая позиции одного и другого в структуру, семантику своего речевого акта такими, какими он себе их представляет, такими, какими он хочет их видеть и представлять.

Отсюда, как следствие, необходимость рассматривать речевые произведения (акты) массовой коммуникации с точки зрения и как *снятые* коммуникативные акты, с остановленной ролевой сменой и усиленной ролью агента.

Оценочность (едва ли не как основное свойство рассматриваемых речевых единиц), в силу определяемых особенностей языка политики, становится категорией, направленность и облик которой воссоздается и генерируется агентом – в процессе коммуникативного акта, в процессе его (агента) речевого воздействия, в процессе его *апеллятивного* обращения к слушателю.

Имея своим источником говорящего, исходя от агента, включаясь в семантическую структуру аппеллятива, оценочность оказывается свойством, приобретаемым единицей, специфической для языка политики и в нем актуальной. Семантике общезыкового слова подобного рода оценочность будет не свойственна, словарно она поэтому и не закреплена, к тому же, вдобавок будучи не постоянной, подвижной и обусловленной, зависимой от темпоральных, тактических, стратегических, социальных факторов и причин.

Аппеллятивы языка политики должны, таким образом, рассматриваться как *функционально-семантические варианты* слов (сочетаний слов) соответствующего национального языка.

Возникают, однако, вопросы. Благодаря чему, благодаря каким таким свойствам коллективного мышления (социального субстрата, по Поливанову) агент получает возможность приписывать нужные ему коннотации и оценку, включая оценочность в семантическую структуру слов языка? Каким образом понятийное (представлений коллективного сознания) способно вдруг оборачиваться в языковое? Чем является сама такая оценочность, вследствие каких лингвистических и ментальных причин она становится составляющей семантической структуры языкового знака (речевой его единицы, узальной и функциональной по принадлежности)? Поскольку исходно, в семантике лингвистической и общезыковой, используемых в языке политики слов и языковых (речевых) сочетаний, подобная оценочность не присутствует.

Поставленные вопросы и их разрешение позволят определить особенности не только языка политики как функциональной формы речи, но и увидеть, возможно, мотивы внутренних изменений, - того, что становится далее

основанием для возникновения нового, основанием обновления, инновации и динамики в языке.

В рассматриваемое нами "политическое" время появились и приобрели хождение в языке средств массовой коммуникации словосочетания, которые с полным основанием можно рассматривать как оценочные коммуникативные узуальные апеллятивы – *парад суверенитетов, война законов, утечка мозгов, определенные силы, конструктивная критика, положительная программа, альтернативные выборы, подлинная демократия, новая реальность* и др.

Опираясь на их анализ, попытаемся определить черты, которые характеризуют специфику и структуру социальной оценочности, ее генетическую для языка природу, определить типологию возможных форм, находящихся отражение в той сфере языкового проявления, которая очерчивается кругом публицистического использования, коммуникативным политическим узусом.

Такие слова, как *парад, война, утечка, конструктивный, положительный, альтернативный, подлинный, мозги, новый*, в языке, вне политической связи, со всей очевидностью, не окрашены, нейтральны, коннотативностью не обладают и оценочности, как таковой, не несут и в общем-то даже не слишком и предполагают, хотя, как всякое, потенциально, слово, ее допускают.

В сочетаниях же с другими словами, такими, например, как *суверенитет, законы, критика*, в соединении друг с другом – *мозги и утечка*, оказываются оценочными и отнюдь не нейтральными, определяя в ряде случаев семантический перенос, сдвиг значения. Механизм появления оценочности, таким образом, вполне лингвистичен.

Коннотат у слова часто появляется как следствие семантического переноса (ср.: *лошадь, корова, лиса* – как "животное" и *лошадь, корова, лиса* – "человек", характеристика свойств человека и их оценка) и – в несвободных сочетаниях, со связанным значением одного из компонентов (*закадычный друг, стреляный воробей, тертый калач, крошечная тьма*).

Насыщение же, семантика оценки с лингвистической семантикой не связаны и обуславливаются системой социальных ценностей и установок, часто этнокультурного либо идеологического происхождения, отражающихся, таким образом, через представления в сигнификатах соответствующих единиц языка политики (апеллятивов).

Говорящий, следовательно, актуализирует социальную оценку имеющихся представлений, характерных для данного коллектива, распространенных, известных в нем, и связанную с системой ценностей, моралью, приоритетами, статусными оценками и впечатлениями. Обращаясь к ним, он получает возможность реализации собственных коммуникативных – интенциональных, модальностных – установок как коммуниканта.

В отличие от условий обыденного речевого акта, аналогичная по существу оценочность апеллиатива (единицы языка политики) оказывается составляющей его языковой семантики и компетенции, т.е. закрепленной за той или иной единицей – как единицей соответствующего узуального словаря и потому предполагающей, следовательно, лингвистическую (и лексикографическую) интерпретацию³.

Вследствие чего, однако, такие слова, как *парад, война, утка, конструктивный, позитивный, мозги* и т.п., нейтральные по своему существу, становятся вдруг

проводниками агентной оценки? Ведь семантический перенос и фразологическая связанность значений – лишь предпосылка к появлению оценки, не само ее содержание, а необычность или семантическая парадоксальность сочетаний *парад* и *суверенитет*, *война* и *законы*, *утечка* и *мозги* – залог привлекательной запоминаемости, яркости, воздействующей силы, публицистической удобности (сжатости, конденсированности), но не оценка как таковая или сама по себе.

Апелляция говорящего (речевого агента) к заложенным в сознании коллектива носителей языка ассоциациям и связям существующих представлений, к языковому и культурному опыту и социальному знанию объясняет подобный вопрос.

Слово *парад* – 1. Торжественное прохождение войск; 2. разг. Празднество, праздничное убранство; торжественность, пышность (МАС) – семантически, в структуре лексемы, оценки такой не содержит. Но, если обратиться к речевому узусу, - "при полном при параде", "как на параде", "как на парад", "к чему этот парад?", "парад, да и только", "парадность", и глубже и дальше – "парадное", "парадный подъезд", "размышления у парадного подъезда", - оценочность появляется. Это ирония, сарказм по поводу несоответствия действительного и показного, претензии и исполнения, несвоевременности, неуместности, несообразности в связи с условиями и обстановкой, выстраиваясь и формируясь по двум основаниям – торжественность, требующая усилий, затрат, значения, значимости и подготовки, и потому не всегда оправданная, с одной стороны, и – то, что не каждому, не для каждого, не обыденно, не для всех, потому напоказ, демонстративно, чтоб доказать, показать свою такую отмеченность, исключительность, - с другой.

Война (вооруженное столкновение между государствами, общественными классами, группами, группировками; перен. - состояние вражды, борьбы с кем-либо или чем-либо) тянет за собой целый комплекс представлений о бедах, несчастиях, крови, потерях, утратах, смертях, нищете, необходимости жертвовать и отказываться, о трагедиях, - для общественного сознания и в сознании коллектива. Именно к этому комплексу пугающих ассоциативов направляет внимание слушателя, внимание воспринимающего адресата агент (говорящий) с целью желаемой, формируемой в апеллативе оценки.

Утечка (убыль, потеря чего-л. вследствие вытекания, высыпания и т.п.) - на бытовом уровне восприятия возникают при этом обычные представления о бесхозяйственности, недобросовестности, неумелости и халатности, неумении сохранить, предотвратить, не дать уйти чему-то полезному, общественно нужному, необходимому, и (если дальше идти, и по историческим ассоциациям социального прошлого) - о вредительстве, а с этим и происках, кознях, врагах.

В сочетании данного слова со словом *мозги* - неизбежно подводит к мысли об их способности перетекать, уходить, не сохраняться без дополнительных превентивных мер по их сдерживанию, консервации и опеке со стороны тех, от кого должна зависеть их сохранность и неизменность на месте, - всегда долженствующих быть готовыми к распоряжению и использованию на благо и в интересах общества.

Обращают на себя внимание различия характера актуальности (степени приоритета) и направленности проявляемой оценки. *Парад, война, утечка* занимают разное место на уровне ожидаемого следствия,

семантически и структурно связываясь с различными сторонами в системе общественных ценностей и установок.

Война, со всей очевидностью, имеет наиболее высокий статус по сравнению с двумя другими. Последствия обозначаемого данным словом явления затрагивают самую основу общественного существования и благополучия. Оно (само явление как референт) обладает внутренним показателем неблагополучия слишком значительного и всеобщего, чтобы быть сыгнорированным, не взятым в расчет, перед которым все прочие явления и символы отступают на задний план и снимаются. Оценочность подобного рода, занимая позицию наибольшей значимости ("знак беды"), стремится, с одной стороны, усилить общественную актуальность обозначаемого, как негативного, нежелательного, избегаемого, с другой, - побудить адресата к поиску и определению причин такового возникшего неблагополучия. И – осудить, заклеить, уничтожить виновников состояния предполагаемой и объявляемой *войны* (ими? агентом? им? ему? – кем и кому? в искомой адресатом пресуппозиции).

Природа апеллятива, как видно на этом примере, двойственна и обратима: поднявшийся меч от него нередко и гибнет. Искусство агента-политикана (если бы его все исправно слушали) состоит в умении обернуть, направить вызванный взрыв, энергию негодования не против себя, а против того другого, не желаемого им, не желательного **коллективного** оппонента, в умении сделать его таковым, т.е. действительно коллективным, обособив его, оторвав от возможной поддержки, показав его изолированность, в умении демагогически отождествляться, тоталитарно (тотализаторно?) солидаризироваться со своим адресатом. Искусство агента, следовательно, в том и состоит, чтобы быть *агентом*, и оставаться им – раздающим,

распределяющим, разделяющим, противопоставляющим – роли и всех *остальных других*, тех, к кому и о ком он говорит, к кому и о ком вещает, кого и для кого оценивает.

Опираясь на то, что уже имеется в общественном сознании (известное отношение к войне, а также ее трагическую перманентную, постоянно пугающую общественную актуальность и значимость), говорящий в номинативном акте обращается одновременно к знанию адресата о сегодняшнем, вычленив в нем, из него, события по существу от войны далекие. Референтно речь идет собственно о "несогласованности законов различных уровней, их известной, возможно взаимоисключающей противоречивости". И направляет, тем самым, общественное мнение на поиск причин, лежащих не в плоскости определения уровней законодательной компетенции, а в плоскости поиска и обличения виновных.

Виновны те, кто затеял эту войну и кто ее ведет: прежде всего контрагент и неизбежно при этом и агент. Позиция агента, однако, показывается, представляется им самим как более благородная, выигрышная и ответственная. С его стороны война ведется ответная, вынужденная и "справедливая" (с идеей и впечатлением защитника, оборонителя не одних своих интересов, но – пострадавших и страждущих). Юридическое и законодательное намеренно и сознательно переводится в плоскость политики, с демонстрируемой при этом идеей противостояния, невозможности компромисса, с идеями *кто кого и врага*.

Оценочность, таким образом, обращенная к адресату, актуализирующая его знания и опыт, предполагает двойную направленность к контрагенту. Включает в себя *эксплицитную* часть, с оценкой негативной (обоих, и контрагента и с ним агента, становясь на позицию "беспристрастности", как бы "от лица страдающего адресата"),

и часть *имплицитную*, с оценкой одобрительной, оправдывающей позицию агента, принимающей ее как вынужденную и единственно возможную в сложившихся обстоятельствах (с идеей жертвенности и самопожертвования со стороны такого решительного агента, тоже войну объявившего, но в защиту страдающих и страждущих общественных интересов).

На несовпадении знаков эксплицитной и имплицитной оценки – отрицательная / положительная, – через выведение задаваемых логических следствий, возникает еще одно направление оценки – оценка свойств (с проекцией ожидания) агента и контрагента.

Занимаясь агентом позиция "от адресата", апелляция в его защиту и от его лица, предоставляет агенту возможность дать себе *с помощью адресата* еще одну имплицитную, по своему характеру и искомой направленности, оценку. Оценку своей позиции как носителя особых свойств – положительных, необходимых и желательных – субъекта благородных качеств, способного правильно понять сложившуюся обстановку и в условиях опасности активно действовать. Оценку стабильную и проецирующую некоторую стратегию – стратегию оборонителя и защитника в предстоящей схватке, не щадящего себя за всех и за каждого и готового пострадать *за други своя* и общественное дело.

Из сказанного можно вывести следующее:

1. Оценочность представляет собой апелляцию речевого субъекта – агента речевой номинации – к системе общественных ценностей, знаний и установок на разных уровнях и в разных проекциях ее использования и когнитивного насыщения. Система ценностей парадигматична, и в парадигмах, для целей анализа языка

политики и апеллятивов его подсистем, может описываться и изучаться.

2. Система общественных представлений, помимо парадигматики системы ценностей, обладает планом социально-темпоральных актуализаций (имеет свою синхронию и диахронию). Обращение агента к сегодняшнему актуальному имеет характер речевой предикации, темо-рематично по своему характеру, включая исходное и рядом с ним новое. При этом новое координирует с известным, исходным, соединяясь с ним и тем самым вписывая его в парадигму социальных представлений, давая ему оценку с позиции, с точки зрения социальной системы ценностей, социализируя его, делая его коммуникативно значимым и, в свою очередь, известным потом для дальнейшего. Номинативный акт, в условиях подобного социально значимого взаимодействия, оказывается сходным с высказыванием, с актом коммуникативным, обладающим предикативностью. Предикативной становится, следовательно, сама номинация – как речевой ритуальный процесс.

3. Предицирующее обращение агента к системе общественных представлений в акте номинации позволяет, на фоне движущихся задаваемых следствий и выводов, достигать различия и в оценке – в ее направленности, характере, степени и эксплицитности. При этом *эксплицитное* и *имплицитное* для оценки могут не только не совпадать или противостоятся, но и вести к возможности возникновения новых скрытых, все более имплицитных, глубоких, не осознаваемых, проецирующих и упреждающих видов оценки, вплоть до оценки свойств предицирующего их агента. Смещенность "позиционных" ролей оценки при этом позволяет достигать различия как в

силе, так и в характере и в содержании предполагаемой и полагаемой оценки.

4. Недостижение желаемого для агента вполне возможно. Оно будет основываться на расхождении предполагаемой им и реальной акцентуации системы ценностей адресата (смещение акцента, производимое агентом, оказывается неадекватным позиции актуальностей воспринимающего). Оно может быть связано также, как следствие, с несовпадением, различием в системе общественных, социальных знаний и предпочтений. Оно может быть также следствием отношения адресата к агенту как информативному источнику (авторитет, степень достоверности, позиция и т.п.).

Общественная система ценностей и представлений, будучи устроена парадигматически (и синтагматично), в синхронии и диахронии, предполагает устройство, похожее на языковое. "Язык" социально значимых представлений, составляющих основу языка политики, соотносится с ним как внутреннее и внешнее, служит для него тем предсказуемым, которое, функционируя, т.е. генерируя и воспроизводя "высказывания", может быть использовано и используется как предикативное основание оценки.

Категории общественной системы ценностей (изменяющегося круга понятий, "с которыми оперирует данное коллективное мышление", по Е.Д. Поливанову) могут быть выведены и парадигматически определены. С ними могут быть соотнесены компоненты семантической структуры номинативов языка политики – слов, терминов и политических фразеологизмов-клише, различия между которыми, тем самым, могут стать объектом научного анализа и основанием достоверных выводов для кодовых систем как таковых и кодовых систем политики в первую очередь.

Идеология и политика, исследуемые через язык политики и систему социальных ценностей как собственный "язык", концептуальный, семантический по существу, могут дать лучшее представление, со своей стороны, о процессах, происходящих в языке, его семантике, лексическом составе, фразеологии, о процессах его развития и обновления, о его динамике, в ее синхронии и диахронии. Данные сферы, став доступным и освоенным для языкознания объектом, позволят определить те связи и тенденции, которые управляют механизмами развития и обновления, составляя, в конечном счете, основу языковой эволюции.

Противопоставления *единство / разьединенность, мир / война, старое / новое, равенство / неравенство, личное / общественное, человек / государство, сильное / слабое, законное / незаконное, порядок / хаос, свобода / несвобода, заслуженное / незаслуженное, свое / не свое, изолированное / имеющее поддержку*, лежащие в основе социальной и имплицитной оценки представленных апеллативов, равно как и с ними другие, могут рассматриваться как основы соответствующих категорий для систем общественных (социальных) ценностей. Именно систем, а не одной системы, потому что разными могут быть не только порядки и акценты, но и само содержательное наполнение данных категорий для групп и представителей различной политической и общественной ориентации. Различными могут быть и наборы этих категорий, и проявления, узуальные, речевые проекции их значений.

Исследование таких систем, в качестве собственной задачи (не столько ради изучения и понимания языка, его развития и эволюции), могло бы способствовать также лучшему восприятию и пониманию семантической –

нормативной, апеллятивной, ценностной – стороны той или иной проводимой и реализуемой политики, определяя фазы, потенции, возможные последствия и действительные, а не пропагандируемые и объявляемые, общественные значимости ее воплощения и деяния.

Еще один пример подобного рода использования номинативных единиц болес или менее устойчивого характера в языке политики в качестве свернутых оценочных высказываний может представлять следующая статья, написанная в 1992 г. и помещенная в сборнике *Slavica quinqueecclesiensia IV. 1998. Linguistica. Translatologia. Cultura*. Red. Lendvai E., Hajzer L. Pécs 1998, с. 257-267 под измененным названием *Семантика узуальной лексики: модели речевого словоупотребления, структуры типических отношений в языке политики*.

Апеллятивы языка политики как имплицитные свернутые высказывания.

Язык политики представляет собой особую функциональную сферу, предметно связанную с той областью общественных отношений, которая управляется идеями воспроизводства (преобразования, оформления, сохранения, упразднения) социальных структур. Иными словами, с идеями коллективного **ego** относительно себя самого и себя другого – своего **alter ego**. Изучение процессов, характерных для данной сферы, по самым разным причинам, представляется немаловажным, поскольку дает представление о характере и о типе

коммуникативного взаимодействия в условиях как самой этой сферы, так и (шире) речевой среды носителей языка, раскрывая особенности и механизмы их когнитивно-узуальных контактов, процессы понимания и восприятия их и ими.

Есть все основания рассматривать данную область в семиотическом и семантическом отношении как сферу *субъективной модальности* коллективного *его*, поскольку политика – это прежде всего стремление, идея по достижению цели, в то время как само достижение, т.е. ее реализация, воплощение, на деле лишь средство, а не достижение. Любопытен в этой связи известный трюизм “политика есть искусство возможного” (с подчеркнутым обозначением модальности ирреальности, если понимать сказанное в грамматическом смысле). В этом обращении, видимо, и состоит смысл политики как *бесконечно воспроизводящейся сферы субъективной модальности*, объективация для которой оборачивается отторжением для себя самой.

Объективирующееся, становясь фактом жизни, фактом общественного бытия, перестает быть предметом *только* политики. В связи с этим *только* и следует, очевидно, касаться проблемы собственного, специфического в языке политики, определяя набор характерных для него единиц, выявляя типологические, характеризующие свойства последних.

Свойства эти, обусловливаемые предметно субъективно-модальностной природой коллективного *его*, представляются отнесенными к сфере волевых, целевых, мотивационных и акциональных проявлений субъекта, к сфере *социопсихологии*. Язык, опосредующий эту сферу, предстает как язык волевых изъявлений, целеполагания и целевых установок, мотивационных и акциональных

структур, - коммуникативность, коммуникативные акты в котором становятся не средством реализации смысла, не существованием (“овеществлением”) языка, а самим этим смыслом, самой “вещью” и сущностью этого языка.

Если бы не возможность впасть в упрощение, можно было бы утверждать, что предметом, имеющим имя, референтом номинатива для языка и в языке политики выступает коммуникативный акт, снятый, свернутый, имплицитный инвариант коммуникативного взаимодействия предполагаемых субъектов как модель и вместе с тем результат, как суждение или мнение, нередко оценочного характера, имеющее коммуникативно значимый и социально отрегулированный характер, как свернутое высказывание, которому придается (в субъективной модальности) объективированный, статусно устойчивый, “фразеологизованный” и узуальный вид.

Подобное утверждение предполагает, по крайней мере, два необходимых ограничения: 1) оно касается прежде всего того и такого политического языка, предметная область которого, т.е. сама политика, представляет собой не что иное, как серию сменяющихся коммуникативных актов и 2) не все, а только собственные единицы этого политического языка, составляющие его специфику, должны обладать обозначенным свойством как безусловным.

Коль скоро подобная политика существует (в этой связи, по-видимому, необходимо говорить о типе политического воздействия и проявления), существуют, как следствие, соответствующие ей типы политиков и соответствующий им тип политического языка.

Уместно в этой связи вспомнить суждение А. Шлезингера о том, что каждое политическое направление формирует определенное (т.е. *свое*) “языковое поле”,

которое объединяет ключевые (т.е. для себя специфические) политические термины и символы (миф) [Schlesinger 1977: 74].

Подобный язык будет представлять собой по преимуществу язык воздействующей, апеллятивной функции, узуальные единицы которого, лексемы и фразеологемы, могут рассматриваться как единицы особые, устроенные, организованные, возможно по собственным структурно-семантическим и смысловым моделям, отражая особый, своей предметной области, характер типических, оценочных отношений. Единицы подобного рода, релевантные для определяемого политического языка, организуемого по апеллятивному типу, могут быть названы, соответственно, апеллятивами.

Под **апеллятивами**, следовательно, будут пониматься такие номинативы, т.е. имена (в семасиологическом понимании данного слова), рсференциальность которых имеет смещенный в сторону воздействующей, апеллятивной функции характер. Воздействующая, или апеллятивная, функция, признававшаяся в русскоязычной лингвистике ведущей (наряду с информационной [Костомаров 1971: 30], [Солганик 1976: 10]) для языка средств массовой информации и, тем самым, того языка, той его формы, которую назовем для удобства языком политики – языка по своей коммуникативной направленности являющегося (в средствах массовой информации, другие его сферы во внимание не брались) языком обеспечения целевых, волевых и прочих установок продуцирующего субъекта, модальных по своему существу, - эта их функция в связи с избранным предметом требует уточнения.

Воздействие, представляя собой обращенность, маркированную направленность к адресату, есть, очевидно,

не что иное, как сопровождение, или опосредование, коммуникативного акта. Специфика избранного объекта (язык политики обозначенного типа) дает возможность в определении смысла воздействия пойти еще дальше. Воздействие, для такого объекта, предстает не простым опосредованием, оно предстает вторым, снятым, скрытым, *свернутым имплицитным высказыванием*, иногда ведущим и более значимым, чем высказывание референтное и потому соответствующее структуре номинатива. Высказыванием отраженным, неявно проявленным, но ощутимым в структуре рассматриваемой узуальной лексемы – *апеллятива языка политики* определенного типа.

В связи с понятиями “высказывание” и “структура” необходимо следующее уточнение. За неимением возможности объяснить обстоятельно свою позицию и скрытый за нею замысел автор вынужден ограничиться уподоблением компонентной структуры слова, его лексического значения, синтаксической структуре высказывания. Референтному придается коммуникативный смысл. Слово (номинатив) в языке политики (и в языке средств массовой информации), ориентированное (идеологически детерминированное [Goffmann 1981]) в сторону специфики функциональной сферы своего обращения, ощутимо обладает и потому может быть рассматриваемо как единица, обладающая признаками коммуникативной природы *по существу*, т.е. слово равно высказыванию, и, как высказывание, должно иметь подобия структурной схемы и семантической структуры высказывания, тем самым *синтаксические* его признаки.

Свернутые высказывания, составляющие, таким образом, едва ли не основной, хотя и скрытый, подразумеваемый, не объявляемый, но коммуникативно

известный и значимый для представителей данного политического и социального коллектива, носителей данной идеологической формы политического языка, - такие высказывания могут быть рассмотрены, следовательно, с точки зрения своей коммуникативной структуры, и эта структура есть, на деле, не что иное, как *предметно-смысловая семантическая структура апеллятива* – узуальной единицы данного языка, единицы-носителя апеллятивной функции соответствующих природы и типа, социально-субъектно-оценочной (в смысле социального субъекта) по существу.

Апеллятивы, следовательно, формируют особую область политического лексикона, отражая в первую очередь *позицию* социального субъекта, их породившего, и тем самым говорящего, их использующего. Выявление же структуры скрытой, имплицитной части апеллятива должно способствовать типологическому определению этой позиции (через модальностный облик упрятанного субъекта оценки), смысл которой (позиции) становится очевидным, однако, лишь при сопоставлении и в соотношении с другими. Оценочность (свойство) и оценка (реализация), в этой связи, также должны рассматриваться в терминах свернутого высказывания.

Рассмотрим для иллюстрации коммуникативной структуры три разнородно устроенных узуальных апеллятива: *борьба за власть*, *новоявленный* и *бешеные нападки*. Исторически данные апеллятивы относятся к периоду резкого политического противостояния, предшествовавшего августу 1991, и отражают, оценочно, состояние представителей власти. Нас они будут интересовать как пример синтаксической организации, пример построения модели узуального словоупотребления с проекцией в ней типических оценочных отношений –

модели определенного социально-субъектно-оценочного продуцирующего политические смыслы типа.

Последнее, однако, не означает, что механизм построения моделей другого типа должен быть непременно иным. Различие в организации и построении моделей во многом различие не конструктивно-типологическое, а компонентно-номинативное, на уровне построений структуры механизм может быть идентичен. Выявление типологических признаков в построении узуальной лексики (фразеологемы) должно быть предметом собственного анализа.

Борьба за власть как апеллатив и узуально-оценочная фразеологема может быть представлена в определении, т.е. дефинитивно, как “состояние активного противостояния претендентов власти, предполагающее разрешение в достижении цели одними в ущерб другим”. (Соответственным образом, в избранных дефинитивных терминах, можно определить менее оценочные (не оценочные?) лексемы *претендент* и *власть* - как узуальные единицы языка политики, однако их рассмотрение, равно как и рассмотрение самих дефиниций, не входило в поставленную задачу).

Будучи социально маркированной, данная единица способна к привычному сочетанию со словами *ожесточенная, всепоглощающая, яростная, бесконечная, губительная для общества, опустошающая души, не знающая меры (границ)*.

Слова эти, связанные с ней ассоциативно, проявляют смысл той содержащейся в ней субъективно-модальной установки, которая формирует структуру имплицитного апеллативно-оценочного высказывания. Апеллативного – в обращенности к адресату, оценочного – в отношении к агенту *борьбы за власть*.

Коммуникативная структура узуальной лексемы, единицы-апеллятива, таким образом, выявляется на основе знания порождающей кодовой системы, т.е. парадигматически. Составляющими этой структуры представляются маркеры самоцельности (*изолятива* цели, *финального изолятива*), всепоглощенности (*мотивационного интенсива*) и ожесточенности (*интенсива акционального изолятива*).

Данные маркеры, выявленные на основе массива узуальных лексем языка политики рассматриваемого периода и типа, представляют собой проекцию семантических ценностных категорий в их оценочно-внешнем, адресатно-апеллятивном и манипулятивном аспектах.

Категории интенсива, изолятива и имитатива – усиления, подчеркнутого отсутствия социальной поддержки (отрыва) и несоответствия – оказались ведущими, ключевыми в системе социально-субъектной оценки данного языка.

Отсутствие места не позволяет эксплицировать процедуру. Компоненты выявляемой структуры, как это видно из ее составляющих, имеют отношение к субъективной модальности, рассматриваемой как предметная, референциальная область. Адресатно направленная оценка агенту *борьбы за власть* дается через акциональное как сферу модального его (агента *борьбы*) проявления. Мера оценки лежит, таким образом, в плоскости модального установления нормы акционального проявления (референтная, действительная отнесенность, верифицируемая истинность даваемой оценки к языку, как известно, отношения не имеет, это область онтологического, а не языкового знания).

Новоявленный как апеллятив языка политики, его узуальная лексема, может быть описан дефинитивно следующим образом: “называющий себя некоторым известным именем, имеющим положительную социальную коннотацию, считающий себя таковым, объявляющий себя незаслуженно не тем, что он есть”. Данный апеллятив в качестве левого члена сочетается часто с уничижительным *этот – этот новоявленный друг народа (мессия, пророк и т.п.), эти новоявленные демократы (благодетели, спасители Отечества и пр.)* и ассоциирован со словами *явленный* (явление Христа) и *отъявленный*.

Потенциальный валентностный дейксис (вытекающий из постоянства левого члена) придает дополнительный пейоративный характер общему значению всей оценки, проявляющейся в маркерах демонстративности (интенсив имитатива по имени, т.е. номинативного имитатива) и претенциозности (интенсив мотивационного изолятива).

Бешеные нападки можно представить в определении как “крайне активные, направленные и необъективные действия (выступления) агента пропаганды против своего оппонента, имеющие целью политическую его изоляцию (дискредитацию, отстранение)”.

Для структуры оценки характерны маркеры акционального интенсива, интенсива финального изолятива (изолятива цели) и мотивационного изолятива. Маркеры образуют структуру, определяющую значение и характер оценки для апеллятива, которую можно представить в виде формулы – подобия структурной схеме в простом предложении: Int.Act. - Int.IsI. - IsI.Mot.

Структурные схемы рассмотренных узуальных лексем *борьба за власть* и *новоявленный* будут выглядеть, соответственно, следующим образом: IsI.Fin. - Int.Mot. -

Int.Isl.Act. и Int.Imt.Nom. - Int.Isl.Mot. (структуры представлены неразвернуто, порядок компонентов отражает порядок актуальностей, приоритетов смысла).

Обозначенные в схемах семантические категории субъективно-модальностной ролевой оценки – *интенсив*, *изоляция* и *имитация*, а также *референтные определители* (*дескрипторы*) модальностной сферы как предметной области – цели, способности, имя (образ), интересы, мотивы, программа (представления, план), деятельность (ее характер и способ действия) – образуют средства структурного представления аппеллятива как высказывания, имеющего коммуникативный характер и могущего быть тем самым исследованным типологически, структурно и семантически в наборе структурных схем и семантических структур собственного политического (идеологически детерминированного) типа речевого и текстового производства. Исследованным и описанным с точки зрения собственной коммуникативной, мотивационной и идеологической природы, в сопоставлении с другими типами политических языков.

В соединении с дефинитивной (референтной) структурой того же аппеллятива (номинатива) описываемая структурная схема социально-субъектной оценки может служить основой для семантической типологии языков политики, для словарного описания номинативов и смыслов названных языков. Посредством описания и наборов структурных схем и семантических структур возможно также типологическое представление об аппеллятивной речевой деятельности в целом.

Постановка подобных проблем представляется важной как для теории, так и для практики, поскольку понимание и восприятие функциональных проявлений, специфических (и не только) типов текста, порождаемых на

языке, позволяет установить внутренние, не всегда явно проявленные и обнаруживаемые механизмы понимания и восприятия когнитивных структур сознания, определяющих нередко во многом характер речевой и коммуникативной деятельности носителей данного языка.

Характер апеллятивной субъектно-модальностной, оценочно заряженной речевой деятельности, проявляющей себя в средствах массовой информации и типологически распределяемой по временным срезам (этапам) позволяет понять и установить закономерности поведения, восприятия и реагирования носителей языка в условиях коммуникативного взаимодействия, способствует лучшему пониманию газетных и публицистических текстов, что дает возможность увидеть тенденции языкового развития в отражении и на примере актуализированных в употреблении речевых узуальных лексем. Те тенденции, которые, при условии системного представления существенных и активных для данного речевого состояния модально-узуальных проекций в их составляющих, имеющих категориальный характер, способны дать более полное и объективное представление о семантическом и коммуникативном типе русского языка в его отношении, скажем, к другим, как родственным, так и неродственным языкам.

Время откладывает свой отпечаток, специфическим образом мотивируя и оценивая существующую общественную и политическую действительность. Нижеследующий фрагмент дает возможность, типологизируя, увидеть невидимые и неощутимые явно различия в характере тех приемов и способов, которые, воплощаясь, выражаясь номинативно, имеют смыслом дать оценку, оценить существующее каким-то образом и в

необходимом автору, как диспоненту и экспоненту, отношении.

Приемы и способы социальной оценочности в современном публицистическом тексте.

Работа была опубликована в сборнике *Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка*. Ред. Н.И. Исаев. Варшава 1999, с. 293-299.

Характер, способ и типы социальной оценки в публицистическом тексте непосредственно связаны и обусловлены временем, его запросами, требованиями, представлениями и ценностями. Однако время это, как категорию, в оценочности текста себя проявляющую, обусловленную политическим состоянием общества в данный момент, следует рассматривать в аспекте социально-психологическом, выделяя в нем признаки, свойства, характеризующие и отличающие его от другого такого же социально-психологического состояния времени, со своей спецификой, выбором, предпочтениями.

Признаки эти и свойства формируются постепенно, складываясь, набираясь, переориентируясь, на основе предшествующих публицистических, ориентированных и сложившихся, речевых узуальных формаций, с учетом новых, возникших и появившихся, политических и общественных ориентиров, пока не сложатся в более или менее определенный, определившийся образ "лица" для времени, не станут *признаками своего времени*, по которым время это потом можно будет исследовать и характеризовать.

Публицистику, публицистический текст (в широком и узком смысле) можно рассматривать, хотя и не без

оговорок, как непрерывный континуум развивающегося, развертывающегося оценочного выражения субъективного отношения – субъекта, мыслящего и представляющего себя наделенным возможностью и правом оценивать и объяснять. Оценочная интерпретация факта, следовательно, - прерогатива и привилегия данного типа текста.

Время, как известно, рождает героев. И герой этот, герой своего (нашего / не нашего?) времени явно либо по умолчанию наделяется некоторыми чертами, которые определяют и формируют, воплощая и отражая признаки общепризнаваемой системы общественных ценностей, ориентации и критерии той социальной оценки, которая себя воплощает в тексте публицистическом. Не обязательно прямо и однозначно и вовсе не обязательно одинаково и для всех, но присутствие его, приятие / неприятие, приветствование либо конфликт с ним, с этим не всегда персонифицируемым героем, всегда будет ощущаться и в голове пишущего и в голове читающего, воспринимающего публицистический текст.

Не обязательно персонифицируемый герой своего времени (как Онегин, Печорин, Чичиков, Остап Бендер или Корейко), не явный, но ощущаемый, всегда будет присутствовать как *персонификация* характерных и характеризующих свое это время социальных и психологических свойств ориентированного общественно-политического выбора и предпочтения. Герой этот не то чтобы не всегда положителен, но часто даже, напротив, его типажные поведенческие и социальные характеристики нередко становятся средством публицистического обличения, неприятия, негативной оценки. Даже больше того, весь континуум публицистики, одного временного периода континуум, можно рассматривать как социально-психологическую направленную борьбу с подобным героем

времени, с большей или меньшей заинтересованностью и увлеченностью, с большей или меньшей от него дистанцированностью.

Публицист занимает позицию. Его позиция субъективна. Нередко подчеркнуто субъективна и личностна. Оценочность, средства и способы своей такой субъективной оценочности публицист, автор текста, выводит и формирует, основывая их на своем отношении к оппоненту, не обязательно мыслимо представляемому как субъект и носитель свойств, возможно, как некий типаж либо просто набор отвергаемых, не одобряемых, подвергаемых сомнению, общепризнанно актуальных свойств. Свойств социально-психологических, как уже говорилось, и типажно-персонифицируемых.

В оппозиции к этим свойствам либо в согласуемой, коррелируемой к ним позиции находятся способы и приемы используемой в публицистическом тексте оценочности. Типажные персонифицируемые свойства воображаемого героя времени, актуальные свойства социальных и психологических предпочтений составляют невидимый притягательный и притягивающий центр публицистического напряжения и публицистической социальной оценочности.

Рассмотрим некоторые, характерные для последнего времени, признаки и черты, проявившие себя как социально-оценочные для публицистики (анализ производился на материале "Известий", "Новых Известий" и "Комсомольской правды" - газет умеренно демократического и либерального направления). Анализ не претендует на полноту и законченность, представленное следует скорее рассматривать как попытку наметить подходы к исследованию приемов и способов, шире - языковых особенностей современной прессы и

публицистики⁴ по основанию социально-психологической позиционной типажности, с коррелируемой к воображаемому герою времени позицией автора и психологизацией его ценностных социальных свойств.

Способ такого подхода к анализу материала мотивируется лингвопсихологической природой исследуемого объекта – публицистических текстов одного временного периода, отмечаемых "лицом" и печатью своего времени. На основе такого подхода возможно будет в дальнейшем сопоставлять временные периоды в публицистике, отмечая и характеризуя их как различные по выделяемым дифференциальным признакам.

Рассматриваемый временной период, с точки зрения интересующего нас объекта (средств массовой информации и публицистических текстов), уже нельзя отнести к разряду периодов переходных. Ориентированные к новым, конкурентным условиям, средства массовой информации, совместно с обществом, перешли к состоянию стабилизировавшейся нестабильности периода "первичного накопления капитала", отмеченного все более растущим социальным разрывом между верхами и низом, имущими и неимущими, падением уровня жизни и обнищанием подавляющего большинства.

В подобных социальных условиях действуют механизмы, системоценностные по своему происхождению и существу, неизбежно и естественно отражающиеся в характере текстов СМИ и формирующие в них систему способов и приемов социально значимой субъективной оценки, о которых речь. Эти способы и приемы продолжают и воплощают для текста те механизмы и способы, которые коррелируют, соотносятся и являются способами и механизмами социально-психологической ориентации и реализации – вероятными, принимаемыми для

себя и доступными для субъекта способами разрешения социальных проблем. Разрешения психологического, но потенциально способного к реализации в действии, в поведении, в проявлениях.

В интересующем нас отношении среди рассмотренных текстов можно выделить 4 (5) типов исходной субъективной позиции, определяющей характер, окраску и вид используемых способов и приемов социальной оценки. Четыре – как основные и формирующие характер и тип позиции автора, пятый – как дополнительный и включаемый, обусловленный иногда тематически (что характеризует тип и характер текстов и время и не может быть показателем инвариантным). Выделяемые типы можно определить в отношении 1) силы, 2) статуса, 3) дистанцированности, 4) приобщения и 5) перехода (приобретения-утраты).

Каждый из названных типов позиции во многом предопределяет набор используемых далее средств и приемов воздействия в тексте, при этом в пределах текста возможно соединение нескольких типов одновременно, в зависимости от темы, предмета, занимаемой автором и способной меняться оценочной роли, в зависимости от авторской "позиционной игры". Указанный тип – это способ реализации авторской социальной позиции, и потому он зависит от психологической роли, от выбираемой каждый раз ролевой ориентации, будучи прямо связан с принятым набором системы ценностей и с ее предпочтениями.

Тип прямо связан с набором используемых и воплощаемых в присамах и средствах семантических категорий и их значений (определенности / неопределенности, интенсивности, обладания, субъективной модальности и др.) и может определяться по данному отношению – с точки зрения и в наборе "своих"

категорий. Тип, наконец, обуславливает и предопределяет подбор, сочетание и характер самих оценочных средств.

Рассмотрим лишь некоторые проекции типов к приемам и способам социальной оценки на лексическом уровне.

Группа приемов **силового типа** складывается в частности на основе характерных для публицистических текстов слов и словосочетаний, заимствуемых из лексики военной и спортивной: *нанести удар по (кому), опорные точки, атака на (кого), лихие наскоки на (кого, что), давить на болевую точку у (кого), бить лежащего, свалить, пытаться свалить (кого), главное – выиграть, капитулировать перед (чем), сдать(ся) на милость (кого), экономический альянс, паника, паникеры, впасть в панику.*

Из лексики административной: *оказывать давление на (кого), контроль над (чем), навести порядок, призвать к порядку, ткнуть пальцем в (кого).*

Из экспрессивов-архаизмов периода тоталитаризма: *обнаглеть, поднять голову, происки, объявиться, рьяный, вбить клин между (кем и кем), нападки на (кого), шквал аплодисментов и возникающих на их основе преобразований – последовал шквал разнообразных комментариев.*

Из интенсивов разговорной лексики: *рвать постромки, пугать, деньги побегут / потекут, выбить деньги, находиться на грани издыхания.*

Из арготизмов: *рвать когти, подгрести под себя, наезд.*

Определяющим для типа будет – занимаемая позиция силы и правоты с позиции силы, разрешающей давление, вмешательство, а также неприятие и осуждение, оценку оппонента по показателю и в отношении силы (се потерявшего, утратившего, не имевшего, делающего вид,

что имеет, бравлирующего силой). Объединяясь в тексте с позицией приобщения, с позицией партитива, силовая позиция способна создавать проекцию коллективизма, массовости, нацизма (при заостренной до враждебности противопоставленности значений категории свое / не свое / чужое чуждое).

Группа приемов **статусного типа**, одна из наиболее активных в современных текстах, формируется на базе обновляемых историзмов и адаптируемых экзотизмов, меняющих свою семантику и окраску и закрепляющихся постепенно в публицистике: *империя (кого), медиа-империя, могущественный магнат, олигархи, мэр, сановник, чиновник, вельможа, монаршая семья (о семье президента), наследники престола, наследный принц, коронованные особы, власть предержащие, всесильный телохранитель, казначей, всесильный тогда охранник, самурай.*

На базе используемых нередко насмешливо и пренебрежительно, поскольку нарушающих имеющийся имидж известного лица, пристегиваемых титулов и званий: *профессор, мэтр, генерал, полковник, почетный доктор, член всевозможных академий.*

На базе неизбежно становящихся оцепочными в условиях всеобщего бесправия и нищеты слов и выражений, оборотов, экономического, политического и финансового лексикона для характеристики какого-либо частного лица (группы лиц) – активно развивающаяся и широко используемая в последнее время группа как источник и средство создаваемой оценочности: *владеет контрольным пакетом акций (о ком), с помощью подконтрольных (ему, им) СМИ, запуганному руководителю протягивается "братская" рука помощи (со стороны кого), внедрение в "семью" (президента, правителя), превратился в "блистательного министра", широчайшие возможности*

для давления на конкурентов, политическое прикрытие (его) проектам, перекрыть уже поделенный рынок, контроль над "первой кнопкой" (о телевидении -- первый канал), гений политической интриги, попытка пересмотра итогов приватизации, поддержка на будущих президентских выборах (организовать поддержку), создавать (что-либо) под кого, способ организации "утечки информации".

Другие группы менее активны. Это, во-первых, группа переосмысливаемой в русле публицистической оценки разговорной лексики: *приготовить на закуску (на десерт), приготовить сюрприз, наградить (чем -- о неприятном), подарить (что -- в значении "снизойти"), широким жестом, с барского (царского) плеча, чьи только разведанные запасы "тянут" на (сумму), умудриться (сделать что), перебежать дорогу, на нехитрой операции заработать (о мошеннической сделке), стать поистине "золотой жилой", превратить кого в "свадебного генерала", реальные бразды правления, и пальцем не шевельнул (чтобы что сделать), примитивное прислужничество перед (кем).* Группа лозунгов и отмеченных фраз предыдущего (и тоталитарного) периода: *настоящее его богатство -- это люди, кадры (у него) решают все, назначенец.* Из жаргонизмов и арготизмов: "заказ", "заказать" (заказное убийство), "компра" (компрометирующий материал).

Группа дистанцированного типа (отстраненного -- отстраненно-комментирующего либо отстраненно-пренебрежительного, отстраненно-язвительного) формируется на базе средств нередко внешне и вне контекста нейтральных, представляющих собой, к примеру, журналистские и публицистические клише, характеризующие лиц и повествовательных событийно-

сюжетных контекстах и приобретающие ироническую пренебрежительно-снисходительную окраску: *события прошедшей недели, синоним свободы слова, отличие чисто терминологическое (чисто лингвистическое)*. Нередко подобные выражения получают некоторое расширение за счет слов, придающих им язвительно-отстраненный и неприязненный тон: *понадеявшись, видимо, на их сообразительность, ряд тактических неловкостей к нынешней тревожной обстановке, уже довольно нервно отвечал на вопросы, торопливое решение, это нежелание симптоматично*. Средствами подобного рода могут быть цитированные язвительные включения: *(по его словам) против него действуют некие силы; обыгрывания известных пословиц и изречений: арбузной коркой, на которой поскользнулся, стал; трудно представить, что не ведал, что творил; устойчивых оборотов: быть головной болью, рано радовались, нет нужды гадать, что двигало; разговорных окрашенных экспрессивов (закрепленных окрашенных словоупотреблений): не спился (ему и, вам и не снилось), мечтать о (только можно), доморощенный (шоу-бизнес, доллар, фунт стерлингов)*.

Активным средством создания отстраненной пренебрежительности, сомнительности являются средства субъективной модальности, модально-оценочные включения: *не раз, наверное, заметят; игнорировать его не совсем правильно; а дальше, надо полагать, - как пойдет, по мнению авторитетных лиц (шоу-тусовки); а также слова со смещенным, расширенным (гипонимы) или неактуальным, равновозможным смыслом, неважно каким, придающие называемому характер неопределенности, обобщенности, неконкретности, ленивой безразличности: с этой недели граждане, не равнодушные к отечественной эстраде (речь в данном случае – о любителях эстрады,*

фанах), на том или ином телеканале (все равно каком), юная леди с татарским именем, 15-летняя особа, к сентябрю девушка намерена подарить аудио-рынку свой первый альбом, вряд ли останется безвестной (вместо – станет известной), остров начнет медленно дрейфовать к другому берегу Атлантики (склоняться к американской экономике), это будет накладно.

Носителями подобного рода оценочности могут быть и окрашенные соответствующим образом слова – эмоциональные экспрессивы, нередко в соединении с другими средствами выражения отстраненности: *помпезность события заключалась не только и не столько, проводник идей, затем взойти с концертом на какую-нибудь достойную столичную площадку, состоялась помпезная презентация ее первого ролика, присутствие на столах черной икры, креативная команда, трудящаяся над материалом для новой певицы, решивший не отступать от избранной тактики, сотворить что-то более оригинальное, удалось бы подпитывать интерес к персоне, сие тщательно скрывается, всерьез занялись, потускнеет светлый образ.*

Возможно также использование с этим оттенком жаргонизмов, нередко в расширенном контексте: *всероссийски "засветившегося" с группой, бизнес на трубе (о продаже нефти).*

Группа **приобщенного типа** характеризуется отмеченной включенностью, заинтересованностью авторской позиции, которая может создаваться различными лексическими средствами: *народ не любит олигархов, примет на "ура", народ безмолвствует, усталость, нестабильность, всеобщее ожидание, свет в конце тоннеля, пересуды принимают все более запутанный и временами истерический характер, внятного итога этой*

неожиданной дискуссии не видно, при всей вздорности таких предположений, быть ближе сердцу (кого), рьяные сепаратисты, готовы немедленно рвать, выиграл местный ура-патриотизм, башня из слоновой кости, недавний любимец публики, широко разрекламированный проект, о карьере /.../ очень много писали, результат широкой публике сегодня уже хорошо известен, комментарии излишни.

Группу **переходного (трансформативного)** типа можно проиллюстрировать следующими примерами из текстов: *первый шаг к вершинам, настоящее (его) превращение началось с..., с этого началось и сегодняшнее его падение, стал последним его "приобретением", самым прибыльным приобретением стал, этапы большого пути стартовой площадкой стал, (так и не) увидел свет.*

Анализ публицистики с точки зрения типологии авторской позиции может послужить в дальнейшем целям более полного и обстоятельного изучения текстов СМИ, как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах.

2. Категоризация.

Парадигматика языка советской действительности как смыслового кода ориентированного (заряженного) языкового сознания.

Категоризация, или парадигматика интересующего нас языка советской действительности как идеологизированной, советизированной, формы русского литературного, в первую очередь, языка, предполагает, как следствие, выделение тех семантических категорий, которые будут действовать в отношении как номинативных, так и синтагматических единиц – речевых построений, фрагментов текста, конструкций. Выделение этих семантизированных категорий, релевантных для языка советской действительности, может производиться по разным основаниям и в отношении разных параметров, в зависимости от избираемой предметно-тематической, а также, возможно, и интенциональной, коннотативной, оценочной либо системоценностной сферы как проекции, или фрагмента той общей, объединяющей их языковой картины мира, которая может быть определена в связи с рассматриваемыми аспектами как советская языковая картина мира, с ее специфическим отношением к языковому сознанию, национальной ментальности и языку. Наглядным и показательным в отношении более приближенного, с опорой на смыслы и категории затрагиваемой языковой картины, рассмотрения было бы тематическое подразделение тех единиц, которые воспринимаются и без существенных оговорок определяются как единицы советизированного языка. Такое подразделение, с одной стороны, дает возможность увидеть объекты и предикаты того предметного мира, который актуализируется в языковом сознании как типично

советский. Набор их, не полностью, далеко не полностью, покрывающий мир, существующий вне сознания и называемый, обозначаемый, имеющий знаковые, вербальные отражения в языке, представляет собой результат и следствие заинтересованного и выборочного, а потому показательного и не случайного отношения языкового субъекта (кем бы его ни считать) к тому, что необходимо и важно и как необходимо и важно для советского языка и сознания обозначать. С другой стороны, не менее важным и показательным может и должен быть также частотно-количественный и актуальный критерий в отношении того, какие из единиц в таком языке наиболее активны и регулярны, а потому представляют ядро системы, а какие менее и в какой степени, либо пассивны и нерегулярны, подвержены изменениям, уходят и представляют периферию.

Представление о тематическом подразделении языка советской действительности может дать нижеследующая классификация, материал для которой, во избежание разночтения и разного толкования в отношении того, что считать единицей советского языка, а что не считать, был взят из *Толкового словаря языка Советов* В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (Санкт-Петербург 1998). Классификация не претендует на полноту и всеохватность материала, представляя собой лишь проиллюстрированный возможный фрагмент. Для наших исследовательских и рабочих целей были проанализированы и распределены по группам все слова данного словаря, с дополнениями и включениями также другого лексического материала из разных источников. Для публикации, имеющей учебный характер, полное представление этого материала не имело бы смысла, поэтому выборочно, для иллюстрации и наглядности, дадим только некоторую его, не слишком значительную,

начальную и репрезентативную часть.

**Предметно-тематическая дифференциация
номинативных единиц языка советской
действительности.**

На первом уровне тематическое подразделение предполагает выделение трех объединяющих групп, или классов, – субъектной, объектной и предикатной.

Субъектную часть составляют лица и их совокупности, объединения, множества, организуемые по тем или иным основаниям.

Совокупности – представляемые совместно или дисперсно; как части большего или как объединения; как расчлененные множества или как формы организации; как единичные представители или как группы:

- части большего или целого (партитивы), *partitiva*
авангард, актив;
- собрания, объединения (корпоративы), *corporativa*
агитбригада, агитгруппа, агитколлектив,
агитпропбригада, артель, батальон (коммунистический),
бригада, коллективный вожатый (пионерский отряд),
дружина, ДТК (детская трудовая коммуна, колония);
- совокупности как массивы (сети, классы, слои,
предполагающие некий охват), *massiva*
армия, партия, народ, батрачество, беднота,
беднячество, середнячество, кулачество, буржуазия, его
величество рабочий класс, ВКП(б), гвардия, Красная
гвоздика (отряды), гегемон, десант, детвора
(красногалстучная), добрармия;

- управления, организации, общества, устроения
(институтивы), *institutiva*

авиадарм, авиахим, автодор, агропром, академия
(общественных наук, крылатых), АО (автономная область),
АССР, аулсовет, батрачком, БКБ (бюро комитетов
большевиков), блок (коммунистов и беспартийных),
бытсовет, бюро, ВИК (волостной исполком), ВЛКСМ,
внешторг, военкомат, Военно-педагогический институт,
волисполком, волком, волоно, волсекретариат,
ВХУТЕМАС, ВЦИК, ВЦСПС, ГлавБАМстрой, Главбум,
Главбумага, главк, Главполитпросвет, Главполитпуть,
Главпродукт, горбюро, горвоенкомат, горженсовет,
горжилобмен, горжилуправление, горздрав, горисполком,
горком, горкоммунотдел, горкомхоз, горнаробраз,
горобщенит, гороно, горплан, горпо, горсанкомиссия,
горсобсс, горсовдеп, горсовет, госбезопасность, Госиздат,
Госкомиздат, Госкомтруд, Госконцерт, госорган, Госплан,
Госснаб, Госполитуправление, Госстрах, госстрой, Госторг,
Гострудсберкасса, ГПТУ, ГПУ, губбюро, губвоензаг,
губвоенкомат, губвсеовобуч, гублит, губмилиция,
губнаробраз, губнац, губоно, губплан, губпожар,
губпродком, губпрос, губпрофсовет, губраспред, ГубРКИ,
губрозыск, губснаб, губсобес, губсовнархоз,
губсовпартшкола, губсовхоз, губсоцвос, губсоцстрах,
ГУЛАГ, Детгиз, детком, детсовет, домком, домоуправление,
ДОСААФ, драмкружок;

- лица, *personalia*

авроровец, активист, автоградец, автозаводец,
автодружинник, агитатор, агитатор-пропагандист,
агитбригадoveц, агроуполномоченный, активист,
активистка, аллилуйщик, анекдотчик, антикоммунист,
антиленинец, антиобщественник, антирелигиозник,
антирелигиозница, антисоветчик, антисоветчица,

антоновец, армеец (юный), ассистент (знаменосца), бамовец, бамовка, бамовчата, бандит, барабанщик, басмач, батрак, бедняк, бедняк-новочленец, беднячка, безбожник, безбожница, безграмотный (политически), безземельный, безлошадник, безлошадный, безотрывник, белобандит, белогвардеец, белогвардейка, белоинтервент, белоказак, белополяк, белофинн, белочех, белоэмигрант, беляк, бескоровный, беспартиец, беспартийная, беспризорник, беспризорница, боец, БОЗ (без определенных занятий), болтун, большевик, большевичка, борец, бракодел, бригадир, бригадир-наставник, буденовец, буревестник, буржуй, бусыгинец, валютчик, валютчица, вахтовик, вечерник, вечерница, взяточдатель, витязь (красный), внуки (революции, Ильича), внучата (Ильича), военком, военкор, военлет, военмор, военорг, военпред, военрук, военспец, вожак, вожатая, вожатый, вожатый-производственник, вождь, возвращенец, воин-малоземелец, ворошиловец, воспитатель, вохровец, вояка, враг, врангелевец, вредитель, всадник (ворошиловский), втузовец, втузовка, вузовец, вузовка, вхутемасовец, выдвиженец, выдвиженка, гайдаровец, гвоздика (женщина-коммунист), генсек, герой, главинж, главковерх, главком, главный, глашатай (революции), горкомовец, горнист, горняк, горсоветчик, гражданин, гражданка, группкомсорг, группорг, групповод, губотделец, губпродкомиссар, гзпэтэушник, двадцатипятитысячник, двухлошадный, дежурный, деникинец, депутат, деткор, деятель, дзержинец, диаматчик, диввоенкор, дивком, директор, диспутант, диссидент, довженковец, дозорный, домоуправ, домоуправляющий, допризывник, досаафовец, дояр-пятитысячник, доярка-миллионерша, доярка-трехтысячница, дружинник, дружинница.

В субъектной части наибольшим числом представлены группы институтивов и лиц, что отнюдь не случайно и связано с общей тенденцией советской власти к неустанному формированию и переформированию, созданию и пересозданию организаций, постоянному социальному устроению, с необходимостью постоянной своей адаптации в обществе, стремлению к контролю за ним и внедрению во все возможные стороны жизни. Обилие названий лиц, в свою очередь, обусловливается как необходимостью организации членов советского общества, включению их в колеса и приводные ремни системы, так и с необходимостью определения, дифференциации, сепарации, сегрегации и просеивания, с отделением тех, кто советский и свой, от тех, кто таковым и почему, в связи с чем, не является. Стремление к постоянной селективной дифференциации связывается с мобилизующей и контролирующей целью советского общественного устроения. Никто и ничто, по возможности, не должны быть упущены, не приняты во внимание, не названы, не оценены, не определены.

Меньшая доля массивов, корпоративов и партитивов связывается, в первую очередь, с самой природой обозначаемых соответствующим образом множеств. Их не может быть сколько-нибудь значительное число, они создаются по требованию момента, но предполагают ограничения объективной природы. Можно легко создать какую-то организацию, учреждение, обозначить, назвав каким-то именем, словом, лицо, однако создание какого-либо массива уже далеко не так просто. Корпоративы требуют мотивации, предполагают необходимость, диктуемую особыми обстоятельствами, а партитивы, как части большего, или есть, или их нет. Не осмысленные, не

востребуемые, они не называются, а потому как бы и не существуют.

Объектная часть представлена пространственными и предметными воплощениями. И то и другое весьма многочисленно в рассматриваемом языке, мест и предметов, отмеченных соответствующим образом, воспринимаемых и определяемых нередко как советизмы, очень много. Две отдельных и менее представительных группы составляют объединения – пространств и предметов, воспринимаемых как единое целое, метафорическим, образным воплощением которых может быть спрут или сеть, а потому обозначенные как структуративы, и предметов как серий, последовательностей, существующих материально и в представлении как последовательность однотипного, схожего, одного и того же, как его череда. И то и другое, в силу своей усложненности, не может представляться сколько-нибудь значительным числом.

- места (локативы)

агитпункт, автогигант, автоград, агитдом, агитплощадка, агрозона, АзССР, академгородок, АрмССР, Артек, атомград, БАМ, БАМлаг, бамовский, БАССР, Баш(к)АССР, березка (магазин), беспризорный дом, библиотека (партийная), библиотека-передвижка, БМАССР, БССР, Буденновск, Буденного мыс, ВДНХ, Волгодон, воспитательская, времянка (поселок), горбанк, Горки Ленинские, город (социалистический, побратим), город спорта, город Ленина (трех революций), город нашенский, город юности (мужества, на заре), города-побратимы, город-герой, городок здоровья, госнардом, губгород, ДагАССР, ДАССР, дача (руководства), Двигатель

революции (завод), дворец (культуры и т.п.), детдом, Днепрогэс, Днепрострой, Домжур, домзак, дом-коммуна;

- предметы (как наблюдаемое, имеющее форму и вид, объективы, носители соответствующих признаков)

автоагитпоезд, автолавка, агитавтобус, агитвагон, агитколонна, агитпароход, агитпоезд, альбом-эстафета, андроповка (водка), артерия (животворная, стальная), барабан, библиотечка, билет (комсомольский, партийный, профсоюзный), богатырь (горный, ледовый, стальной, степной), буденовская (порода лошадей), буденовка, бук (босвой устав конницы), буржуйка, бюллетень, бюст, вагон-библиотека, вагончик-бытовка, вахтовка, вертушка, визитка, воронок, вымпел, галочка, галстук, глушилка, голова (бюст), голос (радиостанция), гражданка (одежда), грамота (почетная), декрет, дело (личное), дензнаки, дефицит (товар), директива, добро (народное), доска, достояние, "Дружба" (пила, нефтепровод);

- структуры, сети (структуративы)

агропромкомплекс, госснаб, белогвардейщина, военторг, ВПО (военно-промышленное объединение);

- серии (усиленные повторности, следования, цепочки)

библиотечка (профсоюзного активиста), БПА (библиотека профактивиста, серия книг), газета, дневник (соревнования).

Предикатная часть, в свою очередь, складывается из обозначения действий (динамических акций) и состояний (как пребываний, статальных, насыщенных свойством и признаком). В особую группу выделены действия сжато-усиленного характера – компрессивы, обладавшие в языке советской действительности, в пропагандистском в первую очередь его проявлении, подчеркнуто выразительным,

значимым и отмеченным смыслом. Характер, способ их сжатия, равно как и их направленно ориентированный (*финитно-лимитативный*) смысл, может составить предмет специального изучения, выразительно соотносимого с идейно-интенциональными насыщениями советского языка. Такую же разновидность усиленного, отмеченного характера, но в отношении состояний, представляют слова, обозначенные как прогрессивы, или эманативы, смысл и существо которых состоит в назывании поступательно расширяющихся и процессуальных явлений, имеющих расширительный, распространяющийся, охватывающе включающий и расходящийся характер, от некоего начала, истока, центра, инициатора, возбудителя. К предикатам, в силу их категориальных особенностей, относимых в грамматике к предикативности (модально-временная рамка высказывания), примыкают обозначения времени как отмеченных для советской действительности периодов существования, совершения, достижения, обретения, обладания и т.п.

- действия (акции, совершения), способы совершения действия (активы)

агитпоход, агитперелет, агитэстафета, акт (вредительский), аллилуйщина, альпиниада, антоновщина, аплодисменты, аттестация, басмачество, бериевщина, беседа, БИП (боевая и политическая подготовка), благодарность, бригадирить, буксир (взять на буксир), ВАД (восхваление американской демократии), веление, вечер (собрание), вечер-портрет, взаимоконтроль, взыскание, взяткодательство, водительство, война (грязная), волеизъявление, волянка (саботаж), воля (народа, масс), воскресник, воспитание (коммунистическое), воспитательный, врангельщина, встреча-совещание, выбор,

выборы, выговор, выдвижение, выдвиженчество, выдвинуться, выписать, выписаться, выполнение, выставка-смотр, высылка, вычистить, глушить, гнет, голоснуть, голубеводство, госы, госзайм, госприемка, групповодство, губконференция, давать (продавать), движение (к коммунизму, революционное), дело, дело (врачей), деловодство, демарш, демонстрация, деникинщина, депремирование, деятельность, джаз, диверсия, диспут, довыборы, договор, доклад, доклад-самоотчет, достать;

- компрессивы (сжатия)

аврал, авральный, безотрывный, битва, бой, борьба, бросать (направлять), бросить, буря, вахта, вахта-эстафета, вперед, время, вперед!, выбить / выбивать, выбросить, выполнение и перевыполнение, все выше и выше и выше, гореть (план), десант (трудовой), догнать (и перегнать), досрочно, досрочный;

- состояния (пребывания)

аморалка, БГТО, безгражданственность, бездетность, бескоровность, бесплановость, беспризорность, беспримерный, бессмертный, бесхозяйственность, биография (трудовая), блат, близнецы-братья, близорукость, блистательный, богатство, болезнь (детская левизны), братский, братство, бригадирский, броня крепка, будни, будущее, быт, бытие, важность, великий, величественный, вера, верность, верный, верховный, вершина, вцепоклонство, вещизм, внеклассный, внеурочный, внеурочно, внешкольный, внутрипартийный, война (холодная), вооруженный (решениями), вооруженность (идейная), вопрос (квартирный, национальный), всесильный, всесоветский, всесоюзный, всесторонний, вчерашний (вечно), выдающийся, высокий, гарантия (рабочая), гегемония, генеральный, гениальный, героизм, героический, главкизм, глаз (партийный), гнусный, горячий,

горячо, ГОСТ, готов (всегда), гражданка (жизнь), гражданский, грамота (знания), грамотность, грамотный, грандиозный, графа (пятая), иду на грозу, групповщина, ГТО, гужовинность, гуманизм, дворохозяйство, двухлетка, действительность (советская), дело (каждого, всснародное), дело (занятис), делячество, демократия, держава, детище, детство, дефицит, джунгли (капиталистические), династия, дисциплина, доблесть, добровольчество, доверие, долг, допуск, доход, дружба, Желтый дьявол (капитал);

- прогрессивы (процессивы, эманативы) – расширения, распространения (реализации исходно заданного)

автомобилизация, активность, агитационно-массовый, агитировать, агитмассработа, активность, атом (мирный), бдительность, безграничный, беспощадный, беспощадно, беспредельно, благо (народа), благосостояние, блюсти, большевизация, бригадизация, всеобуч, всемерно, всемерный, всемирно-исторический, всснародный, всеобуч, всеохватный, всепобеждающий, встречный (план), высоты (коммунизма), командные высоты, гигантомания, гигантский, горизонты (сияющие), грядущий, дали (солнечные), диспансеризация, дорога (светлая);

- проективы (продукты идей, направленные, заряженные)

агитка, агитинформация, агитпоэма, агитфильм, алгебра революции, антибольшевистский, антиколхозный, антикоммунизм, антикоммунистический, антимарксистский, антиобщественный, антипартийный, антирелигиозный, антисередняцкий, антисоветизм, антисоветский, антисоветчина, антисоциалистический, аполитичный, атсизм, беззаветно, беззаветный, безумство храбрых, безыдейность, безыдейный, белогвардейско-кулацкий, белоказачий, белополяцкий, белофинский,

белоземгрантский, белый, синяя блуза (агитжанр), большевизм, большевистский, буденовский, буржуазный, власть Советов, внеклассовый, вредительский, вредительство, высокоидейный, гидра, госвласть, гражданский (патриотический), демократизм, диамат, диверсионно-пропагандистский, диктатура;

- периоды (времена)

год (славные годы, юбилейный, определяющий, завершающий, босвой восемнадцатый, бесцельно прожитые, сороковые огневые), годовщина (славная), гражданка (война), декада, декадник, декрет (отпуск), декретный, день, доколхозный, дооктябрьский, дореволюционный, досоветский.

Иллюстрацией демонстрируемого метода изучения языка советской действительности может послужить нижеследующая работа, посвященная представлению одной только группы – *personalia*, или обозначения лиц (статья была опубликована в сборнике *Język w kontekście społecznym i komunikacyjnym. Konfrontatywne studia rusycystyczne*. Red. P. Czerwiński i A. Charciarek. Wydawnictwo WW Oficyna Wydawnicza. Katowice 2007, s. 41-49):

Человек в языке советской эпохи: категории и признаки называния.

Антропоцентрический подход к языку, получивший широкое распространение в лингвистике последнего времени, с неизбежностью предполагает не только исследование и описание языковых явлений с точки зрения говорящего как субъекта и наблюдателя [Апресян 1997], но и изучение отражения в языке самого человека. Задача эта, как следует полагать, может иметь самые разные

приложения и проекции, в зависимости от выбираемого объекта (языка в его проявлении) предоставляя исследователю в той или иной мере общие, обобщенные, или типологические и более узкие результаты. Будет ли изучаться язык человека как таковой, как способ свойственных человеку знаковых выражений смысла, вне культурных, этнических или других типологических форм, или, напротив, в рамках, пределах последних; будет ли выбрано что-то более узкое и последующее, частное проявление того или иного национального языка в его ментальных и субкультурных формах – результат всякий раз будет разным. И значимым, как представляется, не столько для языка и его выбранной для подобного изучения формы и не столько для понимания человека, сколько для его представления в соответствующих системоценностных ориентирах. Значимым для концепции человека в системе данного „языка”.

Язык по-разному может интерпретировать человека, представляя его как нечто внешнее по отношению к себе, т.е. как объект. Будучи невидимым центром антропоцентрического устройства своего языка, сам человек в языке предстает тем внешним, которое называется, обозначаясь для этого в соответствующих признаках и категориях. Определение этих признаков, позволяя увидеть, чем является человек в системе данных ориентиров, дает возможность судить о самой системе – отражаемой ею стадии человеческих представлений (в случае национального языка), ментальностном, мифологическом типе, мировоззренческом, социальном, идеологическом, психологическом (в случае поздних, вторичных и производных вербальных систем).

Определение категорий и категориальных признаков, опираясь на квалификаторы семантических мотиваций⁵

имени, должно учитывать особенности производящей данное имя системы, с ее спецификой объяснения и восприятия действительности. Задача, предполагающая необходимость смотреть с точки зрения критериев, интерпретирующие основы которых могут быть не очевидны. Так, если германское *mann-* ‘человек’ (славянское ему соответствие *муж* < **mon-g-j-o-s* [Черных 1999, I: 547]) соотносится с корнем, первоначальным значением которого могло быть ‘гореть’, с последующими опосредованиями и выходами в ‘бить, толочь’, ‘пыль, прах’ > ‘жизненная сила, смелость’ > ‘жидкость, влага’ > ‘производить потомство’ (лат. *mano* ‘течь’, чеш. *kmnet* ‘племя род’; гот. *manags* ‘много’, днп. *menigi* ‘толпа, народ’); в свою очередь ‘бить’ > ‘гнуть’ в значение ‘образ, очертания’ (‘тело как вместилище души’), а ‘бить, резать’ также в ‘говорить’, ‘думать’, но также и ‘один > воедино, вместе’ [Маковский 2005: 193], – то каким, в какой типологической проекции и в какой временной период можно было бы признать искомое категориальное основание для представления человека? Определение для славянских языков, наиболее принятое, предполагает двухосновность слова, выводя первую часть (**čel* : **čьl-*) от индосвропейского **k^uel* ‘род’, ‘клан’, ‘стая’, ‘рой’, ‘толпа’, а вторую (**věkь*) от **ueik* (: **uoik-*) ‘жизненная сила’, ‘энергичное проявление силы’, с общим первоначальным и старшим значением общеславянского **čelověkь*, **čь(ь)lvěkь* ‘дитя, отпрыск, потомок семьи, рода, клана’ [Черных 1999, II: 378]. Можно ли признать, тем самым, объединяющими категориальными признаками для первоначального общеславянского представления ‘человек’ собираательность (один – многое и один как многое) и жизненную силу, проявляющими себя в единичном как представителе родового целого? Значение общегерманского *mann-*

(славянское *муж* < **mon-g-j-o-s*) в какой-то части пересекается с данным, выводя его при этом в пласты семантики с архаическими представлениями об огнегорении, дроблении-мельчении, части-целом, мелком, очищенном, теле-образе, едином-вместе, говорении-думании, душе и пр. Первоначальное значение впоследствии развивается, архаика перестает ощущаться, возникают иные связи. Так, в древнерусском (с XI в.) *человек* уже имел значениями 'существо человеческого рода', 'член общества', 'находящийся на службе у кого-л.', 'чей-л. слуга', проявляя признаки как родового, так и социального, зависимо-функционального и подчиненного (неполноправие) характера, а *муж* (и.-е. **man-u-* : **mon-u-*), также с XI в., развивается в сторону 'человек', 'мужчина', 'именитый' (т.е. полноправный, знатный) и 'супруг'. Различие представлений (человек-человек и человек-муж) следует мотивировать двойственностью первоначального категориального расхождения двух корней: *человек*, в данном случае, как представитель рода (т.е. как все и как рядовой) и *муж* – 'горения' и 'силы-смелости', 'говoreния-думания' и 'влаги-продолжения рода'⁶.

Из сказанного следуют два следствия. Определение особенностей представления о человеке в концепции и конструкции какой-либо вербализованной системы требует обращения к семантическим мотивационным основаниям его обозначений. То есть знания семантики действующих основ и корней, а также морфемных составов и мотивированных словообразовательными и(ли) производными отношениями вербальных структур. Это первое. И второе. Определение представлений о человеке, центре или не центре, с учетом антропологического подхода, исследуемой системы (различие в данном случае не случайное и показательное) требует также знания

действующих в данной системе ментальностных ориентиров. В этом случае необходима известная осторожность: не то, что данная вербализованная система склонна по данному поводу о себе заявлять, и не то, каково о ней существует мнение (или мнения), а то, что выводится из нее самой, из мотивационных и семантических оснований ее словарного материала.

Язык советской эпохи в указанных отношениях как раз такой непростой объект. Исследовавшийся и называвшийся как дубовый и деревянный (*langue de bois*), как язык пропаганды, а также партийный, официальный, официоз, новояз, как квазиязык, тоталитарный язык, язык эпохи тоталитаризма, (за)идеологизированный, формальный и скудный, с подавлением возможности проявления личностного начала (т.е. деперсонифицированный язык), с указанием вместе с тем на наличие в период тоталитаризма двух языков, официального и неофициального, второго как языка осмеяния и демаскировки [Seriot 1986]; [Weiss 1986]; [Głowiński 1991]; [Купина 1995]; [Вежбицка 1993], – язык этот, как бы его ни назвать, представляет собой, в первую очередь определенный способ интерпретации и восприятия мира. Тем самым и не в последнюю очередь, человека. Тем самым, впрочем, он и существует для этого или, в известной форме своей, существовал.

Феномен подобного языка, несомненно, шире, чем то, в каком его, русскоязычном в частности, проявлении привыкли видеть, поскольку не только языковые модели, слова и словесные формулы, но и характер обозначения, семантика и мотивирующая сторона, от внутренней формы знака, делают этот язык специфическим. В известном смысле его бы можно было определить как язык утопии, если понимать под этим не то, что принято понимать, а то, что это язык особым образом воссоздаваемой в известных

текстах реальности, точнее надрсальности – действительности, которая, не существуя в сознании, точнее существуя в нем как изначально не существующая и никогда не будущая, не могущая существовать, существует только в самом таком языке. Это конструкт, реальность условная, множественного повторения и воспроизводства в своих языковых, вербальных моделях и формах. Сказанное, однако, следует относить к подобному языку в его совокупности, если под мотивирующей основой ее понимать то, что принято определять как модель мира, в языковом ее воплощении, имеющую, тем самым, свое строение и устройство, т.е. семантическую структуру⁷. В немалой части эта реальность номинативна, поскольку обозначает реалии создаваемой языком (но и не только) действительности, которые, далеко не всегда соответствуя определяемому в них содержанию, но существуя, соответствуют модальностным требованиям и смысловым структурам конструкт-модели. В короткой статье невозможно подробно коснуться намеченных мотивирующих особенностей данного языка, хотелось только заметить, что обстоятельное и полное изучение материала предполагает, в конечном своем итоге, необходимость создания видимых контуров лежащей в основе данного языка модели и как всякая такая модель представляющейся, в семантическом и языковом своем описании и воплощении, далеко или даже совсем не тем, что можно о ней подумать или что принято о ней говорить. Этой задачи отчасти, т.е. представлению контуров данной модели, и послужил нижеследующий фрагмент обращения к языку советской эпохи, точнее к обозначению в нем человека. Материал представлял собой обозначения лиц, выбранные в полном своем составе из *Толкового словаря языка Совдепии* В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (1998).

Прежде чем показать основания, по которым производилось распределение материала, имеет смысл представить место исследуемых номинативов, т.е. обозначений лиц, в структуре общего. Все единицы, нашедшие свое отражение в словаре, послужившем источником, можно было бы описать в сочетаниях значений следующих семи категорий (порядок устройства и соотношения их, равно как и объяснение действия, мотивации и семантики, оставим для данной статьи без внимания):

(1) Центральная категория, которую можно было бы условно определить как финитную, точнее финитного достижения – *fin.* (лат. *finis* ‘конец’, ‘цель’, ‘предел’, ‘назначение’, ‘намерение’, а также ‘вершина’, ‘верх’, ‘окончание’ и ‘исход’), намечающую своего рода цель-назначение и выход-итог-результат называемого как «существующего». Проявляется в трех значениях: мобилизации (на) – достижении – удержании (сохранении). Категория, по своему характеру, внутренняя, модальностная и развертывающаяся (динамическая), поскольку номинативы могут соотноситься между собой в значениях мобилизуемого – достигаемого – удерживаемого.

(2) Также внутренняя и динамическая, категория лимитативной роли – *lim.* (лат. *limito, limitatum* ‘ограничивать’, ‘размежевывать’; ‘определять’, ‘устанавливать’), проявляющаяся в значениях управляющий – передовой (ведущий) – поддерживающий (обеспечивающий реализацию).

(3) Категория композита – *comp.* (лат. *compono, compositum* ‘складывать’, ‘слагать’; ‘составлять’, ‘образовывать’; ‘располагать’, ‘размещать’), проявляющаяся в значениях единичности (представителя) – части (объединения) – целого.

(4) Категория внешняя, характера обозначаемого как наблюдаемого (представляемого) в действительности объекта – *obj.* Таковыми могут быть люди – предметы – локусы (т.е. пространственные объекты и помещения).

(5) Категория, представляющая собой проекции (*proj.*) людей к предметам и локусам (характер проекций в данном случае не имеет определяющего значения). Это могут быть институты (как учреждения, установления) – действия – сооружения.

(6) Категория конверсивной заряженности, или модуса (*mod.*), проявляющаяся в значениях активного / пассивного: мобилизующего либо мобилизуемого, достигающего либо обеспечивающего достижение, удерживающего либо того, кого надо удерживать, управляющего либо управляемого, передового (ведущего) либо ведомого и равняющегося на передового, поддерживающего либо поддерживаемого (обеспечивающего либо обеспечиваемого).

(7) Категория позитивного / негативного полюса (*pol.*) как оценивающего либо распределяющего (этот – тот, свой – несвой, прямой – обратный и пр.).

Каждая единица исследуемого языка (представленные категории свойственны только ему) может быть описана сочетанием выведенных значений. Так, *авангард*, определяемый как 'передовая, ведущая часть класса, общества', может быть описан по признакам «люди» (4а), «часть (целого, совокупность)» (3б), «ведущий (передовой)» (2б). *Авиадарм* 'полевое управление авиации и воздухоплавания действующей армии (при Реввоенсовете, 1919-1921 гг.)', соответственно, как «институт» (5а), «управляющий» (2а) «совокупностью (частью целого (3б) «люди» (4а)), имеющий целью «удержание (сохранение, обеспечение)» (1в) того, что далее определяется в значениях

авиации, армии и является частью исследуемого языка в лимитативно-финитной части. Категориальные признаки в составе значений объединяются в сочетания, предполагающие на следующих этапах анализа проекцию ролей и приоритетов с распределением единиц по семантико-грамматическим группам и классам – составляющим общей модели. Подобное описание единиц позволяет выявить семантическую структуру устройства исследуемого языка, действующую как система в основе своей грамматическая.

Обозначения лиц, в ряду других таких же наименований, могут быть определены как один из номинативных лексико-грамматических классов системы целого, к которой относятся:

(1) Совокупности класса «люди» – представляемые совместно или дисперсно; как части большего или как объединения; как расчлененные множества или как формы организации; как единичные представители или как группы:

- части большего или целого (партитивы): *авангард, актив;*

- собрания, объединения (корпоративы): *агитгруппа, бригада, дружина;*

- массивы: *армия, партия, народ, батрачество, беднота, гегемон, десант, детвора;*

- управления, организации, общества, устройства (институтивы): *агропром, батрачком, бытсовет, военкомат, главк, горисполком, горком, драмкружок;*

- лица: *авроровец, активист, автоградец, автозаводец, автодружинник, агент, агитатор, аллилуйщик, анекдотчик, антикоммунист, антиобщественник, антирелигиозник, антисоветчик, антоновец, бамовец, банкрот, барабанищик, басмач, батрак, бедняк, безбожник, безлошадник, безотрывник,*

белобандит, беспризорник, блатник, большевик, валютчик, вечерник, военком, вожак, вожатый, вождь, возвращенец, враг, вредитель, генсек, горнист, группомсорг, группорг, депутат, дзержинец, диссидент, довженковец, допризывник, дружинник.

(2) Совокупности класса «места-предметы»:

- пространственности (локативы): *агитпункт, автогигант, автоград, агитплощадка, агрозона, академгородок, Артек, атомград, БАМ, БАМлаг, воспитательская, времянка (поселок), город спорта, город юности (мужества, на заре), города-побратимы, город-герой, городок здоровья, дача (руководства), детдом, Днепрогэс, Днепрострой, дом-коммуна;*

- предметы (наблюдаемое, объекты-носители): *автолавка, агитпоезд, альбом (досье), альбом-эстафета, андроповка (водка), барабан, билет (комсомольский, партийный, профсоюзный), буденовка, бюллетень, бюст, вагон-библиотека, вертушка (телефон правительственной связи), воронок, вымпел, галочка, грамота (почетная), декрет, дензнаки, дефицит (товар), директива, добро (народное), достояние;*

- структуры, сети (структуративы): *агропромкомплекс, госснаб;*

- серии: *библиотека профсоюзного активиста, газета, дневник (соревнования).*

(3) Предикации:

- действия (акции, совершения, способы): *агитпоход, акт (вредительский), аплодисменты, аттестация, благодарность, бригадировать, взыскание, воля (народа, масс), воскресник, выдвижение, выдвиженчество, высылка, вычистить, госприемка, деникинищина, диверсия, диспут;*

- действия-компрессивы: *аврал, безотрывный, битва (за урожай), бросать (направлять), досрочно, досрочный;*

- отмеченные состояния (стативы): аморалка, бездетность, бескоровность, бесплановость, беспризорность, бесхозяйственность, блат, близорукость, болезнь (детская левизны), будни, будущее, быт, вещизм, внутрипартийный, война (холодная), вооруженный (решениями), вооруженность (идейная), вопрос (квартирный, национальный), гарантия (рабочая), групповщина, действительность (советская), дело (каждого, всенародное), делячество, дефицит, джунгли (капиталистические), дисциплина, доблесть, доверие, долг, допуск, доход;

- прогрессивы (процессивы, эманативы — расширения, распространения, реализации): автомобилизация, активность, агитировать, агитмассработа, бдительность, благо (народа), благосостояние, блюсти, большевизация, бригадизация, всемерно, всенародный, всеобуч, всеохватный, всепобеждающий, встречный (план), высоты (коммунизма), командные высоты, гигантомания, горизонты (сияющие), грядущий, дали (солнечные), диспансеризация, дорога (светлая);

- проективы (продукты идей, заряженные направленности): агитка, антибольшевистский, антиколхозный, антикоммунизм, антисоветчина, аполитичный, атеизм, беззаветно, безумство храбрых, безыдейность, белогвардейско-кулацкий, белоказачий, большевизм, большевистский, буденновский, внеклассовый, вредительский, вредительство, высокоидейный, гражданский (патриотический), диктатура;

- отмеченные периоды (времена): год (славные годы, юбилейный, определяющий, завершающий, боевой восемнадцатый, бесцельно прожитые, сороковые огневые),

годовщина (славная), декада, декадник, дооктябрьский, дореволюционный, досоветский.

Относясь к совокупностям класса «людей» со значением единичности, лица далее подразделяются по следующим основаниям:

Представители

- коллектива (группы, состава): *авроровец, автодружинник, армеец (юный), белогвардеец, буденовец;*
- массива: *автоградец, автозаводец, бамовец, кировец* (рабочий Кировского завода);
- множества: *гражданин, гражданка, каждый;*

Деятели

- активного действия (активации) со значением стимулирования либо распространения:
 - стимуляция: *активист, агитатор, вожак, глашатай, двигатель (революции), знаменосец, искровец;*
 - распространение (экспансия): *антирелигиозник, антирелигиозница;*
 - действия-участия, партиципации: *боец, борец, горняк, зарничник, интербригадовец, ипатовец, каналоармеец;*

Позиционеры (поставленные, назначенные, занимающие должность, исполнители)

- направленные (функционалы): *агроуполномоченный, бригадир, военком, вожатый, выдвиженец, генсек, главком, главный, горнист, группорг, дежурный, депутат, директор, домоуправ, завуч, завхоз, зам, замполит, звеньевой, избач, инструктор, командарм, комбат, комиссар;*
- ненаправленные (социальное место): *батрак, безотрывник, вечерник, военспец, вохровец, втузовец, гэпэтушник, двадцатипятидесятничник, довженковец, допризывник, жактовец, интеллигент, исполкомовец,*

кадровик, кандидат, квартирант, классрук, клубный работник, койко-больной, колхозник, комитетчик, коммунальник;

Проявляющие себя неким образом и характеризующиеся по данному основанию

- по виду совершаемой (совершенной) деятельности: *агент, аллилуйщик, анекдотчик, богомол, болтун, бракодел, валютчик, загибщик, задолжник, зажимщик, землероб;*

- по характерному признаку:

- лишенности (необладания, отсутствия, недостижения): *банкрот (политический), бедняк, безземельный, классовый излишек, бывшие, пораженные в правах, лишенцы;*

- выделенности (отмеченной значимости): *батяка (атаман), бровеносец (Брежнев), внуки (революции, Ильича), горец (кремлевский), двухлошадный, дефективный, единоличник, заслуженный, золотопогонник, Ильич;*

- неохваченности (незадействованности, неучастия): *беспартиец, беспризорник, бомж, интеллигентик, попутчик;*

Носители признака (кумуляторы)

- направленно: *антикоммунист, антиленинец, антиобщественник, антисоветчик, безбожник, большевик, большевичка, бунтарь, вредитель, диссидент, интернационалист, левак, коллективист, перерожденец;*

- ненаправленно: *буржуй, вояка, герой, гость (гости города), дозорный, друг, дядя (дядюшка) Сэм, защитник, подпольщик;*

- потенциально: *блатник, враг, зеленые, инакомыслящий.*

Обозначения лиц, тем самым, распределяются по пяти основаниям, соотносимым между собой как

валентностные места в модели фрагмента целого (всей системы обозначений в исследуемом языке):

акция
презентация – позиция – проекция
кумуляция

Центр представлен значением позиции, остальные значения определяются валентностью ролью входящего (презентация), поддерживающего (кумуляция), распространяющего (акция) и проявляющегося (проекция). Указанные значения имеют смысл в составе модели целого. Описание единицы производится с учетом ее отнесенности к основанию, с последующим уточнением значений по категориальным признакам: *авроровец*, ‘член экипажа крейсера «Аврора» (корабля революции)’ – “представитель (3а) корпоратива (3б) по объекту-носителю (4б), обеспечивающему реализацию (2в) достижения (1б) финитной цели, мобилизующий (6а), свой-позитивный (7а)”: 3а {[3б (4б < 2в < 1б)], 6а, 7а}. Финитная цель, характер мобилизации, понятия “свой”, “достижение”, “обеспечивающий”, а также порядки и роли представленных в дефиниции цифрами признаков потребуют своего уточнения. Задача подобного описания, как уже говорилось, имеет смыслом представить характеризуемый язык как модель насыщения значений, отображающую через слова идею конституируемой действительности, с особой позицией, ролью и местом в ней человека.

Анализ и описание номинативов, в частности называющих лиц, имеет смысл для более полного и

обстоятельного их парадигматико-категориального представления, применительно к языку советской действительности, производить отдельно для тех, которые составляют так называемые негативные, не желательные, оценочно отвергаемые, осуждаемые обозначения, и тех, которые, напротив, используются как обозначения поощряемые и одобряемые в отношении советского человека. Нижеследующие фрагменты представляют собой отрывки из трех работ, посвященных указанному здесь описанию.

Парадигматико-категориальное представление негативов.

[Фрагмент статьи *Семантика негативно оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности. Статья 1.* // Политическая лингвистика. Вып. (3)23'2007. Гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург 2007, с. 118-133]

Объектом исследования были слова типа *аллилуйщик, зажимщик, перестраховщик, халтурщик, авральщик, срывщик, фарцовщик, прогульщик, трутень, перебежчик, анекдотчик, антисоветчик, валютчик, попутчик, волокитчик, доносчик, аппаратчик, растратчик, антиобщественник, клеветник, саботажник, единоличник, мешочник, взяточник, отказник, подкулачник, пособник, шабашник, двурушник* и т.п., служившие материалом выявления когнитивной системы оценок поведения, позиции, общественной роли и прочего применительно к человеку. Предполагаемым итогом такого подхода может быть, как уже говорилось, внутренний категориальный критерий советскости в отношении языковой единицы и

также категориальные основания концепции человека во внутреннем представлении (т.е. не обязательно осознаваемом, явном и очевидном) советского языка. Проблемы идеологизации, идеологизированности, пропагандистской политизированности, публицистичности официоза, унитарности, однопартийности, деперсонализированной мифологичности, этатизма, социоцентризма советского языка, равно как и прочей его направленности, при подобном подходе, как-то с ним, безусловно, связанные, не играют, однако, определяющего значения. Выводом и результатом должны быть **семантизированные категории порождения и восприятия** вербального выражения, то, что имеет свое непосредственное отношение к когнитивному направлению в лингвистике и изучению языковой картины мира, тех или иных ее сторон и фрагментов, в данном случае не столько национального, сколько советского языка как его узальной проекции. Окончательным выходом может быть выявление отношения языковой картины национального и советского языка, с определением общего и различного между ними. Однако это задача глубокой и основательной перспективы.

Для начала и ясности представления подразделим интересовавший нас материал на группы, позволяющие представить характер возможных соотношений в нем советски отмеченного и нейтрального. Временной показатель, связанный с периодами активности тех или иных негативно-оценочных советизированных лексем, с различной степенью их идеологической и политической актуализации и с возможным затем вытеснением на периферию или уходом в пассив, на данном этапе анализа во внимание не принимался. Равно как не брался в расчет критерий происхождения – советское новообразование или используемая единица национального языка, с тем чтобы,

отвлекаясь от любых дополнительных, хотя бы и важных, критериев, обратиться в самом начале к представлению вероятных различий советскости.

Первую группу составят слова с очевидной и явной советскостью, почти исключительной и резко направленной, характерные по преимуществу для публицистической речи, с оттенками обличения и острого осуждения: *аллилуйщик, зажимщик, прижимщик, перестраховщик, перегибщик, авральщик, штурмовщик, срывщик, загибщик, лакировщик, перевертень, трутень, перебежчик, анекдотчик, антисоветчик, валютчик, антиобщественник, саботажник, единоличник, мешочник, взяточник, переносчик (слухов), аппаратчик, растратчик, комитетчик, отказник, подкулачник, пособник, церковник, частник, лабазник.*

Вторую группу – слова разговорные, со «вставляемой» советскостью, фигурирующей в них как оттенок коннотативного замещенного дополнения, при этом сила и острота обличения и осуждения имеют в них регулятивный характер, т.е. могут быть более или менее резкими, в зависимости от условий употребления и политического периода: *фарцовщик, прогульщик, халтурщик, порубщик, жалобщик, потаковщик, подтасовщик, анонимщик, погромщик, самогонщик, перекутчик, половинщик, вольничек, поклепщик, подговорищик, притворищик, потворищик, алиментщик, комплиментчик, приживальщик, неплательщик, самовольщик, прихвостень, оборотень, фальшивомонетчик, начетчик, попутчик, волокитчик, бюрократ, потатчик, мошенник, законник, низкопоклонник, склочник, сутяжник, законник, кляузник, клеветник, наемник, собственник, шкурник, изменник, матерщинник, карманник, рвач, наушник.*

Третью группу – слова с укрытой, неявной советскостью, точнее было бы определить ее термином «смазанной», нередко намеренно двойственной и(ли) затемненной, и таким же характером негативной оценки: *глубищик, гуталинщик, керосинщик, сыщик, понукальщик, дурильщик, добытчик, лудильщик, захребетник, наплеvist, локатор, куратор, мирильщик, заводила, подпевала, обирала, вельможа, зверь, вепрь.*

И четвертую группу – слова, своего рода притягиваемые, не советские по своему значению и характеру, но, будучи советизированы, способные приобретать специфический смысловой и коннотативный оттенок: *морильщик, бурильщик, удильщик, пилильщик, строгальщик, заговорщик, разносчик, хозяин, хозяйчик, затейник, нахлебник, кутила, фигурант, прохиндей, живодер, мандарин, чиновник, сановник, барин, миротворец.*

За пределами перечисленных групп, своего рода пятую группу составляют слова, советскому языку не свойственные, не используемые и не коннотируемые в нем, как правило: *бабник, придирищик, наговорщик, субчик, молодчик, господчик, указчик, немчик, турок, фетюк, господишчик, попрыгунчик, дворянчик, купчик, доносчик, висельник, крамольник, кромешник, богохульник, подопок, вертопрах, ловелас, фифа, фигура, фря, пустозвон, фанфарон, прощелыга, бахвал, мазила.*

Группы находятся в отношениях корреляции (первая со второй, третья с четвертой) и противоположения первых двух двум последующим. Основу коррелятивности составляют признаки отношения к формируемой советской системе. В первой группе слова называют и характеризуют тех, кто является по отношению к ней потенциальным ее деструктором, негативно, нередко намеренно и сознательно,

воздействуя на различные внешние или внутренние ее составляющие. Во второй представлены лица, определяемые и характеризующиеся как агенты нежелательного или мешающего нужному направлению образа действия и проявления. Корреляция между первыми и вторыми состоит в характере обращенности проявления – от действующего или носителя признака как объекта оценки на систему-объект (объявляемый строящийся социализм, советский строй) в первой группе и в носителе признака или действующем, в нем самом, по отношению к множеству ему подобных и равных во второй. То есть, тем самым, направленного не прямо к системе и действующего не в ней самой, не внутри ее, а через множество тех, от которых зависит потенциальный успех ее осуществления, реализации. Первая группа, тем самым, предполагает позицию отношения лица к системе как проекцию на субъекта ведущего для советской действительности финитного отношения, если под финитностью понимать категорию направления на систему-цель – объявляемый строящимся социализм и советский строй как объект общественного стремления (*opus finitum*). Вторая группа – позицию отношения лица ко множеству-социуму и внутри него, с проявлением категориального отношения деформации в социальных массивах.

Слова третьей группы определяют и называют лиц «от системы», как ее нежелательные продукты, проводники ее действия и влияния в социальных массивах, подстраивающиеся под нее и к ней приспособляющиеся, в своем поведении, образе действия, отношении к окружению, ближним, среде. Позицию эту и эту направленность можно определить в отношении «от системы к лицу», в категориях продуцирующего

формирования (своего рода измененного состояния) искаженной системой структуры субъекта-лица.

Четвертую группу составляют слова, определяющие и характеризующие лиц, подстраивающих, приспособляющих свое поведение, образ действия и отношение, но не к системе, а к социальному множеству. Отсюда их не прямое, а только притягиваемое в советский язык положение. Это слова с позицией «от социума, множества к субъекту-лицу» и нейтрализованное, безразличное в своем семантическом представлении, отношение к категориям советского языка. Так, если первую группу составляют деструкторы по отношению к финитной системе, вторую – деформаторы ее социальной базы и почвы-массива, третью – продукты ее „искаженного” социального и психологического воздействия как состояния, то четвертую – стоящие вне ее, как таковым образом ей не свойственные, но и не чуждые в целом, не отрицаемые ею (последнее как определяющий признак можно было бы отнести к группе пятой).

Дополнительным категориальным признаком, дифференцированным по четырем представленным группам, можно ввести показатель активности или пассивности, с уточнением к потенциальности того и другого. Активность или пассивность субъекта-лица в своем характере как негативное отношении-состоянии зависит во многом от выделяемой направленности. Деструкторы первой группы, с направленностью своего проявления к финитной системе, представляют потенциально активное состояние в отношении к ней. Не в отношении, что важно, характерного действия (действий), их типа и вида, а в предполагаемом достигаемом результате, направленном на систему-объект.

Возьмем для примера несколько слов первой группы. *Аллилуйщик* характеризуется по словарям [Большой толковый 2000], [Мокиенко, Никитина 1998] как ‘тот, кто чрезмерно восхваляет кого-л., что-л.’. Интересующий нас категориальный семантический показатель потенциальной активности заключен не в признаках ‘чрезмерно’ и ‘восхвалять’, предполагающих интенсивность и, может быть, необоснованность определяемого действия-проявления, характеризующего лицо, а в том, что в приведенном определении не названо, но что будет иметь отношение к предмету данного рассмотрения. Любой ли объект, характеризваемый в дефиниции как кто-л., что-л., может быть предметом такого предполагаемого восхваления? Поскольку речь идет о слове советского языка, типичный выбор такого объекта исходно окажется ограничен. Это или система, советский строй в различных ее составляющих или то, что прямо и непосредственно, а может быть и косвенно, связано с ней – представители власти, деятели советской культуры, искусства, их произведения, строители социализма и пр. *Аллилуйщик* и *аллилуйщина* обусловлены в употреблении тем, что связывается в советском языковом представлении с тем, что подходит под определение *наши успехи и достижения*, тем, чем *может гордиться страна*. *Наши*, при этом, равно как и слово *страна*, следует воспринимать как *советские*. Невозможно себе представить, чтобы льстецов, готовых к чрезмерному восхвалению, скажем, российского императора, его вельмож и министров, равно как и царский режим, или какого-нибудь зарубежного политического деятеля, диктатора, владыку, руководителя, лидера и их системы, со свойственной разбираемому слову иронией и осуждением и в рамках того же советского языка, могли бы называть *аллилуйщиками*, а их действия *аллилуйщиной*.

Объект восхваления должен быть, тем самым, определен как такой, который связан с советской системой как **opus finitum**, т.е. как достигаемая советским обществом в его стремлении и развитии цель. *Аллилуйщик* по отношению к этой видимой цели общественного движения оценивается и преподносится как агент, а *аллилуйщина* как явление, разрушительные и потенциально активные в предполагаемом своем результате. Потенциально – поскольку заложенные в результате не прямо, не в разрушении состоит направленность данного вида деятельности. Активные – поскольку результатом предполагается не строительство, не развитие и создание советской системы, а ее остановка, стагнация и торможение, т.е. то, что обратно созданию, а тем самым, как результат, перерождение и разрушение в своих закладываемых, предполагаемых основах.

Аналогичным образом такие слова, как *зажимищик*, *прижимищик* ‘тот, кто препятствует свободному проявлению чего-л.’ [Большой толковый 2000], ‘мешающий, препятствующий чему-л.’ [Мокиенко, Никитина 1998] – *зажимищик критики*, *хлеба*;, *перестраховщик*, ‘проявляющий чрезмерную осторожность, ограждающий себя от принятия ответственных решений’ [Мокиенко, Никитина 1998], *перегибищик*, ‘допускающий перегибы (нарушения правильной линии, вредная крайность в какой-л. деятельности)’, *авральщик*, *штурмовщик*, ‘выполняющие работу наспех по причине отсутствия планомерности и организованности в деле социалистического строительства’, что неизбежно влияет на ее качество и результат и потому оценивается как деятельность потенциально вредная и разрушительная, равно как и другие слова этой группы, следует понимать и интерпретировать в отношении действий к советской системе, имеющих непрямым

результатом (потенциальность) нарушение принципов ее объявляемого функционирования, в конечном итоге ее искажение и разрушение (активность).

Слова второй группы следовало бы определить в отношении дополнительного категориального признака как характеризующиеся пассивностью и потенциальностью, следующих из их направленности в семантике не к финитной системе, а к социальному множеству. *Фарцовицик* 'тот, кто занимается фарцой, т.е. незаконной продажей антиквариата и импорта, прежде всего одежды', *прогульщик, халтурищик, порубщик, жалобицик, потокавицик* и др. тем отличаются от слов первой группы, что, представляя собой нарушения, деформацию в области устанавливаемых общественных отношений, не напрямую, а через эту сферу, тем самым, пассивно, а не направленно, влияют на достигаемую цель советского общественного стремления. Потенциальность как признак связывается, как и в словах предыдущей группы, с отсутствием прямой и открытой направленности к деформации общественных отношений у называемых и характеризуемых соответствующим образом лиц. Соотношение дополнительных категориальных признаков у слов этой группы, в отличие от слов предыдущей, имеет поэтому соположенный, а не взаимно включенный характер, поскольку пассивность относится к опосредованно-неактивному действию на систему, а потенциальность – на предполагаемый результат. В то время как в первой группе потенциально активными полагаются действия в результате, имея, тем самым, направленность на общий актант.

Третью группу, представленную словами, называющими лиц, характеризуемых как продукты системы, отмечает признак активности, связанный с их

воздействием на другое лицо, других лиц, окружение в целом. Система, намеренно и ненамеренно, воспроизводит таких, как *глубинщик* 'сотрудник КГБ (копающий на глубину, в том числе в чужих секретах, жизнях и душах)', *гуталинщик* 'Сталин (черный душой и телом, сын сапожника, всеобщий чистильщик)'⁸, *керосинщик* 'подстрекатель и провокатор (как „поджигатель“, подливающий масло в огонь)'⁹, *сыщик* 'тот, кто вынюхивает, доискивается, интересуется чужими секретами, вещами и обстоятельствами, ищейка, сексот', *понукальщик* 'тот, кто понукает, подгоняет к работе', *дурильщик* 'тот, кто обманывает, водит за нос, отлынивает, прикидывается не тем, кем есть', *локатор* 'тот, кто подслушивает, возможно, с намерением доносить', *добытчик*, *захребетник*, *наплевист* и т.п. Испытываемое от них негативно оцениваемое воздействие воспринимается как активное, являясь сознательным и направленным, а не косвенным, случайным и опосредованным с их стороны.

Четвертая группа характеризуется изначальной противоречивой двойственностью, активной пассивностью со стороны лица. Активность связана с характером, отчасти осознаваемостью, осуществляемых им действий и проявлений, пассивность — с их ненаправленностью, проявлением не нацеленным, а как таковым. *Морильщик* 'тот, кто долгим и нудным повествованием о чем-нибудь, однообразием и монотонностью способен уморить, занудить', *бурильщик* 'тот, кто забуривается, т.е., увлекаясь, теряет способность оценивать ситуацию, реакцию окружающих на себя', *удильщик* 'тот, кто вольно или невольно кого-то на чем-то пытается подловить, выжидает, следит', *пилильщик* 'тот, кто изводит, донимает других моралью, попреками, занудствует', *хозяин* 'тот, кто держится высокомерно, пренебрежительно, властно, не

считаясь с мнениями, желаниями, обстоятельствами других’, *затейник* ‘тот, кто выдумками, обманом, хитростью пытается выгадать себе что-нибудь за счет других; плут, мудрила, хитрец’, *нахлебник* ‘тот, кто живет за чужой счет’ и т.п. являются таковыми по добровольному выбору и характеру, стали такими под действием окружения, воспитания (социального множества), выработав это в себе как линию поведения, – активно со своей стороны, но не активно и не направленно в отношении своего окружения.

Отношения, связывающие выделенные четыре группы негативно оценочных слов¹⁰, определенные ранее как отношения корреляций и противопоставлений, можно представить следующим образом:

1. от субъекта-лица к системе (с потенциальной активностью действия-проявления в результате)	3. от системы к субъекту-лицу (с активностью действия)
2. от субъекта-лица к социальному множеству (с пассивностью к действию и потенциальностью к результату)	4. от социального множества к субъекту-лицу (с активной пассивностью действия)

Несун появляется, видимо, к концу 70 гг. XX века (Русская грамматика 1980 г. отмечает это образование как новое [1: 146]) и обозначает ‘того, кто совершает мелкие кражи, уносит что-л. оттуда, где работает’ [Большой толковый 2000], ‘который выносит с производства часть производимой продукции, сырья и т.п.’. [Мокиенко,

Никитина 1998] Слово, образуясь по типу *бегун, лгун, молчун*, предполагает использование основы настоящего времени в качестве мотивирующей основы (*нес-у – нес-ун*), представляя собой образование регулярное и продуктивное для разговорной речи [Ефремова 1996: 476-477]. Непосредственными предшественниками его в языке советской действительности можно считать три оценочных слова с тем же суффиксом – *болтун* (разглашающий тайну), *летун* (часто меняющий место работы), *попрыгун* (то же, что *летун*, но более с оттенком ‘не могущий усидеть, удержаться на месте’), с первыми двумя из которых данное слово можно было бы отнести к группе с наиболее ярко проявленной советизированностью. В то время как два последних (*летун, попрыгун*) обнаруживают с ним наиболее тесную мотивационную связанность, в наибольшей мере, как представляется, повлияв на возникновение слова *несун*, не в последнюю очередь обусловленное расширением общей для них тематической группы и наличием такой же оценочной характеристики: все три слова имеют отношение к производству и обозначают лиц, приносящих ему своим поведением вред. Объединяют эти три слова еще ряд признаков. Прежде всего, характер действия, связанный с перемещением, пересечением, нарушением устанавливаемых стабильных границ (отношение к локусу, признак места). Действием неодобряемым и самовольным, совершаемым нередко в обход существующих правил и необходимо-желательных норм отношения к труду, объявляемым пропагандой как нравственные¹¹. Из чего следует общая для этих трех слов оценочная характеристика. *Летун, попрыгун, несун* воспринимаются как не слишком значительные, но неприятно-досадные вредители на производстве. Их действиями руководит эгоистическое стремление к собственной выгоде и

мелкособственнический интерес. Характеризует пренебрежение к интересам общества (социального множества), непонимание важности и глобальности социалистического строительства и, что из этого следует, своей роли на производстве как единицы данного множества, участвующего в этом строительстве своим объединенным трудом.

Появление слова *несун* обусловлено также негативными ассоциативными представлениями, связанными с глаголом *нести*. Помимо прямого и основного значения 'взяв в руки или нагрузив на себя, перемещать в определенном направлении, доставлять куда-л.' [Большой толковый 2000], проявляющего три признака – прихватывание с собой, перемещение с этим в пространстве и доставление к месту, внутри которых скрыто уже заложена идея присваивания, прибирания к рукам с последующим изменением местоположения в пространстве того, что взято, прихвачено в качестве груза, – помимо этих соотношений и связей, глагол *нести* проявляет также другие, ассоциативно и коннотативно значимые. Немотивированность, допускающая вмешательство неконтролируемых, стихийных, потусторонних сил и отсюда нежелательность и неожиданность возникновения (исчезновения), сопровождаемые недовольством, удивлением, возмущением: *Куда вас несет? Вот принесла нелегкая! Черт его принес! Куда его унесло? Каким ветром занесло? Несет меня лиса за темные леса* (из сказки). Передвижение помимо воли, предполагающее захватывание, увлечение какой-то силой: *Его несло на камни. Ветер нес бумажки, листья, всякий мусор. Река несла своим течением. Море унесло*. Сопровождение, появление, приход как следствие чего-л. далеко не всегда приятного: *Осень несет дожди. Тучи несут дожди*.

Старость несет болезни. Нанесло тут всякого. Распространение, передача: Несло холодом, дымом, гарью, дурными запахами. Несло затхлостью. Из подвала несло гнилью. Сообщение, передача чего-л. пустого, неразумного: нести чепуху, вздор, околесицу. Послушай, что ты несешь! Семантика глагола также связывается с неприятностями, потерями, тяжелыми обязанностями, трудностями: *нести потери, урон, ущерб, свой крест, обязанности, службу, нагрузку, нести на себе весь дом.*

Негативная оценочная коннотативность, таким образом, поддерживаются семантически, следуя из трех просматриваемых признаков: 1) потенциальная тяжесть (груза, того, что несут), 2) спонтанность немотивируемой субъектности перемещения с ним (прихватывание с собой), 3) не всегда желательное изменение начального местоположения объекта с позиции и во мнении говорящего, наиболее ярко затем проявляющаяся в *унести*, образованном от *нести* и являющимся эвфемистическим синонимом слову *украсть*.

Может быть, более ярко формирующаяся семантика проявила бы себя в форме *унесун*, возможной и в разговорно-сниженной речи даже встречающейся, образуемой по аналогии с *убегун* 'тот, кто от кого- или чего-л. убегает', *улетун*, *умотун*, *уведун*, *ускакун*, *увезун*, *убредун*, *украдун*, *уползун*, *улепетун*, также разговорных и просторечных. Однако поскольку нормативные образования с данной приставкой суффиксу *-ун* не свойственны (видимо, в силу определения лица 'по привычному действию или склонности к действию', предполагающему действие как таковое, не связанное с каким-либо результатом, вносимым приставкой *у-*), *несун* содержит в своей семантике также и это значение с *у-*. *Несун* не только и не столько *несет*, сколько действием этим, несением, *уносит*, *выносит*, что и

находит свое не отражение в дефинициях: ‘тот, кто совершает мелкие кражи, уносит что-л. оттуда, где работает’ [Большой толковый 2000], ‘который выносит с производства часть производимой продукции, сырья и т.п.’ (подчеркнуто мною – П.Ч.) [Мокиенко, Никитина 1998].

В интересующем нас слове срабатывают две составляющих из трех – прихватывание, связываемое с присваиванием субъектом-лицом того, что ему не принадлежит (скрытый и подразумеваемый компонент значения), и нежелательное изменение надлежащего местоположения того, что выносится, – за пределы предприятия, с пересечением, нарушением границ стабильного и должного местопребывания его как объекта (явный, открытый компонент). *Нести, летать и прыгать* в *несун, летун* и *попрыгун* передают, тем самым, общую для них идею неконтролируемой и немотивированной спонтанности со стороны субъекта-лица, с нарушением стабильности места – объекта в *нести* и субъекта в *летать* и *прыгать*.

Рассмотренные мотивационные основания советизированной оценочности в слове *несун* позволяют отнести данное слово, наряду с ему близким *летун*, ко второй группе, предполагающей отношение субъекта-лица к социальному множеству. Данное отношение, как следует из рассмотрения, тяготеет к оценочности нравственного характера, в отличие, скажем, от слов первой группы (отношение лица к системе), в которых ведущей становится оценка идеологическая и политическая. Указанная закономерность, однако, не имеет в виду исключительности, поскольку нравственная оценка осуждаемого в отношении общества поведения очень легко перед лицом момента и политической необходимости может стать оценкой высшего уровня, связанной с

отношением к системе, угрозой ее стабильности и существования.

Затронутую особенность хорошо демонстрирует слово *болтун*, советизированный облик которого четко связывается с перемещением его семантики по шкале оценочности от невинного в целом в своей основе неумения сдерживаться в своих речевых проявлениях через сплетничество, выбалтывание чужих секретов и тайн, к разглашению важных секретных сведений, в том числе государственного значения, и антисоветской агитационной деятельности. При этом, если первое предполагает реакцией утомление, неприязнь, раздражение, а второе – неодобрение, осуждение, нежелание иметь дело, вступать в какие-либо контакты и связи, стремление избегать, то последнее, третье, закладывает реакцию не индивидуального и не межличностного уровня отношений, поскольку речь идет о вредительстве государственного масштаба. Реакцией в этом случае предполагаются и должны быть негодование, общественное презрение, остракизм, желание немедленного наказания по всей строгости советских законов. Отношение личного неприятия, нежелание сталкиваться и стремление избегать, характерные для первого и второго уровней, на третьем, системном и государственном, в силу значимости потенциально следующего общественного вреда, сменяет свою направленность – не самому стараться не сталкиваться и избегать, а изгонять такого из общества, обезвреживать, изолировать и изымать.

В чем конкретно проявляет себя советизированность рассматриваемого лексического значения? Обратимся к словарным определениям. *Болтун* разг. 1. Тот, кто много болтает; пустослов. *Болтун подобен маятнику: и того и другого надо остановить* (К. Прутков). 2. Тот, кто не умеет

хранить тайны (обычно о сплетнике). Ну и б. же ты! Можешь довериться: я не б. **Болтать** разг. 1. Вести лёгкий, непринуждённый разговор; много говорить (обычно вздор, пустяки или не то, что следует). Б. без умолку. Б. весь вечер. Б. о том о сём. Б. чепуху, глупости. Б., весело смеясь, шутя. О том, что видел, не болтай! (никому не рассказывай). 2. Проводить время в болтовне (2 зн.); много и попусту обещать. Опять болтают, а решений нет как нет. 3. Высказывать нелепые суждения, распространять слухи; выдумывать, наговаривать. Б. разное, всякое про кого-, что-л. Болтают, будто конец света близок. Может, и впрямь инопланетяне? – Болтают... 4. Бегло говорить на каком-л. иностранном языке. Б. по-французски, по-немецки. **Болтовня** разг. 1. Лёгкий, непринуждённый разговор. Весёлая, оживлённая б. Б. детей. Слушать болтовню подруг. 2. Бесплодные рассуждения, обсуждения, речи; пустые безответственные обещания; пустословие, говорильня. Одна б.! Болтовни много, а результатов никаких. 3. Сплетня, выдумка. Не было такого, б. всё это. [Большой толковый 2000]

Оценочность данных определений связывается не в последнюю очередь с самим представлением о говорении, речи как о занятии малозначащем и непродуктивном (ср.: говорить, а не делать; слово, не дело; говорун, говорильня). К этому добавляется признак количественной избыточности (много говорить), бесплодной пустопорожности (лёгкий) раскованности и потому несерьёзности (непринуждённый), обычно бессодержательности (говорить вздор, пустяки), но часто видимой, поскольку то, что говорится, может стать нежелательным и потенциально опасным (не то, что следует). В представлении о болтать, болтовне присутствует также признак замещения положительных и производительных действий во времени, вытеснения

действий, имеющих результат, псевдозанятости (*проводить время в болтовне, занимать чье-то время разговорами, вместо того, чтобы делать*); признак замещения не только действий и положительной деятельности, но и действительного положения вещей, т.е. самой действительности, – ложь, обман, лживые обещания, нелепые суждения, слухи, сплетни, выдумки, наговоры. Связываться это может как с ненамеренным и безответственным поведением (по глупости, неопытности, неумению сдерживаться, правильно ориентироваться в обстановке), так и с действиями сознательными, направленными на то, чтобы исказить реальное положение вещей, либо объявляющими, выдающими скрытое и потому намеренно или потенциально причиняющими вред.

Итак, *болтать* – это, прежде всего, не делать и вместо того, чтобы делать, но при этом излишне много и безответственно, нарушая и искажая сложившиеся отношения и настоящее положение вещей. *Болтовня, болтать*, тем самым, воспринимаются как поведение, ненамеренно или намеренно, дестабилизирующее, из чего следует ее потенциальная вредоносность. Слишком много – пустых, замещающих и непродуктивных поэтому действий – искажающих и нарушающих установленный лад – вредоносны. Таков приблизительный путь возникающей на базе данного слова оценочности.

В чем же советский характер рассматриваемого явления, в какой момент появляется соответствующий оценочный признак, следующий как таковой из всего представленного? Можно ли определять его как отделяющийся от общей семантики слова и отделяющийся в ней или ей добавляющий нечто свое от себя? «Толковый словарь языка Совдепии» содержит такое определение: «**Болтун** 1. Тот, кто разглашает тайну, секретные сведения.

... *Болтун* – находка для шпиона. ... 2. Лаг. Лицо, находящееся под следствием или осужденное за «болтовню» (разглашение государственной тайны) или «контрреволюционную агитацию». Росси, т. 1, 36.» [Мокиенко, Никитина 1998: 60]

Значение, объясняемое первым, внешне, а также согласно приводимому определению, не отличается от значения, которое в «Большом толковом словаре» [2000] дается вторым. Заметным и явным отличие будет в значении, приводимым как лагерное (т.е. жаргонное и ограниченное). Вывод, напрашивающийся сам собой, заключается в том, что советизированность в данном случае есть не что иное, как употребление общеязыкового значения слова в контексте советского языка, тем более, что такое лексическое использование для него весьма характерно.

Представляет смысл, однако, задуматься над полнотой, точнее «советскостью», приведенного определения. Ничего типично и характерно советского в этом определении нет. Всякий ли 'тот, кто разглашает тайну, секретные сведения', должен считаться *болтуном* в советском смысле этого слова? Видимо, не совсем. Важно, какого характера эта тайна, что за секретные сведения им разглашаются и не менее важно, кому, при каких обстоятельствах. *Болтун*, таким образом, в первую очередь, нарушает имеющийся и установленный (гласно или негласно) порядок обмена и передачи той информации, которая, имея статус «секретная» или «служебная», сообщению лицам, не имеющим к этому разрешения или допуска, не подлежит. Можно и стоит заметить, что все это так или иначе имеет связь с разглашением тайны, тем самым, секретного знания, не подлежащих распространению сведений. Советскость рассматриваемого

значения, как можно предположить, состоит в его отнесенности не столько к контекстам советского языка, сколько к самой, закреплённой в нём, связанности с картиной советской действительности, которая и определяет, в случае своего вхождения в семантическую структуру лексического значения (либо втягивания её в себя), вид и степень советскости. Слова-советизмы, или слова советского языка, являются таковыми не в силу только употребления в нём (такое тоже имеет место, но эти словоупотребления советизмами не следует называть), а в силу нагруженности лексического своего значения, включения в его состав концептуальных и экзистенциальных признаков советской картины мира. Отсюда 1) необходимо ясное категориальное представление о ней таковой и 2) те или иные выведенные на этой основе категориальные признаки должны быть закреплёнными компонентами лексического значения соответствующей единицы как единицы не только русского, но и советского языка. Так, к примеру, если *несун*, *летун*, *попрыгун* имели категориально-оценочным семантическим признаком отношение к месту (объекта или субъекта-лица), понимающемуся для них как им свойственное, надлежащее, не сменяемое по собственной воли и в связи с этим стабильное, место производственной деятельности (предприятие), то *болтун*, в советском своём значении, связывается с категориальным признаком отношение к знанию, интерпретируемому как сведения не к всеобщему распространению, статусные в своём отношении к системе и связанности с ней и потому охраняемые. Степень (уровни) этой статусности могут быть разными – от государственной тайны (болтовня-шпионаж) до высказывания своего отношения к советскому строю и социализму как общему делу (*opus finitum*), что и нашло своё отражение во втором

приведенном значении *болтуна*, помеченным как специальное и лагерное (болтовня как враждебная агитация).

[Фрагмент статьи *Семантика негативно оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности. Статья 2. W: Политическая лингвистика. Вып. (1)24'2008. Гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург 2008, с. 72-85]*

Степень советизированности единицы обуславливается нередко узуальными и темпоральными предпочтениями, степенью актуализированности к политическому моменту соответствующих, ей приписываемых или уже в ней имеющих, коннотативных значений. Следы таких состоявшихся предпочтений могут затем сохраняться, оставаться в ней и после деактуализации. Из выбранных к рассмотрению двенадцати слов на *-ун* порядка подобного узуального распределения можно было бы обозначить следующим образом:

1. Единицы первой, наибольшей степени советизированности: *несун, болтун, топтун / топотун*.

2. Единицы второй такой степени: *летун, крикун, говорун*.

3. Единицы третьей степени: *шептун, плясун, писун, пачкун*.

4. Единицы четвертой степени: *хрипун, попрыгун*.

Что реально влияет на эту степень, какие языковые признаки? Опуская все остальные возможные и подробно рассмотренные ранее как категориальные и имеющие отношение к парадигмосистеме, хотелось бы обратить внимание в данном месте еще на одну черту. Это степень оторванности, изолированного присутствия и восприятия в

языковом сознании говорящего соответствующего оценочного значения слова советского языка в отношении значений того же слова, но общеязыковых. Критерий подвижный и относительный. Влияют на него, во-первых, появление слова как новообразования советского языка (*несун*) и потому невозможность установления для него соответствующих корреляций с общеязыковыми значениями. Во-вторых, развитие очень значительных, актуальных и в какой-то период времени весьма активных семантических и коннотативных признаков, делающих слово определяющим знаком-символом соответствующего этапа и связанной с ним политики (*болтун*). В-третьих, значительное лексическое смещение, возможно заимствование из не общенародного языка (диалект, жаргоны), и оттеснение общеязыковых значений того же слова на периферию, вытеснение их с точки зрения активности и актуальности (*топтун* / *топотун* для устной формы советского языка). Что касается слов второй степени, то их соответствующие употребления характеризует незначительная степень смещенности общих значений, часто даже не воспринимаемая в своем доведении, ощущение советизированного значения в реализации, часто следующей из фразеологизованных сочетаний: *летать с одного места работы на другое* – *летун*; *кричать с трибуны, на митингах, на каждом углу* – *крикун*; *говорить вместо того, чтобы дело делать* – *говорун*. Единицы третьей степени характеризуются нередко специфической ограниченностью употребления, не общей распространенностью в языке советской действительности, особенностью и непритязательностью, возможно грубой, окраски, исключаяющими их из форм официально публицистического использования как основного и наиболее характерного для советского языка: *плясун*, *писун*

и *пачкун*, характерные прежде всего для речи партийно-номенклатурных работников и сотрудников органов наблюдения, *шентун* – как очень резко окрашенное и потому ограниченное в своем использовании значение. Единицы четвертой степени могут быть охарактеризованы в целом как малоупотребительные в соответствующих советских значениях, требующие контекстов и ситуаций, возможно поэтому не очень воспринимаемые и распознаваемые как единицы советского языка: *хрипун* предполагает понятным из ситуации референтом какого-нибудь несоветского духом барда, певца, поэта, вещающего из-за границы по радио диктора, эмигранта; *попрыгун* фигурирует как синоним слова *летун*, как его замещение, нередко при этом в общем контексте.

Рассматривая характер негативной оценки при обозначении человека в языке советской действительности с точки зрения составляющих эту оценку категориальных обоснований, стоит, по-видимому, также задуматься над тем, существует ли нечто общее, что объединяет все эти признаки, мотивируя определенным образом самую такую оценку. Это общее, если оно существует, должно быть связано с языковой советской картиной мира и отражать магистральную линию ее отношения к человеку, к его позиции, месту внутри себя, фактически быть воплощением советского взгляда на человека, концепции человека как таковой. Отвлекаясь от всех возможных и не случайных в данном случае ассоциаций по поводу колесика-винтика общей системы, участия в общем процессе и деле строительства социализма как его составляющая необходимая часть, по поводу благонадежности и лояльности, готовности быть и служить, по поводу преданности и самоотдачи как требования, предъявляемого к каждому и отдельному представителю общества и

коллектива, необходимо выявить признаки, которые отражаются в коннотативной семантике исследуемых единиц. Выявить мотивирующую основу категориальной системы оценки. Подобной основой, как позволил установить анализ отобранного для изучения материала, могло бы быть невхождение человека как единицы, лица в организуемое, собираемое, объявляемое советское целое, его несоветскость, несоответствие, по тому либо иному категориальному основанию (и это основа исследуемой категориальной парадигмосистемы), формируемому образу требуемого общественного коллектива. Признак этот можно было бы назвать **декорпоративностью**, поскольку предполагаемой и желательно-требуемой его противоположностью, как позитив, являлась бы корпоративность – вхождение и соответствие, согласованность с декларируемым общим – *opus finitum* как его достигаемая цель, организуемым для достижения этой цели состоянием общества (социального множества), объявляемыми к осуществлению действиями и процессами для достижения цели, определяемые как действия и процессы совместные, т.е. опять-таки корпоративные.

Декорпоративность как минус, ущерб, негатив в отношении человека, его неспособность или же нежелание быть заодно с направляемым к осуществлению поставленной цели общественным коллективом, имеет свои причины и основания, которые должны быть выявлены и обозначены. В этом и состоит смысл негативной оценки, и это же составляет основу ее дальнейшего категориального различения. Рассматриваемая негативная оценочность в отношении человека, в дальнейших ее различениях и уточнениях, становится способом дифференциации социального множества, используемого как инструмент и как средство для достижения политических целей, способом

селективного, выборочного и сортирующего отношения к человеку. Важно определить и сказать, кто есть кто в отношении *opus finitum* и того, что с ним связано, что может влиять на его желаемое и направляемое осуществление.

В связи со сказанным выявляемые категориальные основания и их подзначения не могут быть безразличны к порядку и месту в системе, будучи отражением декорпоративности в той или иной позиции негативно оценивающего, отнюдь не случайным образом, взгляда. Однако прежде чем попробовать установить их места и порядок в системе, отношения друг к другу и в общей связи, необходимо представить все категориальные основания, которые в ходе анализа оказалось возможным установить.

Таких оснований получилось семь. Четыре из них – отношение к месту, знанию, поведению, действию – при рассмотрении слов с суффиксом *-ун* себя проявили. Еще одно составило категориальный признак отношения к обладанию и два, несколько отстоящих в своей позиции к пяти остальным, были названы кумуляцией и презентцией. Прежде чем дать необходимую характеристику с определением каждого из семи оснований и установить их порядок в системе, представим их для начала в виде дифференцирующих признаков групп:

Место: *несун, летун, попрыгун, топтун / топотун, невозвращенец, нарушитель (границы), перебежчик, окруженец.*

Знание: *болтун, шпион, доносчик, переносчик (слухов), клеветник, сыщик, сексот, осведомитель, информатор, трансформатор, агитатор, фальсификатор, инсинуатор, просветитель, разглашатель, громкоговоритель, выдумщик, фантазер, прорицатель,*

пророк, догматик, вульгаризатор, эпигон, начетчик, попугай, стукач, дятел.

Поведение: крикун, хрипун, плясун, писун, говорун, пьяница, прогульщик, подхалим, аллилуйщик, писака, авантюрист, делец, предприниматель, сочинитель, писатель, графоман, бумагомаратель, бюрократ, чиновник, чинуша, стиляга, перевертыш, последыш, позер, службист, аккуратист, политикан, обещалкин, пораженец, паникер, интеллигент, перестраховщик, волюнщик, комплиментщик, жалобщик, нытик, шкурник, ловчила, ловкач, потребитель, антиобщественник.

Действие: шептун, пачкун, пасквилянт, наушник, бракодел, саботажник, авральщик, штурмовщик, срывщик, порубщик, лакировщик, полировщик, антисоветчик, диверсант, провокатор, халтурищик, предатель, зажимщик, прижимщик, критикан, очковтиратель, поклепщик, подговорщик, наговорщик, анекдотчик, мироед, кровосос, кровопийца, живодер, мародер, отравитель, поджигатель, вредитель, расхититель, соглашатель, вымогатель, членовредитель, хулиитель.

Обладание: взяточник, мешочник, перекупищик, валютчик, фарцовщик, карманник, шабашник, рвач, хапуга, хищник, барышник, стяжатель, пенкосниматель, нэпман, фабрикант, спекулянт, барыга, куркуль.

Кумуляция: лишенец, лавочник, обыватель, мещанин, изживенец, трутень, дармоед, паразит, буржуй, единоличник, подкулачник, хозяйчик, господчик, попутчик, алиментщик, церковник, частник, собственник, мелкий собственник, гебист, отщепенец.

Презенция: левак, кулак, беляк, дворянчик, купчик, оппортунист, военспец, пацифист, аппаратчик, комитетчик, диссидент, отказник, лабазник, наемник,

подзаборник, сожигатель, служитель (культа), оппозиционер, бывший, примазавшийся.

Место в исследуемой системе рассматривается как отношение к некоторому пространству, локализация самого субъекта-лица либо объекта взаимодействия с ним со стороны субъекта, позиционное, точечное, отмеченное в границах субъектного проявления. Место может определяться как важное или неважное при характеристике, влияя тем самым на соответствующие подзнания внутри данной группы: как территориальное советское целое, актуализированное к его пересечению (*нарушитель*) и оставлению (*невозвращенец*); как место производственного участия советского коллектива (*несун, летун, попрыгун*); как локус пространственного самовосприятия субъекта с представлением о нарушении, вторжении в него со стороны советского органа наблюдения (*топтун / топотун*) и т.п. Признаками места, тем самым, становятся а) способ пространственной реализации, восприятия, протяженность – территориальное целое, место-объект (помещение, территория), точка / точки пространства; б) наличие актуальных либо неактуальных границ с точки зрения возможного нарушения, пересечения, удаления; в) отмеченность либо неотмеченность присутствием либо участием на нем социальных множеств, других субъектов; г) единичность / множественность / безразличие актуальной проекции к территории, месту-объекту, точкам пространства (скажем, *несун, невозвращенец, перебежчик* для первого подзнания; *летун, попрыгун* для второго; *топтун / топотун* для третьего); д) отношение к аутоперцепции субъектного „я”, восприятие / невосприятие места как своего / чужого.

Знания определяются как сведения, информация не общего характера, известные одним и не известные другим.

Как укрываемые, не объявляемые, они становятся объектом установления, разглашения, передачи и слежки. Как не укрываемые – распространения, оповещения, пропаганды, искажения, преувеличения, обмана и лжи. В структурном своем отношении знания устроены подобно категории места, т.е. для них допустима возможность иметь позиционный характер, отмеченный границами проявлений субъектов (субъекта); быть важными или неважными в отношении содержания; представлять отношение к целому (государственная тайна, советская идеология, сведения, касающиеся всей страны), к какой-то части (сведения, касающиеся отрасли, местности, предприятия, коллектива, группы лиц); к отдельному субъекту-лицу. Для знания также существенным оказывается пересечение, нарушение границ в смысле закрытости, не общей известности, ограничения к распространению. Третий признак (отмеченность / неотмеченность присутствием либо участием субъектов для места) у знания получает вид, также исходно связанный с субъектной отмеченностью, но интерпретирующийся в аспекте способности / неспособности эти исходные знания, сведения правильно применить (*догматик, эпигон, вульгаризатор, начетчик, попугай*). Четвертый и пятый признаки (единичность / множественность и отношение к аутоперцепции „я”) на уровне языковых значений для данной категориальной группы не актуальны, хотя способны себя проявить в речевой ситуации.

Поведение можно интерпретировать как свойство по проявлению, характеризующему субъекта и отличающему его от других. Свойство это воспринимается, во-первых, в отношении того, как ведет себя данный субъект, и, во-вторых, в отношении чего он себя так ведет. То есть, иными словами, какое несоответствие желаемому образу

инкорпоративно-советского поведения и в отношении чего конкретно в советской действительности даст себя в нем обнаружить. В каждом отдельном случае отклонение от желаемого норматива к чему-то ведет, что-то за этим стоит и из этого может следовать. *Крикун* своими громкими выступлениями, намеренно или нет, дестабилизирует сложившийся status quo. *Хрипун* своим неприятным скрипучим голосом на самом деле не принимает советской действительности, не соглашается с ней, объективно – ее отрицает. *Плясун*, увлекаясь своим занятием, делает вид, что не замечает того, что должно занимать советского человека, уклоняясь, тем самым, от дела строительства социализма. *Писун*, обращаясь письменно с жалобами в инстанции, недоволен, поскольку видит кругом недостатки, концентрируется на них и отвлекает от настоящего дела. *Говорун* говорит много лишнего, чего не следует говорить, дезорганизуя, тем самым, и отвлекая. *Пьяница*, также как и плясун, является уклонистом: посвящая время и силы питью, выключает себя из общего дела, дезорганизуя к тому же других. *Прогульщик* отлынивает от дела и также дезорганизует. *Подхалим*, выслуживаясь перед начальством, стремится использовать свое незаслуженно получаемое таким образом положение не на пользу общему делу (тем самым, также и уходя от него), а в личных целях. *Аллилуйщик* излишними восхвалениями также дезорганизует и отвлекает от выполнения стоящих задач. *Писака*, как говорун, писун и плясун, много, возможно лишнего, возможно также, что увлеченно, пишет, вместо того чтобы, как все другие, работать и остальным не мешать. *Авантюрист*, прежде всего политический, дестабилизирует своим безответственным и лично заинтересованным поведением сложившуюся систему преемственности и отношений в руководящем звене. *Делец*,

равно как и *предприниматель*, увлеченный собственными интересом и выгодой, в отношении общего дела строительства социализма, личных выгод не предполагающего, оказывается в лучшем случае лицом бесполезным. *Сочинитель*, *писатель*, как крайняя степень того же самого *графоман*, определяются в интересующем нас ключе в том отношении, что, занимаясь своим поглощающим их занятием, самодостаточны и автономны, воображая, что что-то там значат, а общее, выполняемое всеми дело их не касается и им для самореализации и самооценки не нужно: *Подумаешь, там какой-то писатель! Вот еще (тоже мне) сочинитель (создатель, изобретатель, первооткрыватель и пр.)!*

Поведение, таким образом, оценивается в отношении **замещения и исключения**. Замещения лицом-субъектом общей, корпоративной деятельности, связанной с провозглашаемой финитной целью – строительством советского общества и социализма, с исключением себя из нее, деятельностью другого рода, как правило, субъективной и личной. То есть, тем самым, деятельностью значительно более низкого уровня и значения и, к тому же, как следствие, декорпоративной. Направления такой оценки связываются с дестабилизацией, неприятием (дезакцептацией), уклонением (дигрессией), нарушением в правильном действии и структуре (дезорганизацией) – советской действительности как таковой в ее целостности, сложившихся, свойственных ей, в том числе и общественных, отношений, характерных положений момента, руководящих органов, институтов и аппаратных структур, процессов функционирования и формирования в проекциях к видам и формам деятельности. Дополнительными, хотя существенными в отношении оценки, становятся для категории поведения такие

признаки, как избыточность, интенсивность и неоправданность. Оцениваемое как негативное, кроме того, что связано с той или иной содержательной составляющей – дестабилизация, дезакцептация и т.п. действительности как целого, ее общественных отношений, руководящих органов, аппарата и пр., – может быть еще и усилено, проявлять себя чересчур активно, в избыточно-преувеличенной форме (*писун, писака, крикун, аллилуйщик, бумагомаратель, стилига, паникер, аккуратист, службист, нытик, ловчила*) либо с претензией, не соответствующей способностям или действительному положению вещей (*графоман, позер, комплиментчик, перестраховщик*).

Действие, по сравнению с поведением, более сильная составляющая рассматриваемой парадигмосистемы. В отличие от поведения, выступающего как характеристика свойства субъекта, себя тем или иным образом, вольно или невольно, намеренно или нет, проявляющего, действие представляет умышленный и сознательный вид агентивного проявления субъекта, как опосредованно, так и непосредственно направляемого им к совершению вреда. Вред этот может быть подрывным (субрутив) – *шептун, пачкун, пасквильнт, наушник, наговорищик, поклепщик, предатель, хулитель, соглашатель*; портящим (корруптив) с точки зрения искажения – *антисоветчик, анекдотчик, провокатор, халтурщик* или срыва – *бракодел, саботажник, авральщик, штурмовщик, срывщик, диверсант, растратчик, членовредитель*; ломающим, уничтожающим (деструктив) – *порубщик, отравитель, поджигатель, вредитель*; скрывающим истинное положение вещей (обскуратив) – *лакировщик, полировщик, очковтиратель*; посягающим на достоинство, честное имя, добро и неприкосновенность (инвазив) – *мародер, живодер, мироед, кровосос, кровопийца*.

шантажист, вымогатель. Вред может иметь в виду или быть прямо нацеленным на советский строй как целое, на отдельные его составляющие, корпоративную деятельность советского общества в различных ее проявлениях, а также на благополучие, здоровье и жизнь советских людей.

Обладание связывается с незаконным или неодобрым получением, присвоением, приобретением в собственность, прежде всего материальных, благ, представляющим собой результат используемой позиции – *взяточник, хануга, пенкосниматель, нэпман, фабрикант,* деятельности, связываемой с обманом, перепродажей – *мешочник, перекупщик, фарцовщик, барышник,* нарушением законов – *валютчик, шабашник,* воровством – *карманник,* обусловленный свойством лица-субъекта – *рвач, хищник, стяжатель, барыга, куркуль.* Смысл негативной оценки концентрируется вокруг посессивности декорпоративного типа, в ущерб и за счет других, в том числе и в первую очередь советского общества и его членов. Отсюда намеренно социализируемый и потому в итоге своим связываемый с финитной деструкцией (для *opus finitum*) характер, приписываемый категории обладания. Тот, цель которого обладать и присваивать, вместо того чтобы участвовать в общем деле строительства социализма, отступает от корпоративного принципа вхождения в организуемое социальное целое и партиципации в нем, направленной на достижение общей цели. Отсюда три получившихся и взаимосвязанных подзначения, как субъективных препятствия к необходимому состоянию – изначальное свойство субъекта, его деятельность и позиция, которую он, занимая, использует не во благо общему делу, а ему вопреки. Обладание, тем самым, становится своего рода обратным отображением, отрицанием предлагаемой позитивной модели советской действительности,

воплощаемой в общественной деятельности, и положения субъекта в ней, затрагивая ее входящие составляющие – квалитатив, узитатив и ситуатив.

Два оставшихся категориальных признака находятся в отношениях взаимной соотнесенности. Как концентрирующий, вбирающий в себя, заряженный антиобщественный декорпоративный, враждебно настроенный (возможно, потенциально) элемент – кумуляция. И как элемент, подобным же образом себя проявляющий, но центробежный, и потому направленный из себя, не внутрь и не внутри себя. Признак, в большей мере связываемый, в отличие от предыдущего, не столько со свойством и психологией, сколько с позицией, отнесенностью, и потому называемый презентцией в отношении оцениваемого субъекта-лица. В этом последнем случае лицо определяется не как носитель чуждой и декорпоративной в советском значении и понимании общественной психологии и социальных идей (кумуляция), а как представитель чуждой социализированной структуры, как презентивный, а не кумулятивный ее элемент. Структура эта может восприниматься как то, что находится вне или существовало до создаваемой советской социальной структуры, равно как и то, что внутри нее представляет собой ее отрицание, неприятие и антиструктуру – организованную, воображаемую или индивидуальную (неучастия, невхождения, противопоставления себя ей).

В отношении кумуляции это могут быть исключенный из структуры советского корпоратива и потому потенциально опасный как затаившийся враг – *лишинец, буржуй, подкулачник* (с точки зрения институтива), *гебист* (с точки зрения ингрессива), носитель декорпоративной общественной психологии в силу каких-либо социальных – *лавочник, обыватель, мещанин,*

единоличник, хозяйчик, господчик, церковник, частник, собственник, мелкий собственник, либо индивидуальных причин – изживенец, трутень, дармод, паразит, отколовшийся, уклоняющийся, колеблющийся, сам себя исключивший, не (до конца) признающий советских принципов и общественных норм – попутчик, алиментщик, отщепенец.

В отношении презенции значения подразделяются следующим образом: представитель внешнего несвоего, несветского, открытый и явный – *беляк, дворяничек, купчик, лабазник, наемник, скрытый, неявный – военспец, пацифист, служитель (культы), представитель внутреннего несвоего, несветского, открытый и явный – кулак, оппортунист, диссидент, отказник, оппозиционер (с точки зрения институтива), аппаратчик, комитетчик (с точки зрения ингрессива), скрытый, неявный – левак, бывший, примазавшийся, подзаборник, сожигатель.*

Семь представленных категориальных значений отображают устройство парадигмосистемы советизированного языка, которая действует как основа для соответствующего производства и восприятия смыслов, т.е. как его генеративная и перцептивная база. Семь этих значений связаны отношениями, позволяющими, с одной стороны, определять их в системном единстве, с другой, – устанавливать группы и виды взаимных соположений, с дальнейшими уточнениями в подгруппах и подзначениях. Семь значений, как следует из их рассмотрения, имеют три объединяющих их основания, по которым они могут быть объединены соответственно месту в общей системе.

Позитивы, как было сказано, могут являть собою иную парадигматическую картину.

Парадигматико-категориальное представление позитивов: принципы последовательно-системного описания.

[Фрагмент статьи *Семантика советского позитива в контексте продуцируемого представления действительности (на материале обозначения лиц)*. // Политическая лингвистика. Вып. (3)26'2008. Гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург 2008, с. 110-127.]

С точки зрения языкового материала, в наблюдаемом и явном своем проявлении – лексического и фразеологического, язык советской эпохи, советский языковоз и язык советской действительности в какой-то части имели бы общий состав единиц (язык эпохи и язык действительности в первую очередь). Общий состав в отношении вида и формы, но далеко не всегда это были бы те же самые их значения, контексты, конструкции, формы употребления. Смысловое и функциональное отличие этих внешне, по форме своей, совпадающих единиц (насколько их стоит определять как тождественные себе, вопрос не такой простой, как может на первый взгляд показаться), это отличие следовало бы из природы, т.е. парадигматики и синтагматики каждого из трех проявлений «советского» языка. Попробуем показать это, неполно и приблизительно, на каком-то примере (трактовка при этом, без представления целого, может быть далеко не единственной).

Стахановец как лексему языка советского времени можно было бы определить примерно следующим образом: передовой рабочий-ударник, работающий с превышением существующих производственных норм.

Как лексему языка пропаганды – тот, кто самоотверженно и бескорыстно, во имя общего блага, отдавая всего себя, трудится на производстве, являясь примером настоящего советского отношения к работе и обществу, значительно перевыполняя обычные нормы.

И, наконец, как лексему языка советской действительности: тот, кто своим выделяющимся на фоне других отношением, работая с превышением существующих производственных норм, способствует укреплению советского строя, возможности проведения политики государства и партии в массы, являясь пропагандистским примером для подражания.

Небезынтересно в указанном отношении было бы сопоставить определения, даваемые слову по словарям. Возьмем для этого дефиниции из словаря под ред. Д.Н. Ушакова (ТСУ, 1940 г.), Словаря русского языка в 4-х томах (МАС, 1984 г.), Большого толкового словаря, гл. ред. С.А. Кузнецов (БТС, 2000 г.).

Стах'ановец, вца, м. (нов.). Работник социалистической эпохи, к-рый в социалистическом соревновании добивается наивысшей производительности труда, наилучшего использования техники и превышения производственных планов путем преодоления старых технических норм и существующих проектных мощностей. ...*Стахановцы являются новаторами в нашей промышленности...* Сталин. *Стахановцы тяжелой промышленности. Стахановцы социалистических полей.* [По имени Алексея Стаханова, забойщика шахты «Центральная – Ирмино» в Донбассе, начавшего в 1935 году борьбу за высокие показатели социалистического труда.] (ТСУ)

Стах'ановец, -вца, м. Передовой рабочий, творчески овладевший средствами новой техники и достигающий в

социалистическом соревновании значительного превышения норм выработки (название, распространенное в Советском Союзе в 30-40 гг.). *Стахановцы наглядно показывают нам, что любой человек может быть артистом в своем деле.* М. Горький, О новом человеке. [По имени донецкого шахтера А. Стаханова] (МАС)

Стах`ановец, -вца, м. 1. Передовик, много и плодотворно работающий человек, превышающий обычные нормы выработки (было распространено в СССР в 30-70-е гг.; по имени донецкого шахтёра А. Стаханова). *Он у нас настоящий с. 2. Ирон.* О человеке, работающем с целью, чтобы его заметили. *Стахановцем хочешь быть? Эй, с., кончай работу!* (БТС)

Сравнение первых двух, дефиниций советского времени, в его начале, в связи с появлением слова (1940 г.), и в конце (1984 г.) дает представление прежде всего о временной перспективе. Воздействующий, воспитательно-дидактический, характер лексемы замечен в обоих случаях. В ТСУ основное внимание уделяется идее нового, характерного для советской эпохи, социалистического отношения к труду как соревнованию, предполагающему необходимость стремления к максимально возможному (и невозможному, но не для советского человека *implicite*), преодолевая существующие *старые* технические нормы и мощности (наследуемые от не советских спецов!). Раскрывается смысл триады желаемого достижения (с использованием суперлативов) – наивысшая производительность труда, наилучшее использование техники, превышение производственных планов. Определение имеет, тем самым, характер вводящий, нацеливающий (заряжающий, мобилизующий) и разъясняющий. Смысл явления, характерного исключительно для новой, советской, эпохи, и такого же

нового, социалистического, отношения к труду, имеет целью служить примером и руководством к действию. Приводимые иллюстрации подчеркивают идею новаторства, связываясь с задачами индустриализации, подсказывая необходимость новаторского подхода и применения новых методов с превышением существующих норм не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Подробно, с ближайшей смысловой перспективы, дается фигура инициатора, фамилия которого послужила мотивирующей основой слова. МАС, в контексте иных идейных задач, обращает внимание на передовой и творческий характер подхода к средствам новой техники, оставляя актуальность социалистического соревнования и необходимость значительного превышения норм, но ограничивая описываемый пример такого подхода сферой промышленности (словами *рабочий, выработка* в определении) и временем (в 30-40 гг.). Толкование в результате приобретает характер обобщенного позитивного опыта – некогда было так-то и так-то, и из этого стоит извлечь для себя актуальные представления и выводы, приспособив их и переосмыслив для современных задач. В отличие от дефиниции в ТСУ, определение слова в МАС в его воздействующей направленности можно было бы охарактеризовать как обобщающее и прагматическое.

БТС устраняет из определения советскую идеологическую направленность, оставляя, однако, идею советского позитива (неотъемлемо свойственного данному слову) – *передовик*, переводя его в обобщенное представление *человека, много и плодотворно работающего*, но не минуя при этом советской привязанности – *превышающий обычные нормы выработки*. Время распространения слова, по сравнению с МАС, получает, на первый взгляд неожиданное,

расширение — 30-70-е гг. Меняется перспектива, теперь постсоветского, восприятия слова, и раздвигаются неизбежно границы того представления, которое связывается с его использованием. В этом, видимо, состоит некий весьма интересный феномен. В 70-80-е гг. *стахановец* воспринимается как историзм, советского времени 30-40 гг., когда это слово и связанное с ним явление возникли, были вызваны к жизни, активны и актуальны и, что не случайно, имели, по-видимому, иной, более узкий и приближенный к представляемой пропагандой действительности характер и смысл. В 90-е и последующие за ними годы *стахановец* также воспринимается как историзм, но советского времени как такового, без отнесения только к началу (в 30-40-х гг.). Поэтому не в активной и актуальной, а в обобщенной и соответствующим образом позитивно заряженной семантической форме, типично советского (чтобы не сказать пропагандистского) позитива, на почве которого возникает значение ироническое, определяемое как второе — *о человеке, работающем с целью, чтобы его заметили*. Можно было бы с известной долей предположения сказать, что *стахановец* 30-40-х и *стахановец* 80-х гг., с точки зрения, но не языка советской эпохи, а языка советской действительности, не одно и то же. В последующие за 80-ми годы слово воспринимается в этом последующем, а не первоначальном своем значении.

Попробуем данное положение объяснить. Поможет в этом, как это ни странно, может быть, прозвучит, определяемое нами ранее третье — советский язык-новояз, язык советского официоза и пропаганды, своими воздействующими, эксплицитными и имплицитными, сторонами присутствующий, далеко не всегда и только навязчиво себя проявляющий, но в желаемом направлении,

когда он есть, заряжающий определение семантики слова. Язык этот (узуальная форма языка советской эпохи) устанавливает, каждый раз актуализируемый, привязываемый к актуальному времени, характер соотношения языка советского эпохи (описываемого, как правило, по словарям советского времени) к продуцируемой, а потому и меняющейся в задаваемом представлении, советской действительности. Продуцируемое им (хотя далеко не обязательно только им, этим языком, но им в соответствующем направлении, а потому и наиболее явно и полно, определяемое), продуцируемое им или только им отображаемое представление, образ советской действительности 30-40-х и 70-80-х гг. был, естественно, разным. Для него это было пропагандистское представление и пропагандистский образ, существовавшие наряду с другими, в словарях советского времени также отображаемыми. Однако, поскольку мы связаны условиями разбираемого слова, ориентирующее системоценностное присутствие языка пропаганды в нем, несомненно, есть.

В контексте сказанного *стахановец* 30-40-х гг. предстает как тот, кто являет собой образец воплощения в человеке нового, социалистического, отношения к труду. Не как к вынужденной условиями существования необходимости, как это было раньше (материальное обеспечение, обогащение, реализация жизненных планов, удовлетворение личных амбиций и пр.), а как к средству наиболее полного и скорейшего достижения обществом поставленных перед ним задач преобразования (продуцирования советской) действительности (определяемых как социалистическое строительство). В связи с чем такой человек, работающий на производстве, должен и будет стремиться к тому, чтобы максимально

производительно и с полной отдачей использовать собственные физические, умственные, профессиональные (новаторство) ресурсы, равно как и объективные, внешние – технику, нормативы, выжимая из них все возможное и невозможное (для большевиков невозможного нет) во имя скорейшего достижения поставленных партией и государством задач. *Стахановец* этого времени, тем самым, в себе проявляет идею внутренней свойственности, продолжения, отображения в человеческом материале советской, устанавливаемой как общее социальное дело, в его поступательном, продуцируемом развитии, системы, в контексте ее укрепления, обеспечения в смысле постоянно наращиваемого, увеличивающегося, нормы-числа производства (по принципу $n + 1$, где n представляет число, каждый раз на какую-то единицу растущее). В отношении к продуцируемой советской действительности, к ее продуцированию, *стахановец* этого времени, следовательно, оказывается в его актуальном центре (времени советской действительности 30-40-х гг.), семантически отображая ведущую формулу отношения пропаганды (явно – в ее интенциональной, не слишком явно – в прокламационной части) к человеку как средству и материалу поставленных обществу производственных, значительно превышающих его ресурсы и силы, заданий.

Стахановец 70-80-х гг. предстанет по-другому. Актуальность отличающего его от прежнего отношения к работе снимается. Снимается также, утрачивая свою прежнюю значимость, идея преобразующего и постоянно наращиваемого усилия в отношении достижения желанного образа советской действительности (социалистическое строительство, человек для которого – средство и материал). Остается поощряемый, одобряемый, положительный образ-типаж передового, ответственного,

творчески подходящего к поручаемому делу советского человека, участника производства, благодаря умению, профессиональным навыкам и труду которого производственный коллектив достигает в социалистическом соревновании значительных показателей. Системоценностное мобилизующее напряжение *стахановца* 30-40-х гг. из императива и образца для настойчиво прокламируемого подражания переходит в плоскость этического и личностного, не столько необходимого для строительства социализма, как раньше, сколько желательного, связанного с внутренними возможностями и выбором, а потому образца, в известной мере высокого и исключительного, не для всех и далеко не всегда потому достижимого. *Стахановец* времени 70-80-х гг. отображает идею отмеченной знаковости, приобретая признаки символического, а потому обобщенного и отвлеченного, не в полной мере реального воплощения. На основе чего развивается отношение отстраненности и сомнительности, которое, вступая в соединение с эмпирическим знанием действительности советского производства, приводит к представлению о вполне допустимой и вероятной фальши, неискренности внутренних побуждений, о демонстративности такого субъекта, желании привлечь к себе, своей работе внимание начальства и получить таким образом от него поощрение (2-е значение БТС).

Общим, объединяющим смыслом того и другого значения было бы, таким образом, представление об исключительности, выделенности данного человека на фоне других. *Стахановец*, прежде всего, привлекает к себе внимание – начальства, коллег, своим исключительным, повышенно-энергетическим отношением к производимой работе, предполагающим выжимание из себя и всего, в

производстве используемого, до последней возможности ради реализации каких-то собственных, возможно небескорыстных, но в каждом случае демонстративных, затей. И именно тут возникают различия и характерные, по-видимому, для позднего восприятия значения слова, сомнения. Ради чего им это делается, какова подоплека подобного поведения?

В 30-40-е годы, определяясь как бескорыстное, характерное для новой, советской эпохи, такое его отношение к работе мотивировалось и пропагандировалось как вызванное порывом, энтузиазмом ударников очередных пятилеток, стремлением больше работать, с тем чтобы больше производить. Страна, в представлении средств пропаганды, во многом также и в массовом восприятии, была на подъеме, в невиданном по внутренней силе и мощи рывке.

В 70-80-е годы идея мобилизующегося на скорейшее строительство социализма, как желаемой и достижимой цели, энтузиазма-подъема ударников не проходила. Ударничество, в условиях развитого социализма, по объективным и по субъективным причинам, должно было получить какое-то новое объяснение. Творческого, не рутинного отношения к своему труду, результатом, возможно отчасти и целью, которого было бы достижение коллективом, в котором такой ударник работает, т.е. своим для него коллективом, значительных показателей, лучших и больших по сравнению и на фоне других (социалистическое соревнование). И, что из этого следовало, для него, своего коллектива, определенных выгод и поощрений, премий, наград, благодарностей, благосклонного отношения со стороны партийно-советского руководства, что определялось понятием *быть на хорошем счету у начальства*, со всем из этого вытекающим. В условиях

общего кризиса коллективизма и разлагающего влияния (в представлении средств пропаганды) индивидуалистской морали (чему отчасти и противопоставлялось как средство преодоления извлекавшаяся из фанфарного времени первых социалистических пятилеток идея ударничества, с чем связывается упор на этическую ее составляющую) подобное представление должно было порождать и, естественно, порождало не только коллективистскую (значение в МАС и 1-е в БТС), идущую от пропаганды, но и индивидуалистскую форму интерпретации (2-е значение в БТС), существовавшее, но не отражавшееся в словарях советского времени.

Значения слова 30-40-х и 70-80-х годов, таким образом, можно было бы представлять как разные, вводимые, переводимые, акцентируемые, грани чего-то общего, какого-то общего представления, заложенного в семантике, трудно сказать чего – желаемого отношения человека к своей производственной деятельности, как агента-производителя и продукта одновременно советской действительности, не в реальном ее, а представляемом, опосредуемом средствами интерпретации (не только и не исключительно пропаганды), виде. Агентно-продуктное это отношение к продуцируемому представлению действительности в *стахановце* выражалось бы как такое, которое предполагает причастность, внутреннюю свойственность его (как агента силы и одновременного, движущего, ее результата) этой самой действительности, процессу ее продуцирования, по показателям, семантическим признакам наращения, количественного роста, увеличения массы числа, превышающего обычное среднее, норму. Значение это можно было бы воспринимать как значение того «языка», который определялся нами как язык советской действительности.

Язык советского времени имеет свою позицию в подобным образом представляемой семантике. Человек, поскольку объектом описания в данном случае является он, определяется в отношении к обществу и ко времени – советскому обществу и советскому времени, соответственно. Определяясь как представитель советского общества и советского времени, *стахановец* был бы тем, кто в условиях, порождаемых временем, применял особенные, превышающие обычные формы и методы производства, демонстрируя этим необходимость не стандартного отношения к процессу и результатам труда.

Значения советского языка пропаганды поворачивали бы, акцентировали в каких-то своих частях совпадающий, пересекающийся и общий смысл в ту сторону, которая тяготеет к представлениям *ударник* и *передовик*, т.е. идейно, морально и производственно лучший, максимально использующий имеющиеся возможности, показывающий пример, мобилизующий остальных, ведущий их за собой к достижению общей цели. Акцентировались, подчеркивались, эксплуатировались бы признаки, связанные а) с идейно-коммунистической сознательностью (бескорыстие, преданность делу, ради общего блага и достижения цели, не ради себя); б) с максимальной наилучшего из возможного, наивысшей степени, оптимального проявления; в) образцовостью мобилизующей силы примера, способного своим действием на массы, на окружение заражать, заряжать, поднимать и г) с устремленностью к цели (скорейшее построение социализма в СССР). И ср.: агент-продукт причастного отношения к советской действительности по показателю растущего увеличения производимой им массы-числа. Или – производитель, по собственным либо не собственным, вызванным социальным временем (политическим

временем), побуждениям и причинам, демонстрирующий большее, чем среднее и необходимое, достижение своих производственных результатов. Характерные то и другое для языка советской действительности и языка советской эпохи.

Рассматриваемые три формы советского русского языка, таким образом, имеют свои позиции, свои акценты и повороты в интерпретации и мотивации включаемых, осваиваемых, перерабатываемых или вновь вводимых и создаваемых, лексических форм и значений. Условно, поскольку крупно и обобщенно, эти позиции можно было бы охарактеризовать как опытно-ментальную – носителя советского опыта и советской ментальности, в отношении языка советской действительности; как социально-темпоральную – в отношении к общественному времени и состоянию советской действительности, для языка советской эпохи и как когнитивно-воздействующую – для языка официоза и пропаганды.

Вполне естественно, что для советского времени и языка периода актуального существования советской действительности, в условиях регулярного, не сходящего с экранов, страниц газет и других источников информации, неизменно звучащего и видимого повсюду, действия и воздействия официоза, различение и разграничение в единицах семантики, тем более в случае формально единых и общих, признаков, организующих комбинаций каждого из трех языков, – такое разграничение в советское время было бы, как представляется, и затруднительным и малорезультативным. Необходимость и важность, поучительность (можно бы было сказать), равно как и более вероятная осуществимость такого разграничения появляется, видимо, после, т.е. во времени последствий и

послевоздействия. Когда язык советского официоза и пропаганды неизбежно уходит со сцены, переставая активно воздействовать и влиять, язык советского времени перемещает что-то в себе значительное в пассив, преобразуясь в какой-то новый, другой язык, язык последующей, наступившей эпохи. И когда, наконец, язык советской действительности также что-то начинает в себе менять, как-то преобразовываться и переходить (а может, и нет), приобретая какие-то новые, очередные формы. Сказать, какие формы он начинает приобретать, во что превращаться, и уходить ли, и насколько и в чем, если все-таки уходить, – на эти вопросы можно было бы более или менее определенно ответить, после того как его, язык этот, обстоятельно изучить, представив в его специфике и вероятном отличии от двух других, несомненно уходящих, советского состояния действительности и советского времени, языков.

Определения словарей, далеко не случайно поэтому, но часто вслед за ощущением меняющегося состояния времени и проживаемой советской действительности, а также под действием воздействующего и вездесущего официоза, представляют значения интересующих нас лексем (впрочем, не только их) в смещении, соединении и различных по своему образу и характеру соотношениях признаков всех трех форм советского языка, хотя, при этом, и на какой-то общей, объединяющей их основе. Тенденция, действующая по своей неизменной инерции и в лексикографической практике последующего периода.

Если еще раз сравнить приведенные ранее определения из трех словарей (см. последующие абзацы в квадратных скобках), можно заметить следующее. В ТСУ от языка пропаганды-официоза эксплицитно представлен признак максимальности наилучшего (три других –

сознательность, образцовость, цель – присутствуют как имплицитные). От языка советской действительности – признак причастности отношения (два раза слово *социалистический* и *соревнование*), агента-продукта (*работник эпохи*) и в меньшей, не акцентируемой степени признак растущего увеличения производимой массы-числа (во второй части определения). От языка советского времени – признак производителя социального времени (причины и побуждения не акцентированы, имплицитны либо опущены), признак демонстрирования (но не демонстративности) – *добивается, наивысшей, наилучшего, превышения* – и признак большего, чем среднее, достижения. Две последних формы, по-разному сочетаясь в своих характерных признаках, таким образом, почти полностью находят свое отражение в определении ТСУ. Признаки языка пропаганды подчеркнуто, акцентированно представлены только одним, остальные воспринимаются как неявно присутствующие, т.е. имплицитные.

[ТСУ: Работник социалистической эпохи, к-рый в социалистическом соревновании добивается наивысшей производительности труда, наилучшего использования техники и превышения производственных планов путем преодоления старых технических норм и существующих проектных мощностей.]

В определении МАС от языка пропаганды имплицитно использован только признак идейной сознательности, следующий из восприятия слов (фон социальных знаний) *передовой* (в отношении к *рабочий*), *творчески овладевший*; три других -- максимальность наилучшего, образцовость мобилизующей силы примера, устремленность к цели – практически в нем не задействованы. От языка советской действительности можно заметить причастность (*в социалистическом*

соревновании, овладение средствами новой техники) и увеличение производимого (но не растущего – достижение *значительного превышения норм выработки*). От языка советского времени – производитель (*рабочий, выработка*), предполагаемые побуждения и причины, следующие из социальных знаний (*снова передовой*), социальная (политическая) актуальность времени (*творчески овладеть средствами новой техники*), демонстрирование (*достигающий, значительного*) и большее, чем среднее, достижение результатов (*превышения норм*). Определение МАС, таким образом, в большей мере, чем ТСУ, тяготеет к признакам языка советского времени, чем советской действительности, и еще в меньшей степени отображают язык пропаганды.

[МАС: Передовой рабочий, творчески овладевший средствами новой техники и достигающий в социалистическом соревновании значительного превышения норм выработки.]

В определении БТС идея сознательности и образцовости (из языка пропаганды) может быть связываема только со словом *передовик*, неизменно в себе содержащим советские коннотации. В контексте уже не советского восприятия слово это может быть также привязано к проявлению признаков причастного (теперь некогда) отношения к советской действительности либо вызванных социальным (политическим) временем побуждений-причин (не следует забывать, что толкуется слово советского языка, советизм, и это подчеркивается – в СССР в 30-70-е гг.). Остальное в определении (за исключением лишенных советскости *много и плодотворно работающих человек*), с учетом 2-го значения, представляется более обоснованным связать скорее с признаками языка советского времени, чем языка советской

действительности, определив их в отношении (опять же *передовик, превышать, обычные нормы выработки*) демонстративности, большего, чем среднее и необходимое, достижение производственных результатов. Из чего следует, что БТС отражает в представленном определении признаки языка советского времени, а из этого, только как неизбежное проявление-следствие, некоторые типичные, наиболее важные признаки языка советской действительности и языка пропаганды, сочетающиеся у них с языком советского времени, совмещающимися в общих, используемых в определении, словах.

[БТС: 1. Передовик, много и плодотворно работающий человек, превышающий обычные нормы выработки 2. *Ирон.* О человеке, работающем с целью, чтобы его заметили.]

Показательно, что в других, постсоветского времени, словарях можно увидеть такое же предпочтение. Лексема *стахановец* определяется в них скорее как единица языка советской эпохи, чем языка советской действительности, что вполне объяснимо и не случайно. «Новый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой дает такое определение: **стаха́новец** м. 1. Тот, кто добился высокой производительности труда (в СССР в 30-40-х годах). Задействуются признаки производителя и большего, чем среднее, достижение результатов. Всё остальное либо отсутствует, либо может быть выведено как имплицитное, на основе советского знания о труде, отношении к труду, идее высокой производительности. «Толковый словарь языка Совдепии» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, намеренно обращенный к советскому представлению, определяет *стахановца* словами 'передовой рабочий, ударник', в которых можно увидеть признаки, сближающие его с определением в МАС: производитель (*рабочий*),

предполагаемые побуждения и причины (*передовой*), в контексте послесоветского восприятия – демонстративность (*ударник*). В последнем слове возможно также определение идеи сознательности, максимальности, образцовости, причастного отношения, следующих из социальных знаний, однако, как представляется, все же на фоне и в соединении с признаками языка советской эпохи.

Интересно отображение слова *стахановец* в сленговом употреблении конца советского и уже не советского времени, дающее представление о признаках, закрепленных в его значении как остающиеся (отстоявшиеся), и потому существенные, если не основные, вершинные, для восприятия. Сошлемся на материалы 1980-1990-х гг. «Словаря русского арго» В.С. Елистратова: **Стаха́нов**, -а, **стаха́новец**, -вца, м. (или **горбáтый** ~). Активный человек, ведущий большую работу; энтузиаст. *Что я тебе, горбáтый стахановец, что ли, в магазин переть! Вот и работай, если Стаханов.* Данное определение в его составляющих, едва ли не полностью, можно было бы отнести к группе признаков языка советского времени: производитель (отсюда *активный*), демонстрирующий, проявляющий большее, чем у других (*активный, большую работу*), достижение (рвение), выделяющийся этим на фоне других, по сравнению с ними (*энтузиаст*). Ведущий для данного слова признак языка советской действительности – причастное отношение к ней, равно как и показатель растущего увеличения производимого, оказываются нейтрализованными. Признаки языка пропаганды (сознательность, преданность делу, максимальность, образцовость примера – *активный, большая работа, энтузиаст*) воспринимаются как перевернутое их переосмысление, в издѣвке, иронии, и на

основе прежнего знания, отстраненного в социальном времени, особенностей этого языка.

Слова словарных определений, используемые для описания значений, как можно было заметить по ходу нашего рассуждения, могут быть отнесены, а тем самым, и содержать в себе признаки, в равной степени как языка советского времени, так и языка советской действительности или языка пропаганды. И это естественно, поскольку толкуемые ими слова также могут быть единицами одного, другого и третьего. Одновременно трех, при этом каких-то двух или какого-то одного в предпочтительной степени, двух каких-то из трех, и также не обязательно равным образом, предпочтительно одного из трех либо, в конечном счете, ни одного, что будет предполагать, что данное слово не обладает признаками, делающими его советским. Поскольку слова толкования слов по существу такие же, как и определяемые ими, лексические единицы, воспринимаемые и нередко используемые из общего фонда советизированного русского языка, языка советского времени, они обладают общими, объединяющими их с толкуемыми, смысловыми, ассоциативными и коннотативными характеристиками. Для различения трех, наделенных советскостью, языков поэтому, равно как и для представления отнесенности слова (набора, списка слов) к одному из них, к двум или ко всем трем, потребуется такой анализ и такая его процедура, которые, как в принятых для семантических языков описания правил [Жолковский, Леонтьева, Мартемьянов 1961]; [Мартемьянов 1964]; [Апресян 1966; 1969]; [Жолковский, Мельчук 1969]; [Мартынов 1977], предполагают воспринимать используемые при определении слова как семантические маркеры, показатели, признаки, кванты смысла, а не как слова, т.е. лексические

единицы нормального языка. Набор таких маркеров смысла при этом должен быть ограничен, четко охарактеризован, вписан в систему соотношений и показан в своем дефинитивном действии. Иными словами, предполагать разработку парадигматики и синтагматики описываемой предметно-понятийной области как систему и как процедуру в их порождающем и объясняющем проявлении. Однако прежде чем перейти к представлению подобной системы и процедуры, целью которого было бы описание языка советской действительности как вербализируемого, т.е. передаваемого словами, способа восприятия мира и человека, стоило бы коснуться еще одной важной проблемы. Решать ее в более или менее полном объеме и даже намстить достаточно основательно невозможно в рамках статьи, к тому же такое решение видится как перспектива, себя открывающая после определения видимых контуров предполагаемой системы, однако поставить проблему, о ней заявить, следовало бы уже в самом начале. Речь идет о границах, объеме, видах и типах советскости в языке, советского заряжения, индуцирования единиц языка и, как следствие, самого языка.

Попробуем показать отдельные стороны этой проблемы еще на одном примере. Возьмем для этого слово иного рода, не воспринимаемое как слово советского языка, не определяемое как советизм, внешне с советскостью вроде никак не связанное, но между тем появившееся, возникшее и получившее широкое распространение в советское время. В определенный период советского времени бывшее воплощением советского позитива – человека мужественного и устремленного, уверенного в себе, в своих силах, надежного, крепкого, твердого, героя, романтика, труженика и открывателя, покорителя и опоры страны, обеспечение ее оборонной и народнохозяйственной

мощи. Речь идет об отважном советском покорителе воздуха и надежных крыльях Родины, иными словами, о *летчике*.

На примере этого слова как раз и можно будет увидеть и показать интересующее нас отличие слова и того, кого или что оно означает. Слово *летчик* не советизм, в том числе и не семантический советизм типа *болтун*, *беседа*, *возжак*, *пионер*, т.е. вряд ли та единица, которую можно было бы определять как лексику языка советской действительности, языка советской эпохи или языка пропаганды. Другое дело, что и как она в языке советского времени обозначает, с чем, с какими сторонами советского восприятия, в интересующем нас случае советского позитива, связана, какие, определяющего для него значения, признаки, стороны выражает, способна передавать. Иными словами, здесь мы подходим к тому, что семантика советского представления о мире, советское продуцирующее отношение к действительности, равно как и созданное (создаваемое, продуцирующее себя) представление действительности, субъективный и массовый образ ее, в своем устройстве и своих механизмах, существует как нечто само в себе, в словах языка себя воплощая и отображая, заряжая собою слова, подчиняя их и затем, как следствие, подчиняясь им, организуясь и утверждаясь ими. Процесс, тем самым, осуществляется в обе стороны — от желаемого представления действительности к языку и от языка к представлению действительности. Причем таким, видимо, образом, что организация, зарядка и обустройство того и другого происходят по принципу взаимного уточнения и дополнения, сообщающимся и взаимно перетекающим, одновременным образом. Природу и философский смысл семантического насыщения и оформления единиц сознания

и единиц языка оставим, однако, без дальнейшего в них погружения. Этим их соотношением важно было лишь подчеркнуть их внутренне обособленный и одновременно взаимно зависимый, сопологаемый и дополняющий друг друга характер. Для того, чтобы можно было исследовать и описывать семантику языка советской действительности, не искажая способности видения и адекватности выявления единиц и свойств интересующего объекта, по крайней мере на первом этапе, явлениями и законами собственно языка, законами единиц его лексического наполнения, развития и состава.

Толковые словари как советского, так и постсоветского времени не содержат в своих дефинициях никаких указаний, которые могли бы давать возможность предположить хоть какую-нибудь идеологическую нагруженность семантики разбираемого слова. Отдельные признаки ее можно почувствовать, при условии знания ассоциативного и социального фонов, лишь в иллюстрациях. **Лётчик**, а, м. (авиаци.). Лицо, самостоятельно совершающее полеты на аэроплане и управляющее им. *Школа летчиков. (ТСУ) Лётчик, -а, м. Водитель самолета. Военный летчик. Морской летчик. Летчик-испытатель. ° Летчик должен знать свойства воздуха, все его наклонности и капризы так же, как хороший моряк знает свойства воды.* Каверин, Два капитана. (МАС) **Лётчик**, -а; м. Специалист, умеющий управлять каким-л. летательным аппаратом (обычно самолётом, вертолётom). *Военный л. Лётчик-испытатель. Л. поднял в воздух самолёт. Опытный л. Учиться на лётчика.* (БТС)

Динамика развития представления о летчике, отраженная в трех различных по времени словарях, связывается со степенью социального освоения в сознании говорящих авиации, авиаторов и пилотируемых ими машин.

ТСУ обращает внимание на признаки самостоятельности совершаемых летчиком действий и управлении аппаратом, определяемым словом *аэроплан*. МАС определяет слово через вождение, т.е. профессиональные действия того, кто находится в *самолете*. БТС -- с точки зрения носителя, обладателя профессиональных умений и навыков (специалист, умеющий управлять), распространяя их на любой летательный аппарат, не только аэроплан-самолет, как отмечалось раньше. Социальное время, тем самым, нашло свое отражение в последовательном уточнении 1) от представления о том, кто совершает определенного рода действия, отличающиеся от похожих других (ср. не самостоятельно совершаемые и не управляемые полеты на аэроплане), каковым может быть лицо, не обязательно делающее это профессионально или имеющее к этому разрешение; 2) через такие же, совершаемые действия, но требующие специальных умений и подготовки, т.е. действия, представляемые как профессиональная деятельность, похожая на другие и вместе с тем отличающаяся от них (ср.: водитель автобуса, троллейбуса, такси, грузового автомобиля и пр.); 3) к определению совокупности соответствующих навыков, действий, умений и профессиональной деятельности как специальности, отличающей и характеризующей своего обладателя в каком-либо отношении. Развитие представления, следовательно, осуществляется, для данного случая по шкале, укладывающейся в показатели производитель определенного рода действий → деятель в определенного рода сфере, области → обладатель, носитель определенного рода признаков. Показатели, которые связываются с представлением о категориальном и парадигматическом в устройстве интересующего нас предмета, в данном случае в его отношении к социально-темпоральной проекции.

Применительно к языку советской действительности это категориальное и парадигматическое должно укладываться в систему отражаемых референциалов того окружаемого внешнего, того представляемого в сознании средствами языка как внешнее и существующее (либо того, что будет существовать), которое характеризуется как советское представление о действительности. Как сама советская экзистенциальная, жизненная реальность и как советское представление о реальности не советской (тавтологии в этом случае не получается избежать). Категориальную и парадигматическую специфику интересующего нас, таким образом, проявления языка будут составлять референциальные соотношения с имеющимся (имевшимся) в сознании говорящих советским образом существующего. С его оценками, знаниями, значениями, не обязательно и не исключительно повторяющими пропагандистки ориентированные, но связанными, коллективно и опытно переработанными и в известной мере следующими из них, т.е. коррелятивными.

Прежде чем предложить описание данной парадигматики, наметив подход и возможный начальный фрагмент к нему, вернемся к советскому представлению о лестице, но теперь не как к слову в его семантике, а значению как вероятному элементу соответствующей референциальной системы. С тем чтобы на наглядном примере попробовать вывести то, что, с одной стороны, может быть для нас характерно и представлять, намечать подход к дальнейшему описанию, а с другой, что давало бы основание взгляда, позволяло увидеть отличие между словом, семантикой слова русского (советизированного) языка, и словом, в его семантике, отражающей, воплощающей в себе советские представления о действительности¹². В ее поступательном осуществлении,

революционном развитии, как это было принято определять, имея в виду умение и необходимость видеть и находить в настоящем начатки будущего, которое предстоит и которое следует достигать, работать на него и его приближать, усиливать их, развивать, акцентировать, а следовательно, и на них акцентироваться. Свойство, которое, будучи важным и неотъемлемым для понимания, тем самым, и описания советского представления действительности, было определено нами как продуцируемость и которое, как следствие, предполагает такое ее отражение, которое не обязательно, а часто вовсе и не должно, соответствовать ей как реальности существующего, поскольку задача его в совершенно другом. Задача в том, чтобы отражать ее таковой, каковой она долженствует быть, навязывая ей, включая в нее, подчиняя своим субъективным намерениям, политическим и идейно-концептуальным задачам. А поскольку желания и результат, при слишком сильном, воодушевленно-приподнятом и интенсивном воздействии, напоре со стороны желающего, неизбежно расходятся, все это, действительности навязываемое и приписываемое, как ее настоящее, прошлое или будущее, составляет не реально-действительное, а желательно-продуцирующее, в интересующем нас случае советское, воображение о ней.

Представление о летчике, в контексте сказанного, вписывается в образ, имеющий по крайней мере тройную природу, связываемую (пока условно, поскольку об этом уже говорилось) с идеей действителя, деятеля и обладателя признака. В отношении и с позиции действителя, т.е. лица, человека, точнее образа человека-лица, производящего действия, заключенное в летчике содержание связывается с идеей обеспечения, укрепления, поддержания и устроения того, что существует и создается

как новос общественное устройство – страна победившего социализма, СССР. Летчик, в контексте такого своего представления, это тот (*надежные крылья страны*), благодаря которому реализуется план укрепления обороноспособности, обеспечения безопасности настоящих и будущих достижений, безопасности и надежности территории и границ. Он же одновременно тот, кто обеспечивает способность внутритерриториального сообщения и перемещения, быстрых и недоступных для других транспортных средств перевозок, доставок, а также химическую либо другую какую-то обработку посевов, массивов, лесных насаждений и т.п. Назовем этот общий, объединяющий данные проявления признак стато-экзистенциальным аффирмативом [лат. affirmo, affirmatum ‘поддерживать, укреплять’], предполагающим обеспечение, укрепление экзистенционального состояния, статуса, существующего положения советской действительности в ее отношении к институтивной и территориальной стабильности и коммутативности, ненарушенности границ (лимитатива), темпорального обеспечения, длительности во времени (дуратива) и оптатива поддерживающих и обеспечивающих нормальное жизненное функционирование (vitalia) сторон. Идея летчика-действителя, таким образом, состоит в таком обобщенно-социализированном результате, итоге, общественном благе свойственных его проявлениям действий, которое определяется смыслом обеспечения и поддержания, аффирматива а) стабильности, б) коммутативности и в) оптатива витального проявления сложившегося положения вещей (rerum natura). В отношении и с позиции деятеля идея летчика может быть передана понятием расширения, распространения, выхода за пределы имеющегося, освоенного, и освоения нового, земного и околоземного,

пространства (воздуха) – пространственный амплификатив (экстенсив). В отношении и с позиции обладателя, носителя признака ведущими будут направленность поднимающей вверх и вперед, отрывающей, порывающей силы¹³ – от земли, от земного ее притяжения, тяжести, связей, привязанностей, ограничений, условий, условностей и т.п. Идея порыва, отрыва, преодоления – интенсивностный (*super et prae* ‘вверх и вперед’) абруптив (лаг. *abruptio*, *abruptum* 1) ‘отрывать, срывать’; *se a.* ‘вырываться’; 2) ‘внезапно прерывать, прекращать’; ‘нарушать’; ‘отделять’).

Три выведенных стороны отраженного в определяемом значении проявления дают возможность задаться вопросом об их отношении к определяемому, его значимой для представления советской действительности позиции, ее перцептивного образа в сознании говорящих. Иными словами, поставить вопрос о том, чем является, в разбираемом случае летчик, представление о нем, идея и образ его, для сознания носителей языка советской действительности в соответствии с выведенными для него основаниями-признаками.

Другой вопрос будет связан с идеей характера представления. Чем отличаются, в интересующем нас отношении, применительно к описанию будущей парадигмосистемы, понятия действователя, деятеля и обладателя, или носителя, признака. В каких отношениях находятся, могут оказываться не только сами эти понятия, но также и то, что они собой представляют, значения, смыслы, которые передают.

И, наконец, в связи поставленными, не менее важными для понимания описываемой системы могут быть два следующих и также взаимосвязанных, объясняющих смысл процедуры вопроса. Что такое лицо, человек применительно к сознанию носителей языка советской

действительности, что и как оно, точнее его идея, содержит в себе и собой воплощает для этой действительности как перцептивного образа. Это было бы одной частью вопроса, другая часть которого заключалась бы в том, чтобы выяснить, чем является идея и смысл, оформление смыслом, лица в предлагаемой к описанию парадигмосистеме, семантическом кодовом построении описания языка советской действительности. Второй вопрос касался бы определения образа представляемой действительности. Что она есть, чем является, что представляет собой в двух обозначенных перед этим проекциях – применительно к сознанию носителей ее языка и применительно к предлагаемой семантической форме его описания.

Первый из четырех поставленных, вопрос о позициях трех признаков сторон описанного значения – обеспечения-поддержания, расширения-распространения и преодоления-отрыва – следовало бы решать в отношении ряда проекций. Социально-темпоральный аспект, отразившийся некоторыми своими особенностями по словарям (ТСУ, МАС, БТС), предполагал бы последовательно разворачивающиеся, взаимно переходящие и дополняющие друг друга акценты на обеспечении-поддержании (начальная фаза, отчасти нашедшая отражение в ТСУ, – статально-экзистенциальный аффирматив), на расширении-распространении (конечная, завершенная фаза, передаваемая болсе в МАС, – пространственный аффирматив-экстенсив) и на преодолении-отрыве (обобщенная фаза после, отраженная, наряду с другими, но в большей степени, чем в МАС и ТСУ, в БТС, – интенсивностный (*super et prae*) абруптив).

Основаниями этих акцентов были бы отношения а) к поставленной перед советским обществом цели

строительства социализма (*opus finitum*), предполагающего достижение и поддержание важных для этого оборонных и народнохозяйственных рубежей; б) к советской стране, как стране и обществу построенного социализма, функционирующему в своем существующем и стабильном режиме, который необходимо, чтобы усиливать, расширять; в) к советским людям и отдельно к каждому советскому человеку, как носителю и воплощению в жизнь необходимых, составляющих сущность советского отношения к действительности, задач и идей. Эти три позиции-отношения могли бы стать составляющими для того представления, которое кладется нами в основу идеи советской действительности, отображаемой в свойственном ей сознании и языке.

Что касается второго вопроса, о соотношении действующего, деятеля и носителя (обладателя¹⁴) признака, характеристики эти могли бы укладываться в последовательность одно в другое включаемых представлений. В этом случае действующий мог бы описываться как совершающий действие или действия, наблюдаемый в их совершении, воспринимаемый как такой, который их совершает или в любой предполагающий соответствующие условия момент способен их совершить. Деятель, соответственно, как обобщенное представление действий, внутренние свойства, присущих, потенциально возможных в своем совершении для лица, не обязательно видимых, представляемых для него в их таком совершении. И, наконец, обладатель – как тот, кто воспринимается не в отношении действий, ему присущих, возможных, потенциальных или им совершаемых, а в отношении внутренних, ему наличных характеристик. В отношении параметров, смыслов, отличающих его от

других, составляющих его неотъемлемую природную свойственность.

Три рассмотренных представления человека-лица в его отношении к действиям, определяющим, характеризующим его самого, укладываемые в соотношение того, что можно было бы интерпретировать как актуализация – потенциальность – наличие, позволяют наметить решение третьего поставленного вопроса. Лицо, человек, применительно к сознанию носителей разбираемого языка, можно было бы представлять как сгусток, пучок внутренне ощущаемых признаков, замкнутых в заключающей их в себе, объединяющей, распознаваемой и потому несущей и значимой для них, оболочке. Признаков, обладающих внутренне наделенной способностью заряжаться, накапливаться и себя проявлять – в наблюдаемом выходе, в отражении, действии, месте, позиции, отношении к советской действительности, той действительности в том ее представлении, о котором речь. Само лицо и сам человек, в отношении к этому сгустку себя отражающих признаков, оказывается, представляется тем, что наделяет их этой способностью, что сообщает динамику и обеспечивает им проявление, придает наблюдаемую, распознаваемую, различаемую форму, являясь заряженным ими и одновременно их отображающим, выводящим наружу, кинетическим оформителем-энергетизатором. Иными словами, лицо, человек, в представляемой действительности, присутствует в ней не как данность, не как обособленность и самооценность, не как биологический и социальный, наблюдаемый, имеющий форму и идентифицирующую его очевидность, репрезентант, индивид, элемент. Но как то, что, будучи свойственно определяемой действительности, воплощающее ее и воплощенное в ней ее живое придает, заряжает энергией

этого своего живого и объявляет, выводит наружу некую совокупность свойств, необходимых, типичных, желаемых ей.

Две названных ранее стороны вопроса – отношение к сознанию носителей и к описанию парадигмосистемы, таким образом, совместились в идее того, что представляет собой определяемая действительность и чем является в ней, для ее представления, человек. Действительность, о которой речь и в контексте сказанного, что и должно найти свое отражение в способе ее представления в предлагаемой парадигмосистеме, а с нею и в ней, соответственно, человек, предстаёт как организованная определенным образом совокупность признаков. Как своего рода поле их проявления, отражения и обнаружения, не имеющее, в отличие от представления о человеке, способности к энергетизирующему, сообщающему движению, выводящему их из себя проявлению. Как то, что содержит, выводит, вводит, соединяет, разъединяет, организует, меняет, но не оживляет, не динамизирует их. Иными словами, производитель, транслятор, организующее и одновременно продукт и носитель выводимых из нее, на ее основе, ей придаваемых и в ней замечаемых признаков. Действительность и в ней относящийся к ней человек, наделенный (наделяемый) присущими ей и ему, характерными признаками, становятся распознаваемыми и воспринимаемыми на их основе и в виде их (действительность также в отдельных своих проекциях и фрагментах), представителями, референтами и репрезентантами которых они выступают. Поскольку действительность и человек распознаются и определяются по этим признакам, признаки эти способны стать средством их характеристики и описания. Парадигматический образ того и другого – советской действительности

применительно к позитивному представлению в ней человека – будет предметом дальнейшего рассмотрения.

[Фрагмент статьи *Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц.* // Политическая лингвистика. Вып. (1)27'2009. Гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург 2009, с. 132-147.]

Предполагаемый, следовательно, как окончательный образ присутствующего в сознании представления действительности, отображенного (не обязательно явно) в ее языке, мог бы складываться из взаимодействия по крайней мере пяти, по-разному соединяемых и неоднозначно участвующих в общем процессе, сторон: того, что исходит из заявляемого, прокламируемого источником (1); того, что связано с его внутренним, закладываемым, интенциональным, скрываемым и в известном смысле намеренным (2); того, что следует из объективного, опытно-наблюдаемого и обобщенного представления воспринимаемой и переживаемой, проживаемой человеком, действительности (3); того, что связано с осознаваемой им частью своего ментального существа (4) и, наконец, того, что присутствует в нем неосознанно, как внутренне направляющее, мотивирующее и регулирующее (5). Отражаемый в языке советской действительности, таким образом, результат можно было представить в виде соединения составляющих по следующей схеме:

(Интенция → Прокламация ← Эмпирическое →
Когниция ← Мотивация)
= Продуцируемое представление действительности

В наиболее явном и очевидном, и потому показательном, виде продуцирующее намерение (интенционально-прокламационная часть воздействия-взаимодействия) обнаруживает себя в языке советской действительности в том, что представлялось источником как положительное для человека и в человеке. Как образ для подражания, воспроизводства для каждого и в себе (другое дело, чем мотивировался, как осознавался и как претворялся он, этот образ, в итоге – когнитивно-мотивационная и продуцируемая часть общей схемы). По признакам его, по чертам, в своей совокупности желательный, но реально не достигаемый, либо только предположительно достигаемый, а потому продуцируемый и индуцируемый. Назовем его, этот образ, для простоты представлением советского позитива – положительных качеств того, что должно быть и как должно быть в советском желательном человеке (производимом производимой им же действительности, ее и творцом, и продуктом).

Лицо, человек, выступая участником, партиципантом совместного созидательного процесса, представляемого как в статике, так и в динамике, т.е. как состояние в его длительности и как проявление, или действие, – человек, придающий движение процессу, имеющему смыслом созидание советской действительности, а также испытывающий воздействие с его (процесса) и ее (советской действительности) стороны, включенный (включившийся), втянутый в этот процесс, может быть наблюдаемым в общем движении, состоянии в четырех (согласно образу организуемой системы) своих проявлениях, возможных ролях. В роли действующего лица, или действователя (способного к необходимому действию и определяемого, характеризованного по этому признаку как

позитив). В роли деятеля, занятого, используемого в какой-то сфере, приписываемая деятельность которого, не обязательно связанная с осуществлением какого-то рода действий, определяется скорее как место, позиция, положение, процессуально заряженное состояние в продуцируемой системе. В роли носителя, обладателя признака, представляемого как важный, необходимый, с точки зрения организуемой системы общественно значимый. И, наконец, в роли представителя, или репрезентанта, какой-то группы, какой-то части, какого-то коллектива, объединения, совокупности, множества, т.е. как элемент, входящий в общее социальное целое.

Четыре указанных ролевых проявления – действитель, деятель, обладатель и представитель – отражаются при представлении позитивных значений обозначаемого ими субъекта в четырех других, передаваемых отношениях 1) к тому, что отдельно, является, предстает единичным (сингулятив); 2) к тому, что является множеством, совокупностью, представляет объединение, общество, социум (социатив); 3) к тому, что представляет собой систему, устройство (структуратив) и 4) к тому, что воспринимается как ее проявление, функционирование (проектив).

Получаемые в результате объединения позиции имеют два связанных категориально соотношения, которые можно было бы определить как а) внутреннее, имманентное, свойственное и б) привносимое, придаваемое, испытывающее воздействие на себя извне. Иными словами, заряженное (кумулятивное) и не заряженное, или позиционное, аддитивное, проявление. Общая схема всех указанных соотношений выглядела бы следующим образом (интересующие нас значения находились бы в двух центральных колонках):

	Заряженные	Не заряженные	
Отдельность	<i>Наделенный</i>	<i>Отмеченный</i>	Носитель
Объединение	<i>Принадлежащий</i>	<i>Нужный</i>	Представитель
Структура	<i>Причастный</i>	<i>Поставленный</i>	Деятель
Функционирование	<i>Действующий</i>	<i>Организуемый</i>	Действователь

Прежде чем перейти к отражению выделенных курсивом значений в лексическом материале с более подробным их описанием, имеет смысл дать о них общее представление.

Наделенность / отмеченность следует понимать как такую характеристику, которая предполагает признак, приписываемый лицу как его носителю (обладателю) и отделяющий его от других, выделяющий его при сравнении с ними и на их фоне. Признак, определяющий человека вне связи с отношениями к включению его, вхождению в большее – множества, объединения, числа таких же, как он, и ему подобных (отношение к социуму) или системы, устройства, объединения целого с его институтами, установлениями, порядками, правилами и т.п. (отношение к стране и советскому строю), а также вне проявления в характеризующем действии или деятельности в этой системе. Речь идет, таким образом, о признаке, характеризующем человека в его особенности и отличии от других, который может быть признаком внутренне свойственным (кумулятивным) либо придаваемым кем-то, какой-то организацией, учреждением извне (аддитивным). Сопоставление признаков, заключенных как характеризующие лицо в лексемах *герой*, *боец* (по природе, характеру – *боец революции*, *за дело рабочего класса*,

социалистического фронта, за высокое качество продукции), энтузиаст, общественник (по призванию), с одной стороны, и *светило, светоч, маяк, гигант (науки, мысли, труда)*, с другой, определяемых и те и другие как признаки по показателям обладания и обособления (отделения) дает возможность увидеть отличие кумулятивности от аддитивности.

Признаки первого ряда проявляют себя как такие, которые определяются (воспринимаются) называющим в отношении их имманентности, свойственности, наличия, принадлежности характеризуемому ими лицу, их носителю и обладателю. В то время как признаки ряда второго – как определения, характеристики, даваемые ему, приписываемые ему другими, кем-то, каким-то авторитетом (авторитетами), т.е. институционально, извне. Называя кого-то *героем, энтузиастом, бойцом, общественником*, говорящий определяет его как такого, кто способен, готов к особым, исключительным, выделяющим его на фоне других, характеризующим его положительно, проявлениям, поведению, действиям, и эти признаки, согласно вкладываемому о них представлению, являются неотъемлемой частью его натуры, характера, воспитания, его духовного облика как отдельности и обособленного лица. Определяя кого-то словами *светило, светоч, маяк, гигант (науки, мысли, труда)*, говорящий либо авторитетный (пропагандистский, публицистический) источник, если он это делает без иронии, присоединяется к существующему общему мнению, опирается на него либо к нему апеллирует, его таким своим употреблением вводя в обиход, делая достоянием общего представления о нем. Ирония, в свою очередь, строится, достигается вследствие непрямо, внутренне отрицаемого, подвергнутого сомнению общего мнения, существующего и принятого либо же

выдаваемого за таковое (игра позиций и точек зрения). Определяя кого-то *героем*, а кого-то *энтузиастом*, кого-то еще *бойцом*, *общественником*, равным образом – кого-то словом *светило*, другого *светоч*, *маяк*, *гигант*, говорящий, источник такого определения, находит, хочет видеть в определяемом, показать, приписать ему признаки ряда носителя (обладателя) как внутренне свойственные (наделенность, кумулятивность) либо приписываемые (отмеченность, аддитивность), отличающиеся, разные в каждом отдельном случае. Отличия этих и им подобных признаков составляют смысл дальнейшего описания, отдельно для каждого из выделенного в таблице курсивом значений.

Принадлежность / нужность приписывается лицу, определяет его, как имманентнос (кумулятивнос) либо придаваемое (аддитивное) свойство, в отношении его вхождения, включения в большее множества себе подобных – коллектива, объединения, ассоциации, группы, массы, массива, числа (разновидности множеств на данном уровне представления себя не проявляют). Принадлежность / нужность, тем самым, определяет лицо как представителя, репрезентанта, какого-то социума, какой-то общности, в его отнесенности к этой общности, принадлежности (кумулятивности) либо приданности, приписанности, назначенности, поставленности (аддитивности) в ней. Различие того и другого, пока что без уточнения всего дальнейшего, могут проиллюстрировать *красноармеец*, *интербригадовец*, *известинец*, *краснопутиловец* в отношении первого признака (принадлежности) и *плановик*, *кадровик*, *агроном*, *председатель* в отношении второго (нужности). В лексемах первого ряда заложено представление об отнесенности: член такого-то коллектива, группы, один из – боец Красной Армии (*красноармеец*),

член интербригад (*интербригадовец*), работник газеты «Известия» (*известинец*), рабочий Путиловского завода (*краснопутиловец*). Лицо, человек определяется по этому признаку, который становится одновременно средством его положительно-одобрительной характеристики, через отношение, отнесенность к соответствующим образом оцениваемому, общественно значимому коллективу. Лексемы второго ряда определяют тех, кто включается, вводится, назначается в коллектив, приписывается, придается ему (сам коллектив при этом как средство оценочной и определяющей характеристики себя не проявляет, коллектив может быть любой). И через представляемую таким образом аддитивность предполагают важным для понимания заключенного в них позитивного смысла и соответствующей оценки обозначаемого лица, что и становится определяющей их чертой, тот признак, который был обозначен как нужность. Речь идет в данном случае о необходимости, важности, нужности обозначенного словом лица, его места и роли, выполняемых им, возложенных на него заданий и функций, что и содержится как его позитивная характеристика в слове. Заданий и функций для коллектива и общества, в отношении к занимаемой должности, на которую он назначен, поставлен, принят. Оценка данной его позиции в коллективе, а также общественной роли, следующей из выполняемых им функций, никак не зависит от его внутренних качеств, как в предыдущем случае (признаки наделенность / отмеченность). Это оценка его соответствия месту, оценка самой позиции и доверия к нему (со стороны поставивших, пользующихся общественным авторитетом, вышестоящих), признание его быть достойным и подходящим, его проверенность и социальная апробация. Нужность, как характеристика и как определяющее

качество, следует как направленный признак не от лица и не от коллектива. Это характеристика общественной необходимости в отношении коллектива занимаемой данным лицом позиции. Для того чтобы подразумеваемый, предполагаемый (*implicite*) коллектив как общественная единица функционировал так, как следует и как должно быть, играя в обществе назначаемую ему для этого роль, нужно, чтобы была в коллективе необходимая для достижения этого соответствующая позиция, место и роль — для субъекта-лица, занимаемые и осуществляемые подходящим для этого человеком. Также как коллектив, человек этот не наделяется при обозначении словом какими-то выделяющими его, подчеркивающими его особенность, исключительность признаками, определяющими его в отношении предпочтительности. Человек этот может быть, также как коллектив, любым, но только, и это самое главное, должен быть в нем общественно нужным.

Причастность / поставленность определяет лицо в отношении его проявления, значения его деятельности к системе — ее становлению, устройству, организации, стабильности, безопасности, существованию, развитию и т.п. Под системой следует понимать государственное устройство, строй, страну. То есть структуру с ее институтами, целями, установлениями, задачами, функциями, правилами, по отношению к которым общество (социум, объединение, множество предыдущего основания) выступает как материализующая, реализующая, осуществляющая все это и все это на себе испытывающая и в себе несущая, субстанциальная часть. С точки зрения рассматриваемого парадигматического строения причастность / поставленность как основание предполагает следующую, третью, по отношению к двум предыдущим,

ступень. Лицо, человек, выступая, характеризуясь, определяясь по представляемым основаниям как проектив, как проекция признаков, отраженных в нем свойств отношения к общему целому, на первой ступени (наделенность / отмеченность) проявляет себя как отдельность, на второй (принадлежность / нужность) – как позиция в социуме, на третьей, рассматриваемой, – как реализующий через себя и в себе структуру целого и реализуемый в ней и по отношению к ней субстантив. Как позиция, положение, место в осуществляющей, реализующей себя системе целого через посредство деятельности обозначаемого соответствующими словами лица. Системодетерминистские позиция, место, значение, роль, из которых и на основе которых следуют позитивные смысл и оценка для называемого человека.

Так же, как и предыдущие (и последующее) основания, причастность / поставленность дифференцируют признаки кумулятивности и аддитивности – того, что выступает как имманентное либо как приписываемое извне. Отличие в этой паре могут иллюстрировать *авроровец*, *стахановец*, *целинник*, *бамовец*, с одной стороны, и *агроуполномоченный*, *двадцатипятилетний*, *инструктор*, *группкомсорг*, с другой. Первый ряд предполагает внутреннее, по зову сердца, по призванию, призыву, отклику, а также отношению, положению, месту, случайности, т.е. своего рода стихийности и(ли) инициативности причастного к системе проявления со стороны лица, действительно такого либо за такое выдаваемого. Второй – назначение, направление, откомандирование, уполномочивание, придание, поставленность по отношению к системе. *Авроровец*, член экипажа крейсера «Аврора», своим легендарным выстрелом открывшего новую страницу человеческой истории,

воспринимается как тот, кто имеет отношение, причастен к этому событию, обладающему значением первоначала, исходной точки для дальнейшего установления и развития системы. *Стахановец* — как тот, кто имеет отношение, причастен к наращиванию, росту укрепляющей, поддерживающей, опорной, жизнеобеспечивающей составляющей как ведущего основания системы. *Целинник*, соответственно, как причастный к ее (жизнеобеспечивающей составляющей) пространственному распространению, расширению. *Бамовец* — как тот, кто причастен к освоению поддерживающих, способствующих ее реализацию и оптимальное функционирование пространств. Соответственно, *агроуполномоченный* — поставленный от комитета партии куратор сельского хозяйства — имеет отношение к жизнеобеспечивающей составляющей. Но не как производитель, а как организующее и контролирующее, мобилизующее других начало, проводящее необходимую политику на вверенном участке сельскохозяйственного производства. *Двадцатипятидесятник, инструктор, группкомсорг*, аналогичным образом, являясь представителями мобилизующей и направляющей, руководящей составляющей целого системы, поставленными, призванными и уполномоченными, способствуют реализации ее настраивающих, организующих, а не производящих функций.

Между поставленностью как признаком рассматриваемого основания и нужностью основания предыдущего можно увидеть некоторое сходство. Отличие этих двух признаков, следующее из их отношения к социуму или к системе, может быть относительным. Строится оно на сопоставлении внутренне свойственных, сущностных, необходимых, с точки зрения общества, мест,

позиций, ролей для лица в данном коллективе с позициями, местами, ролями (а с этим отчасти и самими коллективами), следующими не из внутренней, коллектива и социума, необходимости, а из воображения о реализации приписываемых, видимых в системе и продуцируемой ей действительности функций и задач. Поставленность, тем самым, представляет собой последующее и внешнее, надстроенное (встроенное) по отношению к предыдущему (нужности) основание, идущее не от знания о функциональной природе общества и коллектива, а от представления о развиваемой системе с идеей заложенного в ней строительства общественного будущего. Это последующее и внешнее, встроенное, может восприниматься как мобилизующее и организующее по отношению к внутреннему и функциональному. Реализуются эти признаки в противопоставлении того, кто нужен – народному хозяйству, дальнейшему его развитию, делу, стоящим перед обществом экономическим, производственным, социальным задачам, кто выполняет полагающуюся для этого работу, являясь работником, тружеником на вверенном ему участке, тому, кто назначается, направляется, ставится, наделяясь полномочиями, обязанностями с какой-то внешней целью – контроля, мобилизации, организации, проведения политики, для решения вопросов больших, охватывающих, способствующих реализации задач иного рода. Первый, таким образом, может быть воспринят как осуществляющий задачи внутреннего поля действия, второй – как проводник, способствующий реализации (применительно к условиям действительности) идейно-политических задач.

Четвертая пара признаков – действующий / организуемый – представляет собой следующий по отношению к предыдущим уровень. Система определяется

через лицо в отношении к своему функционированию, т.е. в движении, динамике. Действующий, как имманентное, кумулятив, предполагает действие и способность к проявлению в действии – со стороны лица, в нужном, желасмом, способствующем, усиливающем направлении, для системы и ее задач, с должным участием и силой. самозабвенно, преданно и не щадя себя. Организуемый, как аддитив, т.е. внешнее, приписываемое, придаваемое, предполагает втягивание, включение, – не действие, а задействие в какое-то занятие, движение, объединение, с пропагандистской, воспитательной, общественно-политической либо другой какой-то целью, того же организующего, включающего, задействующего порядка. Противоположение данной пары признаков, тем самым, отражает в качестве общего идею должного, желаемого для человека, как действующего (задействуемого) члена формируемого общества и создаваемого этим обществом будущего, – в ее достигнутой, реализованности, с одной стороны, и закладываемом, приближаемом достижении, с другой. Такой человек, как есть (образец, пример для подражания, желаемый в системе), и такой, какой, чтобы был, чтобы мог им стать (образцом, примером, желаемым будущим в системе). Иллюстрацией первого признака могут быть лексемы *боец* (участник каких-либо действий) – как тот, кто бьется, активно добивается необходимых целей, своими действиями участвует в деле преобразования, достижения, осуществления идей, заложенных в системе; *борец* (за мир, за дело рабочего класса, пламенный, неустоимый); *защитник* (рубежей, отечества), *страж*, *стражи* (границы, неба, верный). Иллюстрацией второго – *юнармеец*, *пионер*, *комсомолец*, *коммунист*, *колхозник*. *Юнармеец* – член военизированного отряда, участник военно-спортивной игры, проводимой в школах и между

школами, — как тот, кто, входя, включаясь в мероприятие, принимает участие в действиях, имеющих целью не формирование, не создание, не организацию существующих и новых частей, элементов и отношений в системе, а подготовку себя как участника и отряда, членом которого он является, воспитание, выработку каких-то умений, навыков и способностей, рассчитываемых на их использование в будущем, важных и нужных системе. Данное представление и составляет смысл определяемого признака. Задействование, организуемость имеет целью организацию, закладывание оснований на будущее, ближайшее или далекое. Тех оснований, реализация которых предполагается к осуществлению в людях, человеческом материале, с его помощью и при его посредстве. Подобным образом могут быть описаны и представлены *пионер*, как член детской коммунистической организации, *комсомолец* (член коммунистического союза молодежи), *коммунист* (член коммунистической партии), *колхозник* (член колхоза) и др. — в отношении участия, задействования их, организации в какого-то рода объединения, имеющих целью предполагаемое либо планируемое использование их ради целей, необходимых системе.

3. Эволюция.

Итоги и следствия перехода от языка советского времени к языку последующего узуального состояния (номинативные и перцептивные следствия десоветизации в языке конца XX – начала XXI века).

Третий круг затрагиваемых проблем будет связан с развитием и трансформациями, переходом политических языков и систем к каким-то новым своим состояниям. Явление это непосредственным образом соотносится с проблемами эволюции в языке. Нас будет интересовать та форма языковой эволюции, которая имеет не постепенно последовательный, а резкий, скачкообразный, или, иначе, революционный характер. Для русского языка такими революционными переходами были начало XVIII столетия (период петровских реформ), 20-е годы XX века и конец XX – начало XXI вв. Каждый из названных переходов сопровождался целым рядом существенных изменений, менявших фактически способ существования, функционирования, проявления языка. При этом происходили значительные количественные и качественные изменения в словарном составе, в соотношении активного и пассивного запаса словаря. А также, что будет иметь для нас особый смысл, изменения эти затрагивали парадигмы языкового сознания, происходя, едва ли не в первую очередь, в них, хотя бы и заторможенно, непоследовательно, инертно, и проявлялись в изменяющемся постепенно характере речевого производства и восприятия, т.е. в составе генеративно-перцептивной базы носителей языка.

Аспектуальные рассуждения в проекциях и фрагментах по данной теме хотелось бы предварить описанием явлений, позволивших себя наблюдать в

отношении к некоторым речевым стратегиям предыдущего и затем последующего состояния, которые можно представить в связи с особенностями употребления образований с приставкой *не-*.

Первый фрагмент представляет собой попытку лексикографического описания речевых узуальных единиц языка второй половины XX века, отмеченных неизменным признаком своей едва уловимой, но ощутимой советскости. Объяснение этих признаков потребовало бы значительного объема и немалых усилий, поэтому материал будет дан лишь как иллюстрация.

Согласно словарным определениям, приставка *не-* вносит значение **полной противоположности**: *недруг* (враг), *небольшой* (маленький), *невеселый* (грустный), *недобрый* (злой), *невысокий* (низкий); при образовании прил. и полн. прич., при которых нет пояснительных слов, – значение **умеренной, ограниченной противоположности** с оттенком умеренности, ограниченности признака, качества: *невнимательный* (недостаточно внимательный), *неглупый* (достаточно умный), *немногий*, *неплохой*, *несильный*; значение **отсутствия**: *необоснованность*, *необитаемость*, *неприязнь*, *неискренний*, *немузыкальный*, *ненаучный*, *нечестный*; лица или предмета, **не совершающего или неспособного совершить действие**, обозначенное основой: *неумеха*, *неуч*, *незнайка*.

Узуальные речевые значения, характерные для языка второй половины XX века (но, возможно, не только), т.е. языка советской действительности, могут быть показаны на таких лексемах:

Неаккуратный, неаккуратно, неаккуратность. Своими действиями в отношении чего-л. дающий возможность обнаружить то, что желательно скрыть. Неумело действующий, дающий возможность раскрыть скрываемое (потенциальный дсвуалятив). = Оценка несоответствия правилам приобщенного поведения. *Какой Вы, право, неаккуратный! Вести себя неаккуратно. Показать свою неаккуратность.*

Неактивный, неактивно, неактивность. Не проявляющий интереса к общественно значимым видам деятельности, не инициативный. Не действующий в нужном направлении, не мобилизующий, не участвующий (социально-групповой департитив). *Какой-то он неактивный. Нельзя быть такой неактивной. Вести себя неактивно.*

Неактуальный, неактуально. Не отвечающий требованию момента, ненужный, отодвигаемый. Не подходящий, мешающий, нарушающий правильность принятой установки (потенциальный оппозитив). = Оценка несоответствия поддерживаемому общественному запросу. *Неактуальный вопрос. Неактуальная тема. Теперь это неактуально.*

Неаппетитный, неаппетитно. Не одобряемый в эстетическом отношении, способный вызвать реакцию неприятия, отторжения. Нарушающий вкус (дезаппетив). = Оценка несоответствия внутреннему запросу перцептора. *Неаппетитные разговоры. Неаппетитный вид. Выглядеть неаппетитно. Все это как-то неаппетитно.*

Не ахти. Недостаточный в отношении полагаемой меры качества. Не удовлетворяющий требованиям вероятного значимого проявления или действия (департитив). = Оценка несоответствия внутреннему запросу потенциального (со)участника. *Мужичонка-то он не ахти (какой). Парень он не ахти. Все это выглядит не ахти. Как-то все это не ахти. Дела идут не ахти.*

Не безграничный. Полагающий предел способности соучастия (внутренний департитив). = Оценка несоответствия нормам участника. *Мое терпение не безгранично.*

Небезгрешный, небезгрешно. Допускаемый в своих недостатках, слабостях, несовершенствах (социально-групповой акцептив). *Я, конечно же, человек небезгрешный. Да и кто теперь небезгрешный. Вести себя небезгрешно. Все небезгрешны.*

Небезнадёжный, небезнадёжно. Допускающий возможность изменения в нужную сторону (потенциальностный партитив). *Да нет, ты знаешь, он небезнадёжный, из него еще выйдет толк, если с ним поработать. Человек он небезнадёжный. Парень небезнадёжный, если с ним поработать.*

Небезопасный, небезопасно. Своими высказываниями, действиями, поведением потенциально создающий угрозу со стороны контролирующих структур (средовой деструктив). *Такие рассуждения (разговоры) небезопасны. Все это мне кажется небезопасным.*

Подобными дополнительными значениями, ситуативно, имплицитно и косвенно, могут обладать и быть соответственным образом охарактеризованы также слова:

небезосновательный

Опасения небезосновательны. Выводы небезосновательны. Замечание небезосновательно.

не без причины

Все это не без причины. Разозлился он не без причины. Неужели ты не понимаешь, что это не без причины. Влетело не без причины. Досталось не без причины.

небезразличный

Мне это все (совсем даже) небезразлично. Человек он небезразличный. Небезразличное отношение к делу.

небезупречный

Небезупречное поведение. Вести себя небезупречно. Небезупречное отношение к делу. Как руководитель он небезупречен.

небезуспешный

Старания были безуспешны. Безуспешные усилия.

небезызвестный

Небезызвестные всем обстоятельства дела. Писатель он небезызвестный.

небезынтересный

Вам это будет безынтересно. Безынтересно узнать. Безынтересный вопрос.

небескорыстный

Человек он бескорыстный. Интерес у него был бескорыстный. Бескорыстное отношение к делу.

Не все подобные единицы могут восприниматься как советизированно или просто обстоятельствами места-среды

и действительности заряженные. Характер соотношения узуально-речевого, скажем, нейтрального, и узуально-речевого советского может составить предмет специального изучения. По примерным подсчетам тенденцию к заряжаемости обнаруживает не более 10 % лексических единиц образований с *не-*.

Ср. (слова, способные быть советски отмеченными выделены полужирным курсивом):

небесполезный, бесполезно *Все это вам будет бесполезно узнать. Усилия (старания) были бесполезны.*

небитый

Э, да ты еще, я вижу, битый. За битого двух битых дают.

неблаговидный

Неблаговидное поведение. Благовидный поступок.

неблаговоспитанный

Что за благовоспитанный человек!

неблагодарный

Человек он благодарный. Нельзя быть таким благодарным! Какая ж ты благодарная! Благодарные дети. Работа благодарная.

неблагожелательный

Неблагожелательное отношение.

неблагозвучис

неблагозвучный

неблагодатный (о человеке)

небеспособный

не более и не менее как

небрежение

небритый

небывалый (об успехах, достижениях, росте)

невещественный

невежливый
невезение
невезучий
невеликий
невеличка
неверие
неверный
невероятный (подъем, успех, достижения)
неверующий
невесёлый
невесомый

Второй фрагмент представляет возможные в связи с лексическими образованиями с *не-* речевые стратегии.

Речевая стратегия не- в языке второй половины XX века (к постановке проблемы).

[Статья опубликована в сборнике *Русистика и современность. Языкознание 4*. Red. Z. Czapiga. Wydawnictwo Un-tu Rzeszowskiego. Rzeszów 2006, s. 169-175; в полной своей версии *Речевая стратегия не- и позиция говорящего в языке второй половины XX века*. В: Известия УрГПУ. Лингвистика. Вып. 9. Отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург 2006, с. 270-289.]

Категориальная природа отрицания, пронизывая собой различные составляющие языковой системы, обнаруживается в способности, в частности, быть категорией семантической. Способность эта предполагает условием связь отрицания как с внутренними, системно-языковыми, единицами и компонентами, так и с широким полем коммуникативности и языковой прагматики. Данная

особенность позволяет рассматривать отрицание в соотношении с такими явлениями, как речевая стратегия, речевой акт, оценочность, коннотации, связывая вербально отображаемые элементы с имплицитными смыслами, находящими свое отображение в речи. Понимаемое как стратегия отрицание может стать явлением и знаком времени, общественно занимаемой позицией, способом выразить и отразить свое отношение к наблюдаемому, переживаемому, происходящему [Pstyga 2003]; [Муханов 1999].

Двойственная природа отрицания, проявляющаяся в наличии соотношения с исходным и отрицаемым, обнаруживает себя в способности, с одной стороны, определять и через противоположное идентифицировать (не А), а с другой, определяя, субъективно оценивать, отрицая, отвергать или, напротив, в каких-то случаях одобрять.

Для понимания особенностей речевых стратегий, отражаемых в образованиях с *не-*, следует обратить внимание на отличие семантики языковой, описываемой дефинициями толковых словарей, и той семантики, которая проявляет и актуализирует себя в речи, речевом употреблении, типичном для определенного времени и среды. Их можно было бы интерпретировать как уточнение, акцентуацию одних смысловых компонентов значения при нейтрализации других, определяя в представлении „чаще говорится так, обычно используется в таком значении”, при этом *чаще, обычно* как раз и характеризуют фактор времени и(ли) среды [Борисова 1999: 33].

Возьмем для примера прилагательное *неаккуратный*. Согласно „Большому толковому словарю” семантика данного слова трактуется следующим образом: 1. Не соблюдающий порядка, точности. *Н. плательщик, ученик, работник.* 2. *Разг.* Небрежно сделанный, неточно

выполняемый или выполненный. *Н-ая работа. Н. чертёж.*

3. Небрежный в одежде, в отношении к своим вещам; неопрятный. *Н-ая хозяйка.* (БТС) Согласно тому же словарю семантика *не-* как приставки концентрируется вокруг четырех значений: 1. Вносит зн.: полная противоположность того, что выражает слово без этой приставки. *Недруг* (враг), *неправда* (ложь), *небольшой* (маленький), *невесёлый* (грустный), *недобрый* (злой), *невысокий* (низкий). 2. (при образовании прил. и полных прич., при которых нет пояснительных сл.). Вносит зн.: противоположность с оттенком умеренности, ограниченности признака, качества. *Невнимательный* (недостаточно внимательный), *неглупый* (достаточно умный), *немногий* (составляющий небольшую часть чего-л.), *неплохой* (достаточно хороший), *несильный* (недостаточно сильный). 3. Вносит зн.: отсутствие того, что выражает слово без приставки. *Необоснованность, необитаемость, неприязнь, неискренний, немзыкальный, ненаучный, нечестный.* 4. Вносит зн.: лицо или предмет, не совершающие или неспособные совершить действие, обозначенное основой. *Неумеха, неуч, незнайка.*

Рассматриваемый случай (*неаккуратный*) относится, по всей видимости, к значению приставки *не-*, определяемому под цифрой 3, т.е. отсутствию признака, выражаемого прилагательным *аккуратный*. При отрицании возможно перераспределение компонентов значений, факультативное или периферийное может стать основным, а основное отойти на второй план: 1-е значение *неаккуратный* (не соблюдающий точности и порядка) соответствует 2-му значению *аккуратный*, делая его при этом более общим, захватывая отчасти семы 1-го значения и его оттенка у *аккуратный*, связанные с 'порядком'. 2-е значение *неаккуратный*, развиваясь из оттенка 1-го

значения у *аккуратный*, акцентирует признак результата действия (*сделанный*), а не свойства действующего лица, как в значении, данном под цифрой 1 (*склонный*). 3-е значение у *неаккуратный* (п небрежный в одежде, в отношении к своим вещам; неопрятный) соотносится с 1-м у *аккуратный*, выступая одновременно более частным его проявлением: не просто не склонный к чистоте и порядку, а в отношении к одежде, вещам.

В целом проявленная при отрицании в данном слове тенденция отмечает смещение в сторону от характеристики носителя свойства к его агентивности – характеристике субъекта как действующего (значение 1), привычного результата известного действия (значение 2), внешнего вида лица, являющегося следствием определенного поведения, привычек (значение 3).

Процессы и смещения, происходящие в лексической семантике при отрицании во многом оказываются сходны с тем, что наблюдается и описывается исследователями при оценке. Наличие сравнения, парность, асимметрия, модальностный и модусный характер свойственны и отрицанию, и оценке. Объединяет их еще одна особенность. Рассматривая сочетаемостные возможности частнооценочных слов, Е.М. Вольф на примере того же прилагательного *аккуратный*, называющего свойства, в картине мира оцениваемые как хорошие, выводит основание признака, общего у слов, способных вступать в сочетание с *аккуратный* как определяемым. Основание это, по ее словам, “представляет собой пропозициональный компонент глубинной структуры определяемого (класс свойств, действие с его актантами и сирконстантами).” [Вольф 2002: 19] Таким пропозициональным компонентом для *аккуратный* будет признак активного действия, направленного на получение определенного

положительного результата, “который может иметь качественные характеристики, относящиеся к исполнению этого действия (как следует, в срок и т.п.). Эти слова могут именовать лицо (*мальчик*), деятеля по виду деятельности (*почтальон*), само действие (*исполнение, оформление*), результат действия (*запись*), а также предметы по внешнему виду (*одежда, садик* и др.)” [Вольф 2002: 65-66].

Показательно в данном случае то, что именно глубинная пропозициональная структура, имеющая отношение к роду и классу (классу свойств), а не поверхностная, обнаруживающая себя в устройстве лексического значения, проявляет себя в сочетаемости, оценочном потенциале, и она же действует в условиях отрицания, предопределяя тип и характер негативирующего отношения. Отрицание, тем самым, определяется теми же правилами, что и оценка, а многие случаи и проявления отрицания (неприятис, противодействие, противоречие, враждебность, несоответствие) следовало бы характеризовать как разновидности оценки.

Из этого возможны два следствия для понимания речевой стратегии, проявляемой при отрицании: 1) стратегия может быть прямо не связана с семантикой мотивирующего слова без *не*-; 2) стратегия может строиться и, скорее всего, будет строиться на компонентах глубинной пропозициональной, а не поверхностной, структуры значения слова.

Характер обусловливаемой отрицанием речевой семантики, тем самым, оказывается смещенным по сравнению с отображаемой словарями. Семантика эта – семантика типичных контекстов и словоупотреблений, связанных с вербальными проявлениями социального времени и коммуникативной среды. Возьмем для иллюстрации несколько отстоящий во времени узуальный

случай использования соотносимого с *неаккуратный* и семантически похожего прилагательного: - *Сильный ты, любят тебя, наверно, девки, только неосторожный, - она наклонилась над ним, заглянула в глаза, - рожу тебе черноглазенького, не боишься?* (А. Рыбаков, Дети Арбата). Узуальное речевое значение *неосторожный* в данном контексте и употреблении можно было бы определить как 'не умеющий себя контролировать во время полового акта, не думающий о возможных последствиях (как правило, молодой) мужчина'. Автор вкладывает эти слова в уста молодой героини, девушки из деревни, недавно живущей в городе, простой, не имеющей образования, работницы. Изображаемое время – начало 30-х годов XX века. Речь и контекст подчеркнуто простонародно типизированы: *сильный ты* (девушка о молодом человеке), *любят тебя девки, рожу тебе, черноглазенького, не боишься?* Типично показано и поведение, сопровождающее слова: *наклонилась над ним, заглянула в глаза*. Для языка второй половины XX века в подобном узуальном значении и аналогичном контексте слово *неосторожный* было бы не типично, привычнее было бы встретить *неаккуратный*. Семы 'непредусмотрительный', 'несдержанный', 'не думающий о возможных последствиях' (отнюдь не случайные в контексте 30-х годов, времени всеобщей подозрительности и чисток) заменяются в языке второй половины XX столетия на 'небрежный', 'не знающий порядка', 'неумело действующий' (совсем иначе социально обозначенного), а речевая стратегия сочувствующей характеристики внутреннему, потенциально опасному для субъекта, несовершенству – на стратегию неодобрения, неприятия, раздражения по поводу нарушения нормы, незнания правил и признаваемого в данной среде норматива.

Социально обусловленные тенденции времени, отображающиеся в речевых контекстах, имеют некое объединяющее их общее. Для интересующего нас слова такое значение, применительно к языку второй половины XX века, можно было бы определить примерно следующим образом: *неаккуратный* 'своими действиями в отношении чего-л. дающий возможность обнаружить то, что желательно скрыть; неумело действующий, дающий возможность раскрыть скрываемое'.

Указанное значение проявляется во фразах, негативно заряженных и оценивающих, в первую очередь, поведенческую составляющую характеризуемого лица: *Какой Вы, право, неаккуратный! Нельзя быть таким неаккуратным. Он в отношениях с другими (начальством, сослуживцами, знакомыми) очень неаккуратен (бывает неаккуратен). Вести себя неаккуратно. Показать свою неаккуратность.* Аккуратность / неаккуратность становится показателем соблюдения / несоблюдения признаваемых правил и норм не выделяющегося, не нарушающего принятый распорядок общественного проявления. Признак активного действия, направленного на получение определенного положительного результата, имеющий характеристики, относящиеся к исполнению действия, выведенный Е.М. Вольф как пропозиционное основание в прилагательном *аккуратный* для оценки, обращается для отрицания (*неаккуратный*) в желаемый признак 'не действия, направленного на получение не положительного для среды результата с характеристиками, относящимися к исполнению действия'. *Неаккуратный*, тем самым, выступает в вербальной стратегии коммуникативной среды как потенциальный деуальтив с заложенной в нем оценкой несоответствия правилам приобщенного поведения.

Соответствующая тому или иному речевому словоупотреблению среда может быть определена по признакам характерных для нее системоценностных ориентиров. Рассмотренное в связи с речевым узуальным значением *неаккуратный* как потенциального деэуальтива можно было бы по таковым ориентирам, с известной долей определенности и по предпочтению, отнести к административно-функционерной среде, что не исключает, а во многом даже предполагает возможность использования данного слова в данном узуальном значении в контекстах иной коммуникативной природы в силу того, что указанная среда для языка второй половины XX века во многом играла роль доминирующей и задающей.

Стратегически *НЕ-* может действовать в плоскости номинатива, определяя, идентифицируя через структурное *не-* нечто другое (логическое и смысловое отношение пары – *А* и *не-А*): *неженатый, не замужем, незамужняя, недруг, невозвращенец, невыездной, невоенный, невоеннообязанный, небеленый*. В этой сфере своего проявления *не-*, как правило, безоценочно и служит средством ориентации в окружающем мире, раскладывая предметы, явления, состояния в две классификационные группы: тот, что женат или не женат; та, что (не) замужем; тот, кто далеко (не) друг; тот, кто (не) возвратился. Хотя заложенная бинарность (*не тот, не такой*), способная соединиться в сознании с упомянутой, также бинарной и так же устроенной, категорией *своего и чужого, мы и не-мы*, легко может переводить называемое в оценочную и идеологическую проекцию: *недруг* – это нехорошо; *невозвращенец* – значит, в контексте официального языка второй половины XX века, предатель; *невыездной* – оценка будет зависеть от социальной позиции говорящего: либо в силу того, что зарекомендовавший себя с не одобряемой

властью и обществом стороны, и потому подозрительный, неблагонадежный, либо, в силу все тех же причин, не относящийся к роду послушных и одураченных, что-то из себя представляющий, не потерявший достоинства, жертва режима и вынужденный внутренний эмигрант. Такими же, но уже в определенном контексте, и потому потенциально оценочными, оценка которых также будет зависеть от позиции говорящего, могут оказаться другие слова: *неженатый*, и это плохо или, наоборот, хорошо; *незамужняя* (пока еще или все еще, в силу чего оценка также будет различной), *невоенный* (и потому неопытный и не организованный или, напротив, гуманный, чуткий, не солдафон), *небеленый* (а надо бы побелить или, напротив, не надо, скажем, сдирать побелку).

НЕ- может действовать в плоскости утверждения несоответствия желаемому *свойству* (не такой, как надо, как хотелось бы, как желательно, не должный, не имеющий в себе того, что бы следовало, что было бы хорошо, и поэтому не одобряемый; логическое и смысловое отношение – *не-А не пара к А, не соответствует А*): *неаккуратный, неактивный, неактуальный, неаппетитный, недоимка, недоделка, не ахти, не без корысти*. Слов с *НЕ*-подобного рода в языке второй половины XX века больше всего. Потенциальная оценочность их, обусловленная отрицанием позитива, проявляет себя в этом случае с наибольшей силой. Характер оценки, ее контекстуальная и узуальная определенности будут зависеть от занимаемой позиции говорящего. На примере слова *неаккуратный*, в речевом узуальном использовании которого в определенной среде, это была оценка несоответствия правилам приобщенного поведения. В слове *неактивный*, определяемом как 'не проявляющий интереса к общественно значимым видам деятельности, не

инициативный; не действующий в нужном направлении, не мобилизующий, не участвующий', с проявлением стратегии, характеризуемой как социально-групповой департитив (*какой-то он неактивный; нельзя быть такой неактивной; вести себя неактивно*), – такой оценкой могла бы быть оценка несоответствия поддерживаемому общественному запросу.

Такая же оценка, видимо, характеризует и слово *неактуальный* 'не отвечающий требованию момента, ненужный, отодвигаемый; не подходящий, мешающий, нарушающий правильность принятой установки', с проявлением стратегии, определяемой как потенциальный оппозитив (*неактуальный вопрос; неактуальная тема; теперь это неактуально*). Слово *неаппетитный* 'не одобряемый в эстетическом отношении, способный вызвать реакцию неприятия, отторжения; нарушающий вкус', со стратегией эстетический дезакцептив (*неаппетитные разговоры; неаппетитный вид; выглядит неаппетитно; все это как-то неаппетитно*), даст представление об оценке несоответствия внутреннему запросу перцептора. В свою очередь, *не ахти*, как 'недостаточный в отношении полагаемой меры качества; не удовлетворяющий требованиям вероятного значимого проявления или действия', со стратегией апеллирующий департитив (*мужичонка-то он не ахти (какой); парень он не ахти; все это выглядит не ахти; как-то все это не ахти; дела идут не ахти*), – проявляет оценку, которую можно было бы определить как оценку несоответствия внутреннему запросу потенциального (со)участника.

Бинарность, как отличительная черта отрицания, проявляет себя в способности к удвоенному расхождению исходного и полученного. В зависимости от характера мотивирующего (А) возможны четыре номинативных и

стратегических типа: 1) если А обозначает, перед нами случай *идентификации*; 2) если А дает представление об обычном, привычном, не-А содержит определение *исключительности*; 3) если А называет желательный признак, не-А дает случай *неодобрения, неприятия*; 4) если же А называет нежелательный признак, то не-А будет предполагать *допущение*.

Выделенные на основе анализа признаки полного и частичного, ограниченного отрицания, а также противоположности как способа идентифицирования и выражения неодобрения, неприятия заключены имплицитным, неявным образом в семантике *не-* как морфемы. Ср. выделяемые в „Большом толковом словаре” при *не-* значения полной и умеренной, ограниченной противоположности, с одной стороны, и значения отсутствия (как способа идентифицировать, обозначить) или не совершения, неспособности совершения действия, с другой. Все это, а также многое другое, чего не удалось разрешить и даже коснуться в данной короткой заметке, наводит на мысль о своего рода созвучном и соотносимом устройстве языкового и речевого, языкового и концептуального, логического и прагматического, внутрисистемного и социально-психологического в отношении к функционированию и использованию языка.

И, наконец, третий фрагмент иллюстрирует на примере образований с *не-* те тенденции, которые переживает русский язык последнего, постсоветского, уже не советского (не совсем советского) времени.

Образования с не- в контексте социально-политических изменений конца XX века.

[Статья опубликована в сборнике *Wschód – Zachód. Dialog kultur. Język rosyjski i literatura w perspektywie kulturowej. Русский язык и литература в культурном пространстве*. Pod red. G. Nefaginy. Słupsk 2007, 296-301.]

Образования с приставкой *не-* в современном русском языке следовало бы отнести, с учетом активно себя обнаруживших в последние два десятилетия процессов, к открытой и постоянно себя расширяющей группе. Динамика ее расширения обуславливается способностью к лексикализации любого члена из дихотомического в своей основе противоположения *А* и *не-А*, тем более легкой, что, будучи связано с утверждением и отрицанием, составляет одну из ведущих констант повседневного речевого взаимодействия. Сдерживающими факторами к безграничному по своим возможностям и результатам росту образований с *не-* до определенного времени были нормы правописания и регламентированного советским официозом письма, значительно пошатнувшиеся в своих позициях (первые) и рухнувшие или сменившиеся другими коммуникативными навыками и формами (вторые). Количественный рост потенциально существовавших в языковом ощущении образований, тем самым, был неизбежен, и он себя обнаружил в немалом числе появившихся и описанных новейшими словарями самостоятельных лексических единиц. По нашим подсчетам число таких единиц, не встречающихся ранее, в частности в орфографических словарях, как наиболее полно отображающих лексику литературного языка, по сравнению с толковыми словарями конца XX – начала XXI века,

достигает примерно двух тысяч. Это очень большая цифра, если учитывать то, что речь идет о (ново)образованиях лишь одного формального типа и только таких, которые отражены в словарях, т.е. определяются как общепринятые и узуальные, закрепленные в языке, лексемы, а встречающиеся в письменно-речевом обиходе в гораздо большем числе аналогичные формы не входят в указанное количество.

Открытость и легкость рассматриваемых слово- и формообразований, высокая их активность, характерная для языка последнего времени, дают возможность увидеть на их примере как живые процессы языковой эволюции, связываемые с социальными изменениями, соотношение узуса и потенции в языке, так и особенности данного состояния, требования времени и, своего рода, идущий от общества «социальный заказ». Однако прежде чем рассмотреть типичные для интересовавших нас единиц особенности того и другого, имеет смысл обратить внимание на механизм их появления, мобильность и легкость которого регулируется не только орфографическими причинами. Подавляющее большинство новейших образований с *не-* представляет собой приставочные лексемы, построенные по типу *большой > небольшой*. Рассмотрим некоторые аналогичные случаи и примеры, игнорируя частеречные свойства и признаки данной модели и обращаясь к семантике составляющих. Всегда ли возможно, скажем, соотношение типа *друг – не друг* – *недруг*; *приятель – не приятель* – *неприятель*; *люди – не люди* – *нелюди*? При этом, если для первой пары возможно известное объяснение через подбор синонима *недруг* – *враг*, *неприятель* – *противник*, как для *небольшой* – *малый*, то для *нелюди*, т.е. плохие, жестокие люди, подобное соотношение будет иметь не такой однозначный

характер, а для многих слов и весьма затруднительным (*небеленый, немаркий, неблагоприятный, невезучий, неведение, недвижимость, неуч* и пр.). В то же время возможны такие соотношения с *не* и без *не*, которые не предполагают приставочных образований: *корова – не корова, животное – не животное, голова – не голова, рука – не рука, ребенок – не ребенок, старик – не старик* (при *старый – нестарый*), *мать – не мать, парень – не парень, красный – не красный* и др.

Чтобы понять возможности расширения и пополнения лексического состава современного языка за счет образований с *не-*, определим семантический механизм, действующий в структурах данного типа. Почему, скажем, есть *нелюди, нечеловеческий*, новое, отмеченное в словарях последнего времени *нечеловечный*, наряду с *негуманный*, а *нечеловек*, возможное и допустимое, как *узуального* нет? Также как нет *немужчина, неженщина* или *немуж, нежена, неподруга, небрат, нелюбовник, недети, недочь, несын*, и т.п. при наличии, отмечаемых в тех же новейших источниках *немужской, неженский, недетский*, а еще раньше *неженственный* при отсутствии рядом *немужественный* или *небратный, несыновний, небратский*. Определим механизм на примере соотношений *друг – не друг – недруг* и *люди – не люди – нелюди*. Отрицание при частице *не*, как можно легко заметить, дает представление (без контекста) о том, чем не есть называемое, но не о том, чем есть, т.е., иными словами, не референтно. Если *не друг* или *не люди*, то кто? На этот вопрос в семантике слов нет ответа: *не друг* не значит, что исключительно противоположное другу, равно как *не люди* неясно, какого именно рода иные живые, а может и не живые, предметности и существа, равно как и люди (плохие, т.е. *нелюди*). Образование с *не-* референтно и

значимо как лексема, нередко смещающая или сужающая значение по сравнению со своим коррелятом без *не-*: *недруг* не просто не друг, но враг, недоброжелатель, противник; *нелюди*, как уже говорилось, плохие, жестокие люди, а не кто- или что-либо нечеловеческого рода. Механизм, таким образом, сводится к двум, по меньшей мере, соединяемым характеристикам: наличию реально представимого референта с отрицаемым свойством и его осознанию, объективации, отвлечению, с последующими экспликацией и лексикализацией – отрицаемого свойства как утверждаемого референциального признака. К этому следовало бы добавить необходимую реализацию в узусе, поскольку потенциально возможное не всегда получает статус общепотребительного и закреплённого языком. Таким образом, если частица *не* несет с собой отрицание типа *не А* не есть *А*, то образование с *не-* должно содержать утверждение: *неА* не простое *не А*, а некое новое *В* с соотносимыми с *А* в каком-то отношении признаками. Из этого следует невозможность в принципе форм типа *неголова*, *немужчина*, *непарень*, *некрасный*, *немуж* и т.п., поскольку не представимы, с одной стороны, вероятные их референты, а с другой, не определимы и не закреплёны как общепонятные и однозначные те признаки, которые можно бы было им приписать. *Не мужчина*, *не парень* – плохой мужчина, парень, еще не мужчина, уже не парень или что-то еще? Равно как *не муж* – простой знакомый, друг, другой какой родственник, сожитель, уже не муж или еще не муж, а может, плохой, недостойный муж? Не говоря о том, что *не голова* может быть чем угодно, похожим и не похожим на голову, а *не красный* совсем неизвестно, какого цвета и только ли цвета. Языковое представление носителя языка ни с чем конкретным в подобном ряду без контекста не соотносимо.

Наличие отрицательного в создаваемом вновь утверждении признака должно, тем самым, иметь объективно осознаваемый и закрепленный характер. В противном случае возможно окказиональное, но не узуальное слово. Новизна словарной фиксации употребляемого слова состоит, в связи с этим, для интересующего нас периода (конец XX века), в смещении внутреннего порога, границы между тем, что возможно и представляет область речевого употребления, и тем, что уже есть и является узусом языка. Речь идет фактически о свойствах и признаках нового (точнее было бы сказать, по-новому осмысливаемого) языкового состояния, новой его парадигме или, иначе если сказать, новой его формации. Показательным в этой связи может быть одно лишь определение включенного в новейшие словари лексического состава интересующих нас образований, которое, для наглядности, можно было бы произвести в двух направлениях – тематическом и структурном, с точки зрения групп новой лексики и в отношении регулярности тех или иных словообразовательных типов. На базе того и другого в дальнейшем имело бы смысл рассмотреть набор и актуализацию тех семантических признаков, которые, в составе новоописанных слов, проявляют себя в механизме рассмотренных отрицаний > утверждений при переходе от слова без *не-* к *не-*приставочному коррелятивному образованию. За неимением места наметим лишь некоторые подходы.

Определяющую роль в расширении интересующего нас состава играют общие тенденции, типичные для языка конца XX столетия и характеризующиеся как проявления его новизны. Одна из них – это тенденция к усилению функциональной мобильности языковых единиц [Какорина 2000: 67], рассматриваемая как процесс, который

«развертывается как по вертикали (от социолектов к общему просторечию и к литературному языку), так и по горизонтали (от периферийных участков языковой системы к ее центру или общему ядру).» [Швейцер 1993: 54] Тенденция эта связана с оживлением и расширением форм и тем общественного диалога, привлечению к нему разных по составу и речи участников, открытием для обсуждения ранее закрытых тем, специализацией и большей дифференциацией форм публичного выступления и т.п. В сферу активного взаимодействия, средства массовой информации, а тем самым, в язык входит лексика, ранее не актуальная, появившаяся и созданная либо актуализировавшаяся по социальному зову и на потребу дня. Это слова в первую очередь из таких тематических областей:

общественная жизнь – *небезрасчетный, небиржевой, небудничный, невоскресный, негородской, недействующий, недовложение, недовоз, недовыпуск, недовыручить, недонакопление, недонаселенность, недооблагать, недообложение, недооборудовать, недопоставить, недопоставка, недопотребление, недопродажа, недопродать, незаложенный, незаятность, неземледельческий, неинтенсивность, нештенсивный, неиспользование, некассовый, некоммерческий, неконвертируемый, неконкурентноспособный, неконструктивный, неконтролируемый, некоренной, некредитоспособность, нелегал, нелимитированный, неналаженный, неналоговой, необлагаемый, необлагаемость, необразование, неоприходованный, неоперативный, неотоваренный, неотработанный, неотрывной, неотъемный, непериодический, неподконтрольный, неподотчетный, непопулярный, непраздничный, непрестижный, неприватизированный,*

неприёмный, непроведение, непродуктивный,
непроизводственный, непроизводящий, неработающий,
неразвитие, несбалансированный, нестабильный,
неупотребление, неусовершенствованный, неуспешный,
неустановившийся, неустоявшийся, неформал,
неформальный, нецивилизованный, Нечерноземье,
неэкстремальный;

межличностные отношения — неафишируемый,
небанальный, небеспроблемный, неблистательный,
неделание, недеятельность, недоказанность,
недооценивание, недополнять, недружеский,
недружественный, незащищенный, некритичность,
некровный, немилосердие, непарочно, непашенский,
неоригинальный, неосведомленность, неосведомленный,
неосвоенность, неоткрытый, непедагогичный,
неповерхностный, непозволенный, неположенный,
непоявление, непризнание, неразъяснимый,
нереалистический, нереалистичный, нерезкий, нерезонно,
нерезонный, перодимый, перодовитый, перодственный,
несемейный, нескучно, нескучный, неслабо, неслабый,
неслаженный, несогласовавший, нетелефонный,
нетрафаретный, нетривиальный, нечиновный,
нешаблонный;

политика — недемократичный, недогматический,
ненасилие, ненасильственный, ненаши, непарламентский,
непатриотично, непатриотичность, непатриотичный,
непереизбрание, неполитический, неполноправие,
непотопляемый, неправительственный, неправовой,
неприменение, непроголосовавшие, непролетарский,
несанкционированный;

быт — небытовой, невыжатый, невыпеченный,
неглаженный, негреющий, недокуренный, недокуроч,
недолечить, недолечиться, недрожжевой, нежатый,

нежженный, незакрытый, некомфортабельный, некомфортный, некрупный, некрытый, нелиняющий, немодно, немодный, немолотый, неношенный, необделанный, необитый, неосвещенность, неосвещенный, неотложной, неочищенный, неошкуранный, неплотный, неплотно, неполированный, непортящийся, непорченный, неприручимый, непромытый, непросохший, непыльный, неразделанный, несерийный, нескладной, несносимый (об одежде), неснятой, неспелый, несрочный, нетоплёный, неуют, неходкий, нехолодный.

В широкий обиход входят слова специальные и профессиональные: неадаптированный, небелковый, невыделанный, невыезженный, недиссертабельный, недойный, недопаханный, недопахать, недубленый, незаливной, незаменяемый, незамерзаемый, незамерзаемость, незаседанный, незатемненный, неискусственный, неисследованность, неистинность, неистинный, неисторичный, неквантовый, нековкий, некондиционность, некондиция, нележкий, нелекарственный, нелицевой, неложный, немедикаментозный, немногочисленный, ненадлежащий, необстроганность, необстроганный, необтесанность, неоседлый, неосёдланный, неосмысленный, неосмысленность, неостепененный, неосуществление, неосуществленный, непитолируемый, неплавкий, неполивной, непородистый, непородный, неправленный, непрограммируемый, непрямоугольный, нераспаханный, периформованный, несейсмичный, несинхронный, несловесный, несовершенство (преступления), несортовой, нестандарт, нестерильный, нестихотворный, несуществующий, нещепичный, нетипичный, нетрадиционный, нетранспортабельный, нечистокровный,

неэпидемический, неэффективный, неявный, неявственный, неядовитый.

А также ранее относившиеся к области не обсуждаемых тем: *недоноситель, недоносительство, недопуск, недочеловек, непечатаение, непечатный, неправославный, непроходной* (напр., роман), *неразглашение, несбывшийся, несвобода, неславянский, неуставной, нехристианский, нецерковный, неэкологичный, неэкономический.*

Экспрессия и оценочность, обращенность к внутреннему миру человека, стремление к определению признаков референта-лица способствуют появлению и распространению слов типа *небеззаботный, невзрослый, невзрослость, невыносливый, негнувшийся, недоброхот, недобычливый, нежалостливый, нежизнерадостный, незакомплексованный, незнающий, неизящный, неинициативный, неинициативность, неинтеллигентность, неисполнительность, неконфликтный, нелюбознательный, нелюбопытство, немзыкальный, ненаблюдательный, ненатянутый, ненарядный, необстрелянность, необутый, неодоухотворенный, неординарный, неординарно, неординарность, неосознанный, неостроумно, неостроумный, неотзывчивый, неотзывчиво, неотзывчивость, неохотный, неохочий, непокладистый, непокой, неполовозрелый, непонимающий, непонятый, непоэтичный, неправдивый, непредприимчивый, непредсказуемый, непредставительный, непредупредительный, непримечательный, непричесанный, непробиваемый, непробивной, непрогнозируемый, непрошибаемый, непрофессионал, непрофессионализм, непрофессиональный, непугливый, неработающий, нерадушие, нерадушно, нерадушный, неразвязный, нераспорядительный, несклонный, несловоохотливый,*

несобранный, нестареющий, нестарый, нестриженный, нестрогий, несуетливый, несуетливый, неталантливый, нетворческий, нетолстый, нетрусливый, неудовлетворение, не улыбочивый, неуспокоенный, нецеремонный, неэнергичный. Часть из них, в другом значении, может быть характеристикой сферы межличностных отношений¹⁵ (см. *небанальный, небеспроблемный, небеззащитный, неблистательный* и т.п.). Возможны также слова не входящие в перечисленные тематические группы: *неосновной, неживописный, незаходящий, некрутой, неоднотонный, неорганичный, непараллельный, неполностью.*

Говоря о причинах, вызвавших широкое распространение в современных текстах слитных написаний с *не*, ранее писавшихся раздельно, с переходом этих слов, тем самым, в приставочные образования, поскольку именно с этим явлением в основном мы имеем дело, следовало бы обратить внимание на два ведущих и отчасти взаимосвязанных обстоятельства. Во-первых, отмеченный ранее сдвиг в семантике (референциальность отрицательного и утверждение противоположного как нового и самостоятельного значения) и, во-вторых, во многих случаях фразеологизованность и конструктивная обусловленность этих значений, первоначально речевых употреблений. *Нескорый, нетелефонный разговор, несанкционированный митинг* на базе отрицаний *не скорый, не телефонный, не санкционированный*, т.е. не быстрый, не по телефону, не получивший разрешения, в сочетаниях развивают дополнительные оттенки значения и начинают писаться с *не* слитно: *нескорый* значит также обстоятельный, происходящий в способствующей к тому обстановке, *нетелефонный* – предполагающий информацию не для подслушивания, требующий времени и живого

контакта, *несанкционированный* – предполагающий и допускающий вмешательство со стороны властей, возможность последствий. Что возникает раньше – слитность написания или дополнительный смысл, который затем отражается и закрепляется слитностью? Достаточно ли написать слитно что-либо, что еще так не пишется, чтобы получить какой-то оттенок значения?

Языку свойственна избирательность. Одно входит в него, им принимается, становится узуальным, другое, по всем признакам такое же, ничем не отличающееся, маячит где-то в потенции, на периферии, не реализуясь как элемент языкового узуса и не являясь общим. Механизм этот известен, и он же может стать тем средством, с помощью которого можно было бы исследовать то, как отражается в языке эпоха, общественное время, и еще то, что связывается с потребностью, востребованной необходимостью и следует из актуализации и обусловлено свойством, которое, применительно к языку, возвращается в последнее время вокруг термина антропоцентризм, но которое по-настоящему следовало бы назвать центризмом субъекта языка, или субъектоцентризмом, проявляющим себя, по крайней мере в русском языке конца XX столетия, с особой интенсивностью. В советский период были достаточно активными слова *немарксист*, *неподведомственный*, *некапиталистический* (путь развития) и ряд других, в новейших толковых словарях непоследовательно или совсем не отраженные¹⁶. Что с ними стало? Ушли в пассив? И в этой же связи – почему ни в прежних, ни в новейших словарях не зафиксировано слов им подобных, скажем, *недарвинист*, *неламарксист*, *непрудонист*, *несталинист* или *несоциалистический*, *несоветский*, *небанковский*, *некооперативный*, *непредпринимательский*? Их нет как узуальных? Они не используются в речи? Только

возможны? Или невозможны? Проблема в языке, его законах, особенностях функционирования в какую-то эпоху или же в практике фиксации лексического материала словарями?

Поищем ответа на поставленный вопрос на следующих примерах. «Большой толковый словарь» фиксирует слово *небелый* в значении 'не относящийся, не принадлежащий белой расе'. Все словари отражают слово *нерусский*. Но нет при этом слов *нецветной*, *нечерный* (о расе, коже) или *нефранцуз*, *неангличанин*, *неполяк*, *ненемецкий*. Появилось сочетание *лицо кавказской национальности*, но нет *лица некавказской национальности*. Последнее и, по крайней мере, первое из приведенных слов могли бы быть. При известных условиях, востребованности и употребляемости, они имели бы возможность стать словами языка. Когда то обстоятельство, что человек не цветной, а белый, или то, что он не кавказец, приобрело для русской действительности какой-то особо значимый и актуальный смысл и получило бы статус дифференцирующего признака. Все прочие из приведенных слов можно представить в каких-то контекстных речевых употреблениях, но перспектива их вхождения в язык более, чем сомнительна. Причина все в том же субъектоцентризме как ведущей предпосылке перехода, при наличии прочих условий (актуализации, употребимости, развитии референциального значения), из сферы потенциального в сферу языкового узуса.

Понимание процессов, сопровождающих изменение языка в публичном его проявлении, в средствах массовой коммуникации и в политике, необходимо связывать с

тенденциями развития парадигм языкового сознания, проявляющих и обнаруживающих себя в изменениях генеративно-перцептивной базы его носителей. Следующий фрагмент затрагивает отчасти указанную проблему. Цель его состояла в том, чтобы на фоне происходящих в конце XX века языковых изменений коснуться вопроса меняющегося характера в том числе и языка (языков) политического воздействия.

Русский язык последнего пятидесятилетия: тенденции генеративно-перцептивной базы

[Работа опубликована в сборнике *Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка*. Ред. И.Л. Тетерев, Т. Медзиньски. Варшава 2002, с. 377-382; статьи *Некоторые тенденции современного языкового состояния (о языке конца XX – начала XXI века)* в сборниках *Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты*. Вып. I. Ред. В.И. Дегтярев и Е.Я. Кедрова. Ростов-на-Дону 2007, с. 119-121 и *Świat techniki i humanistyki. Rozprawy Naukowe Akademii Techniczno-Humanistycznej*. Nr 1. Pod red. E. Tokarza. Bielsko-Biała 2007, s. 130-133, а также *Русский язык последнего пятидесятилетия: тенденции узуального состояния*. // *Русский язык как иностранный: специфика описания, теория и практика преподавания в России и за рубежом*. Ред. М.Л. Ремисва. Москва 2001, с. 342-343 представляют собой ее дополнительные издания; в польскоязычной версии *Współczesny język rosyjski – tendencje rozwoju* работа вышла в сборнике *Słowiańszczyzna w kontekście przemian Europy końca XX wieku. Język – tradycja – kultura*. Red. E. Tokarz. Katowice 2001, s.197-202 (Współaut.: J. Stawnicka)]

Когда мы говорим о состоянии языка применительно ко времени, мы неизбежно говорим о состоянии языкового общественного сознания. Те признаки, которыми характеризуются протекающие в языке в тот или иной период времени процессы (универсализация, стандартизация, демократизация, либерализация, вульгаризация, американизация, например), представляют собой, как правило, отражения процессов, происходящих в обществе. Язык воплощает их в своих структурах, формах, проявлениях и механизмах на лексическом, словообразовательном и синтаксическом уровнях, специфическим, но характерным и распознаваемым способом.

Знаками времени прежде всего выступают слова. С точки зрения того, что и каким образом они начинают обозначать, чем отличается характер обозначаемого и способ нового обозначения от привычного и предыдущего, от того, что было раньше. С точки зрения того (что менее явно), как начинают сочетаться они между собой, в какие необычные условия и виды связей попадают. И, наконец, с точки зрения того, какой новый способ организации высказывания (манифестации) они начинают представлять в своих связях.

Языковое состояние последнего пятнадцатилетия характеризуется для лексической системы как нестабильное (см., напр., [Караулов 1991]; [Русский язык конца XX столетия 1996]; [Склярская 1996]). Что сопровождается бурными, лавинообразными процессами в словообразовании и словаре, лексической семантике и сочетаемости, стилистике и на границах нормативности и активного состава — ядра и периферии. Возникновение целых серий новообразований, обилие американизмов,

вторжение подстандарта в публичную и публицистическую речь, уход в пассив значительных лексических пластов и возвращение из пассива, активизация такого же немалого числа забытой, устарелой лексики – всё это очевидные свидетельства отмеченных процессов.

Происходящие преобразования затрагивают прежде всего область языковой актуализации. Язык переживает состояние смены внутренних акцентов, перераспределения предпочтений, выборов, регистров, тематических, предметно-понятийных сфер и мотивационных регуляций. Меняются либо преобразовываются его критерии и фильтры – модели, механизмы действующей в языке генеративно-перцептивной базы.

Говоря о признаках и тенденциях времени, можно подходить к этому внешне, определяя явления, наблюдаемые в количественном, частотном и инновационном отношениях для собственно слов, словообразовательных структур, лексической семантики и сочетаемости и способа организации высказывания. Исследователи, обращающиеся к интересующему нас вопросу, характеризуя особенности современного состояния языка, чаще всего и как правило, определяют его через первых три критерия, почти не затрагивая или только вскользь затрагивая два последних.

Есть некая зависимость, выведенная и повторяющаяся: периоды бурных социальных потрясений, вызывая ускорение языковых процессов, провоцируют резкое увеличение количества изменений и инноваций в языке, которые “нагромождаются, не успевая адаптироваться в лексической системе, отчего создается впечатление хаоса и нестабильности” [Скляревская 1998: 7]. Отбор и адаптация нового во времени отодвигаются, откладываются на другой период – период концентрации и

покоя. Период встряски, напряжения, выхода формообразующих сил, сменяемый более длительным периодом размеренного состояния, можно определить как явление активизации актуального языкового ядра. Все, что так или иначе происходит постоянно, но растянуто и на перифериях, вдруг сгущается, начинает протекать в коротком времени и выносится на поверхность. Становится, тем самым, конденсированным и универсальным. Нагромождение, неадаптированность и нестабильность вырвавшегося инновационного потока отмечаются как мета времени, особенность которому, при их подобии друг другу¹⁷, определяется обычно как процессы и тенденции, которые для современного языкового состояния кратко можно представить в следующем виде:

Процессы	Тенденции
1. в лексической сфере:	Стремление к многообразию форм:
а) американизация: массовое проникновение американизмов в общественно- политический лексикон;	- интернационализация общественно-политического лексикона - потенциялизация
б) валентностный полиморфизм: расширение возможностей и условий лексической сочетаемости;	(использование внутренних ресурсов развития языка) - полисемантизация (развитие семантической структуры лексемы)
в) семантико- деривативная активизация: ускоренное образование новых значений;	
2. в сфере	Актуализация

словообразования:

а) ядерно-гнездовое образование: появление целого ряда, серии слов вокруг одного – носителя общественно актуального смысла;

б) актуализация продуктивного ряда формантов: приставок раз- (рас-), де-, анти-, пост-, контр-, суффиксов -изация, -изировать, -изм, -ист;

в) интенсивное возникновение новых аббревиатур и их производных;

3. на границах актуального языкового ядра и периферии:

а) проникновение сниженной, жаргонной, а также вульгарной и грубой лексики в сферы кодифицированной устной и письменной речи;

б) уход в пассив одновременно значительного числа идеологизированно заряженной и политизированной

продуктивных моделей:

- структуризация типично активных формантов и мотиваций

- интенсивная асимметрия в пользу репрезентативных участков образования слов

- стремление к объявлению новой речевой узувальной кодовости

Перемещения в узувальных составах:

- снижение границ речевого стандарта (либерализация, демократизация, жаргонизация, вульгаризация)

- отказ от тематических построений предшествующего концептуального состояния (деидеологизация)

- стремление, через

было бы охарактеризовать как механизмы генеративной и перцептивной базы – порождения и восприятия единиц и форм языка.

Всякое новое возникает обычно на фоне и через отрицание предыдущего состояния. Смена парадигм порождения и восприятия речи проявляет себя в отношении отрицания активно и ощутимо. Меняется характер основ мотивации при назывании, меняются приемы и способы оформления значений, словообразовательных структур, синтаксических конструкций. Меняется способ языкового отображения действительности.

Особенно заметен этот контраст порождения-восприятия при сопоставлении двух лексических значений (семем) одной общей лексики – семемы вытесненной, уходящей в пассив, и семемы актуализируемой, входящей в актив. Вторая семема при этом не вытесняет первую, а становится в отношении дополнительной асимметричности к ней. Это приводит к перераспределению акцентов внутри структуры лексики, к изменению типа ее смыслового устройства.

Возьмем для примера два значения одной лексики – значение уходящее и значение актуализируемое – у *авангард*: 1) 'лидирующая часть господствующей общественной группировки, класса (о компартии, пролетариате): *авангард класса, авангард молодёжи*' и от него *авангардный* 'передовой - как ведущий, руководящий и ключевой': *авангардная роль, авангардный отряд борцов за светлое будущее*; 2) = авангардизм: 'художественное течение, характеризующееся стремлением к коренному разрыву художественной практики с реализмом, с его устоявшимися традициями, поиском новых, необычных средств выражения формы и содержания произведений: *эстетика авангарда, принципы авангарда*'¹⁸ и от него

авангардный в значении, видимо, также первоначально 'передовой', но понимаемый как 'оторвавшийся от реализма, от реалистического отображения действительности, необычный, новый, возможно шокирующий': *авангардная музыка, авангардные формы*.

Первое значение, уходящее, интерпретирует представление мотивационной основы лексемы ('передовой') как часть организуемого и направляемого этой частью целого – маркированный партитив заряжаемой целостности. Второе, актуализируемое как новое, ту же основу определяет в ином отношении: 'передовой' – значит вырвавшийся, выдвинувшийся вперед, оторвавшийся от отрицаемой, не принимаемой, не идентифицируемой им с собой неподвижной массы всего остального, того, что не он. Действуют две разнонаправленные тенденции: лидирования, заряжения и выдвигания ведущего (субординация) и отрыва, разрыва, преодоления и отделения (сегрегация).

Нередко одно и то же лексическое значение, одной своей стороной уходя, а другой стороной оставаясь, как прежнее и как новое, воспринимается и интерпретируется по-разному. Такое слово, к примеру, как *агропром*, агропромышленный комплекс, в первом случае проявляет себя как структура (структуратив): 'совокупность отраслей народного хозяйства, занятых производством сельхозпродукции, ее хранением, переработкой и доведением до потребителя'. Слово воспринималось глобально и всеохватно – как большая структура, спрут, с разветвлениями, множественными узлами и функциями этих узлов. В современном языковом и речевом контексте, попадая в новые мотивационные связи словообразовательной серии (*агробанк, агробизнес, агрофирма, аграрий, аграрник, аграрный, агроулаг*) и

парадигму иных значений и восприятий, оно начинает себя проявлять, с точки зрения мотивации, по-другому: акцентируется дефинитивность и распознавательность, извлечение из другого и общего, выявление, обнаружение, определение и включение в ряд подобного (экссертив).

Понять и увидеть тенденции современной генеративной и перцептивной базы удобнее всего на контрасте, в сопоставлении с признаками и тенденциями такой же базы предыдущей. Как показал анализ материала с лексической (номинативной, семантической, мотивационной), словообразовательной и речесорганизующей сторон, эти тенденции различны. Для сопоставления привлекался материал двух сравнительно недавно вышедших толковых словарей (*Толкового словаря русского языка конца XX века* и *Толкового словаря языка Совдепии*, оба 1998 г. издания), а также, непоследовательно, материал газетных публикаций. Выявление тенденций предполагает, как известно, значительную долю обобщения и отвлечение от типологических различий общего. Поэтому предлагаемое определение тенденций, опираясь на одну из форм типичного, выбранную как ведущая, отнюдь не исключает действия других, – как дополнительных и производных, так и, возможно, отличающихся, альтернативных.

Возьмем для наглядности два типичных построения сопоставляемых периодов: 1) *Советские люди готовятся достойно встретить знаменательную годовщину на ударной вахте пятилетки. Множатся ряды передовиков соревнования за высокую эффективность и качество работы, которые обязались выполнить к 7 ноября личные пятилетние задания.* (Правда, 16.10.79) и 2) *Очевиден убогий интеллектуальный уровень самого спора о результатах реформ: их так называемые сторонники в*

качестве единственного аргумента ссылаются на отсутствие очередей и обилие товаров, их так называемые противники тут же протестуют, упирая на недоступность большинства товаров и услуг из-за высоких цен. (Московские новости, 22.05.94 – 29-05.94)

Отвлекаясь от деталей оформления дискурсов, если для первого можно вывести тенденцию к констатации поступательного интенсификатива единой иерархизованной структуры социума в ее составляющих к циклически повторяющимся маркерам времени (симуляция подкрепляющего зондирования – аргументатив), то для второго такой мотивирующей тенденцией будет отрицание возможности констатации достижения / недостижения для общего в противопоставляемо заряженных средах (флуктуативный дезагументатив).

Отмеченные тенденции различаются в модальностях. Характерная для первой идеологизованность может быть интерпретирована как модус поступательного интенсификатива (отмеченность элементов и проявлений социальной структуры действием ведущей силы, напряжение их, зарядение, заряжаемость, заряженность). С номинативной точки зрения при этом мы имеем дело с отмеченной частью заряжаемого целого (партитив): *авангард, актив*; отдельным представителем (представителями) этой части, единицей (сингулятив): *активист, ответственные лица*; отмеченным местом (локатив): *агитпункт, красный уголок*; структурированным множеством – сеть с узлами (структуратив): *агропром, госснаб, собес*; противодействующим, противоборствующим (контраktiv): *антиперестроечный*,

антисоветский, аполитичный; отмеченной акциональностью: битва за урожай.

В то время как для второй генеративно-перцептивной базы будет характерен модус флуктуатива, проявляющийся в колебательно возникающих проявлениях поливалентных сил в массивах. Фокусируемый акцент переходит со структуры на движение в таких массивах, выносящих из себя разнообразно проявляющиеся и наблюдаемые актанты. Две основных тенденции, обнаруживающие себя в лексемах – отделение от прежнего и прочего (сегрегатив) и вынесение на поверхность, привлечение внимания (аттрактив) – могут проецировать себя в значениях отрыва, отрицания прежнего или имеющегося (абруптив): *авангард, парламентарий*; направленного абруптива (преодоление, разрушение, запрещение): *антиармейский, антиельцинский, антизабастовочный*; нарушения порядка вещей, установленного, прежнего, принятого (деструктуратив): *абсурдизм, развал Союза, декоммунизация*; извлечения из общего, выявления, обнаружения, определения и вынесения на поверхность (экссертив): *аграрий, агни-йога, агропром*; выставления напоказ, демонстрации, подчеркивания (провектив): *поп-шоу, адидасы*; представительства подавляющей силы (субмиссив): *авторитаризм, агрессивное большинство, администрирование* и т.п.

В словообразовании действует флуктуативная отсечно неопределенная множественность: серии подобного, сгустки вокруг ядра – выносимого актуального (действие аттрактива). В то время как в прошлом это были жестко ограниченные и апробированные (иерархизированные) словообразовательные модели и цепочки (пары). То же касается и сочетаемости слов. Таким образом, если для современной генеративной и

перцептивной базы в сфере словообразования и сочетаемости действуют тенденции аттрактива и симилиатива (подчеркиваемая и серийная активность внешних сходств), то для прежнего состояния это тенденции ориентатива и репетатива (закрепленной и воспроизводимой повторности).

В целом в устройстве категорий и их значений для современного языкового состояния наблюдается бинарность при субординативности как тенденции для состояния предыдущего.

Подход к языковым явлениям с точки зрения действующих во времени тенденций генеративно-перцептивной базы дает возможность понимать и видеть не только внешние, наблюдаемые проекции языковой динамики, но и ее внутренние, мотивирующие, не всегда заметные основы. Сопоставление и более глубокое исследование названных тенденций может стать основой, в частности, лингвосоциального диагностирования.

Изучению судеб советизированной лексики в языке последнего времени, тенденций, ступеней и форм их ухода в пассив, трансформаций, а также возможностей продолжающегося и вероятного языкового и речевого использования, с выделением и определением различных типологических групп, посвящены две следующие работы.

**Уходящая лексика. Живые процессы
меняющегося словарного состава (о языке конца XX
века).**

[Статья помещена в сборнике *Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка*. Под ред. И.Л. Тетерева. Варшава 2007, с. 161-167.]

Определение *уходящая* применительно к лексике в известном смысле условно. Уходящая вовсе не означает, что исчезающая. Переход определенного словарного слоя из актива в пассив, вызываемый социальными и политическими изменениями, хотя и осуществляется довольно стремительно, не предполагает, однако, ухода как такового, скорее смещение и перераспределение, разрушение, по определению О.П. Ермаковой, прежней смысловой корреляции с возникновением новой [Ермакова 1996: 60]. Что означает не исчезновение слов, для основной их массы, а утрату ими каких-либо признаков, семантических, коннотативных, ассоциативных, утрату соотношений и связей одного порядка и типа и установление новых или, возможно, восстановление прежних, точнее было бы говорить оживление в них этих прежних, бывших до этого не актуальными, нейтрализованными. Процесс этот, в чем-то похожий на перемещение в словарном составе массивов, групп, единиц и слоев, известен и в различии своих проявлений в литературе вопроса в целом представлен (см., напр. [Караулов 1991]; [Дуличенко 1994]; [Какорина 1996]; [Нечаева 1996]; [Валгина 2003]). Может быть, не так обстоятельно, как следовало бы, и на примере, скорее, отдельных слов, но в тенденциях и основных своих разновидностях вполне очевидно.

Объем небольшой статьи не дает возможности показать что-нибудь обстоятельно, поэтому сразу оговорим объект, проблему и обозначим цель. Речь пойдет о словах языка советского времени в его письменной, прежде всего, и потому наблюдаемой части, словах, для него типичных и в нем активных, подвергшихся обозначенным изменениям в языке с конца 80-х годов XX века. Сам язык этот, к слову сказать, так и не получил для себя достаточно точного определения, а все существующие, как представляется, либо шире, либо уже, либо оценочны, либо вне его самого¹⁹. Всеми исследователями лексики этого языка отмечается сложность и неодномоментность процессов устаревания, перехода в пассив, деактуализации и выхода из активного общего речевого употребления слов, определяемых как советизмы и становящихся (или ставших уже) архаизмами и историзмами. Отмечается, намечается на примере отдельных слов, но, как нам представляется на основе известных источников, не описывается, с опорой на типы и виды, причины и признаки, – того, что одни слова почти сразу и почти безвозвратно, бесследно²⁰, из актива уходят, другие, четко и однозначно ассоциируясь с эпохой и не относясь поэтому к языку вне и после нее, всплывают, возвращаются, помнятся, нередко даже используются как меты и знаки времени, третьи, словно меняя одежды, утрачивая одни и приобретая другие признаки, как слова остаются, с известной дистанцией, не всегда всеми чувствуемой, относясь к своим прежним значениям, а четвертые вроде и нигде не исчезли, вроде и не изменили заметно в себе ничего, сосуществуя в двух своих речевых измерениях – ушедшей и новой поры. При этом каждое из обозначенных, по первому приближению, четырех проявлений имеет внутри себя свои типы и разновидности, определяемые признаками и характеризующиеся своими причинами. Цель

работы поэтому, в связи со сказанным, состояла в том, чтобы наметить пути возможного типологического изучения лексики, в силу происходящих общественных перемен оказывающейся на переходе из актива в пассив, меняющей свой узусальный характер и статус в словарном составе с языкового ядра на периферию. Изменения при этом затрагивают самые разные стороны слова как единицы в различных соотношениях и комбинациях – семантики, формы (структуры), грамматики, сочетаемости, парадигматики, синтагматики, стилистических признаков, коннотации, ассоциаций. Сочетанием этих признаков и объясняется то различие в видах и типах самих уходящих слов, основу которого можно определить как степень связности, коррелятивности, соотношения с речевым продолжающимся узусом остающегося после них языка.

Прежде чем перейти к рассмотрению материала, дающего возможность представить контуры предполагаемой дифференциации, необходимо ввести еще одно важное положение. Исследователи „советского” языка, единицы которого становятся лексикой интересующего нас перехода, отмечают следующую особенность. Заимствуя языковые средства из литературного языка, язык этот, меняя их, помещая в свои ситуации и контекст, обособляет и отделяет от коррелятов и от общенационального языка, делая это различными способами – от вытеснения и замещения до почти незаметных коннотативных и семантических переинтерпретаций. Подвергающиеся такой обработке языковые средства переходят в новый для них стилиевой регистр, начинают действовать по-другому, в иных речевых условиях, значениях и тональностях²¹. Язык советского официоза втягивает их в свою орбиту, заряжает своими смыслами и коннотациями, делая их своими, действующими в этом приобретенном виде в нем, для него,

на него. С падением данного языка как регулярно себя повторяющей письменной формы созданные им единицы, теряя поддерживавший и заряжавший их фон, утрачивая «жизненное пространство» своего проявления, оказываются поставленными, с одной стороны, в отношении с новыми для себя речевыми условиями письменных, а также устных, публичных форм, с другой же, в соотношении со своими литературными коррелятами, для них до этого почти не значимое и неактуальное. Первое отношение ведет на какое-то время к их оживлению (смена и переход общественных состояний порождают необходимость рефлексивного обращения к ближайшему прошлому), а затем угасанию, забыванию, переходу в историю и пассив. Второе – для разных языковых единиц по-разному и в разное время, но в целом заканчивается утратой приобретенных ими в советском прошлом довесков и возвращением в литературный узус. И возвращение это, и этот уход, а первое в известном смысле равно второму, поскольку заряженная единица, теряя заряд, перестает как отдельность существовать, происходят, видимо, по тем же самым законам и правилам, только в обратном порядке, по которым подобные единицы формировались и набирались из общелитературного языка. В этом месте, прежде чем перейти уже непосредственно к материалу, хотелось бы обратить внимание еще на одну особенность, но не советского специфически языка, а языкового сознания говорящих. В употреблении в речи в случае единиц подсистем, языковое сознание ассоциативно не сводит взаимно соотносимые и мотивируемые корреляты, если они высокочастотны и общеупотребительны. Используя такие имена, как *Вера*, *Надежда*, *Любовь* или *Лев*, в типовой ситуации говорящий не связывает их в сознании со значениями таких же имен нарицательных. Слыша

иностранное слово *код* в соответствующем для него контексте, вряд ли кто при этом подумает о *ките*. Подобным же образом, видимо, регулируются и разграничения типа *Аврора* (крейсер // богиня), *Октябрь* и *октябрь*, *максим* (пулемет) и *Максим* (имя), мало чем отличающиеся от *Жигули* (автомобиль // возвышенности), *голландка*, *буржуйка* (печка // женщина) или чего-то другого, не воспринимаемого как сугубо советское.

Типы соотношений подобного рода, однако, могут быть разными, обуславливаясь как внутриязыковыми, так и не только причинами (степень употребительности, социальные коннотации). Также как разными могут быть отношения к общелитературному языку и его коррелятам, при наличии таковых, у интересующей нас группы слов. Влияет ли это наличие либо отсутствие на степень периферийности слова в условиях нового узуса? Возьмем, к примеру, такие слова, как *пионер*, *комсомолец*, *обком*, *исполком*, *октябренок*, *орленок*, *зарница*, *вымпел*, *звездочка*, *звено*, *дружина*, *линейка*, *вожатый*, *березка*, *вахта*, *авроровец*, *бамовец*, которые можно бы было, может, неоднозначно, определить как уже историзмы? Важно ли в данном случае, что *пионер* (член пионерской организации) коррелирует с *пионер* (первооткрыватель), так же как *орленок*, *зарница*, *вымпел*, *звездочка*, *звено*, *дружина*, *линейка*, а *комсомолец*, *обком*, *исполком*, *октябренок* не имеют таких соответствий? Важно для определения типа данного слова как историзма и советизма – семантический, лексико-словообразовательный, но, как представляется, не для степени его периферийности в языке последнего времени и не для степени его отмеченной знаковости как советизма и потому, вероятно, и неспособности, без соответствующих политических предпосылок, к возвращению в оставленный им актив.

Не менее важным в затронутом отношении представляется также вопрос о том, отчего зависит степень и вид отмеченной знаковости той или иной языковой единицы, поскольку признак этот, безусловно, влияет на отношение к ней говорящих (и пишущих), а тем самым, позицию единицы в современной речи и узусе. Если с одной стороны взять все те же *орленок, зарница, вымпел* или *партиец, отказник, горкомовец, значкист, особист*, а с другой, скажем, такие, как *план, значок, квартал, зарплата, премия, собес, сберкасса, коллектив, санузел, самотек, самофинансирование*, то при общей для них прямой отнесенности к советской действительности, необходимо признать, что первая группа характеризуется знаковостью и представляет слова уходящего языка, вторая – слова, такой четкой знаковостью не обладающие и не уходящие. Наличие не исчезнувшего в первом случае и нейтрализованного во втором семантического идеологического довеска – объяснение следствия, не причины. Советизм обычно определяют как единицу, отображающее реалию или понятие советской действительности. Продолжая это определение, можно было бы вывести такую закономерность: в той мере, в какой связанные со словом реалия или понятие прекращают свое постсоветское существование или же продолжают существовать, данное слово уходит в пассив, остается или пока еще остается. Закономерность понятна и задача в целом ясна, а трудности квалификации единиц уходящего в пассив словаря в отношении степени их такого ухода обусловлены, как представляется, следующими причинами: 1) преобразующейся не одновременно для всех уходящих „советских” сторон действительностью и связанной с ней социальной ментальностью; 2) различной степенью идеологической ангажированности самих единиц; 3)

отношением их к ядру языка советской эпохи и, тем самым, активностью, броскостью, значимостью в нем, для него или, напротив, к периферии и потому незаметности, невыразительности в такой своей отнесенности; 4) собственно языковыми причинами, к которым можно бы отнести а) изолированное или фразеологически связанное, конструктивно (ситуативно) обусловленное употребление; б) отношение к корреляту литературного языка, предполагающее его наличие либо отсутствие, а при наличии – разность возможностей в зависимости от отношения его все к тем же ядру или периферии, но литературного языка, и, тем самым, активности и нахождении на поверхности языкового сознания говорящих либо, напротив, скрытости и нахождении в его глубине.

Рассмотрим некоторые примеры. Возьмем для наглядности слова одной тематической группы, скажем, *свет, светлый, светить, светоч, светлячок, искра, факел, костер, пламя, жар, огонь, гореть, луч, маяк*. Их позиции в языке советской эпохи, а потому и связанность с ним различны и обуславливаются в этом различии рядом причин. С одной стороны, все они, будучи связаны с идеологически важной метафорой света-горения-зажигания, в языке этом активно используются, с другой, вступают в нем в далеко не однородные отношения и связи как смыслового (с точки зрения означаемого), так и конструктивного и коммуникативно-ситуативного типа, что, в свою очередь и как следствие, ведет к неоднородному для них отхождению от этого языка, а, при наличии у них у всех коррелятов в литературном, к неравной степени своего вхождения в освобождаемый от „советского прошлого” современный актив. В ряду этих слов наиболее ангажированными можно считать *светоч* и *искру*. Первое – в силу забытости архаического значения ‘факел’ уже в

языке в советский период. Второе — по устойчивой связи с названием газеты «Искра», широко известным девизом *Из искры возгорится пламя*, а также связью с названиями колхозов, женским именем *Искра* и такой же, в советское время, кличкой коров. Вместе с тем периферийность слова *светоч* в „советском” значении и отсутствие активного коррелята делают его устаревшим и переводят в пассив, в то время как частотность, активность *искры* и наличие не ангажированного и также активного литературного коррелята не дают ей уйти, оставляя в известном смысле в активе, хотя и как семантический советизм²². Вторыми по степени ангажированности могли бы быть *луч* и *маяк*, в силу своей обусловленности идеологически сильными и очень активными в свое время метафорами типа *луч Октября*, *ленинский луч*, *наши маяки*, *маяки производства*, *путеводный маяк* и т.п. Третью группу в этом ряду могли бы составить такие слова, как *факел*, *костер*, *светлячок*, обусловленные фразеологической и тематически-ситуативной связанностью: *факел — свободы, революции, социализма*, а также название книжного магазина, *костер — пионерский*, а также журнал, *светлячок — детский сад или ясли*. И, наконец, четвертую группу составляют слова *свет*, *светлый*, *светить*, *пламя*, *жар*, *огонь*, *гореть*, советская идеологическая задействованность и патетичность которых вне соответствующих устойчивых сочетаний или контекстов не ощутима²³: *свет революции*, *свет социализма*, *свет Октября*, *свет перемен*, *свет человечества*, *свет надежд всего человечества*, *свет коммунизма*, *свет Востока*, *идейный свет*, *свет обновления*, *свет дружбы народов*, *свет народов*, *нести свет*, *пролить свет*, *дать свет*; *светлое будущее (коммунизма)*, *светлая будущность*, *светлое завтра*, *светлое детство*, *светлая юность*, *светлый путь*, *светлые*

идеалы, светлые мечты о счастье (всех людей); светить всегда, светить везде (у Маяковского), светить, не сгорая, светить для всех; пламя революции, пламя свободы, не(у)гасимое пламя, неистребимое пламя, пламя души, душевное пламя, пламя войны, из искры пламя, пламя (народного) гнева, пламя борьбы, пламя надежды; жар сердец, жар души; огни коммунизма, огни народного счастья, огни человечества, огонь надежды, нести огонь (людям), давать огонь людям, огонь сердец, зажечь огонь (в ком), огонь народного гнева, огонь недовольства, огонь возмущения, огонь правды; гореть всей душой (всем сердцем), гореть светом правды, гореть, не сгорая, гореть ненавистью, гореть желанием, гореть вдохновением, гореть гневом, гореть огнем справедливого негодования, гореть от счастья.

Изучение живых, происходящих на наших глазах, процессов языковых изменений, связанных с переходом значительного количества языковых единиц из актива в пассив, таким образом, представляется сложной и многогранной задачей. Необходимо при этом исследовать не только особенности породившего их языка, но и особенности современного узуса, разнообразные отношения их к литературным своим коррелятам, отношение к уходящей и современной действительности, социальному фону, явлениям прежней и новой культуры. Подход к такому их рассмотрению должен быть последовательно системным и типологическим, предполагающим виды и степени отношения к прежнему и современному состоянию, к периферии или ядру, отмеченной знаковости и ангажированности в ушедшем из современности языке, активности в нем, с определением и описанием признаков и мотивирующих причин того или иного их в нем положения.

Показательной иллюстрацией отношения слова литературного языка, вытесняемого в своих значениях семантическим советизмом соответствующей экспрессивной окраски, пропагандистских дискурсов и своего, советского, времени, может послужить описание лексемы *пламенный*, взятое из словарей.

Хотелось бы обратить при этом внимание на ряд неизбежно себя проявляющих в этой связи проблем:

1) Достаточным ли можно считать нижеследующее определение из *Толкового словаря русского языка XX века* слова *пламенный* как эпитет для коммуниста? Какой эпитет, с каким значением, смыслом? Имеется ли это значение-смысл или эпитет лишь красочное сопровождение и как таковой ничего уже с какого-то советского времени не обозначает, будучи только сигналом, знаком коммунистической принадлежности, соответствующей причастности и своего рода отличия?

Пламенный Перен. Высок. В советск. время: употреблялось как эпитет коммуниста. *П. борец за мир, за социальный прогресс. П. патриот. П-ые призывы, п-ые революционеры.* (Толковый словарь русского языка XX века. Языковые изменения. СПб., 1998)

Ср. также к этому же: *Пламенный привет, с пламенным приветом, А вместо сердца пламенный мотор.*

2) Как относится к знач. 1 в БТС – как к устаревшему, редкому, малоупотребительному, поэтическому или как-то еще? Будучи первым, но, видимо, не основным и не сопровождаясь никакими пометами, может ли восприниматься это значение как характерное для современного русского языка (конца XX века), если учесть,

что в МАС, издававшемся в первой половине 80-х гг., это значение давалось как подзначение, оттенок значения отадъективного *пламя* → *пламенный* с пометой *устар.* (см. ниже), однако не как прямое, а как переносное? Активно ли это использование, продолжает ли остаться ли быть активным для современного языка? И почему такая бросающаяся в глаза непоследовательность, чем ее объяснить – ярко горящий, пылающий (о костре, жаре, печи) и ярко горящий, пылающий, но фактически в переносном и поэтическом употреблении?

3) Для советского словоупотребления интерес должно представлять знач. 3, но почему же тогда БТС дает его без соответствующих постсоветскому времени пояснений? Можно ли считать, продолжать считать это значение уже лишенным советскости и ставшим общим, употребительным для современного языка (конца XX – начала XXI века)? Как тогда трактовать подачу его как советизма в *Толковом словаре русского языка конца XX века*? Как непоследовательность, анахронизм, несовпадение точек зрения составителей двух словарей?

Пламенный 1. Ярко горящий, пылающий. *П. костер. П. жар. П-ая печь* (техн.; заводская печь, в которой материал обрабатывается жаром пламени без смешения с топливом). 2. Жаркий, горячий. *П. лоб больного.* 3. Пылкий, страстный. *П. пропагандист чьих-л. взглядов. П. приверженец чего-л. п. борец за что-л. П. патриот. П-ое желание любви.* || Выражающий пылкость, страстность (о глазах, взоре и т.п.). *П. взгляд. П-ые глаза. П. голос.* 4. Наполненный страстью; воодушевлением. *П-ые стихи. П-ая речь. П-ые объятия. П. тапец. П-ая любовь. П-ая вера. П-ая страсть. П. призыв.* 5. Ярко- или оранжево-красный, цвета пламени. *П-ые закатные лучи солнца. П-ые гроздьи*

рябины. < Пламенно, Пламенность. (Большой толковый словарь русского языка)

4) Сопоставляя значения БТС со значениями, приводимыми в МАС, хотелось бы обратить внимание на дифференциацию в оттенках знач. 3, подаваемого как перен., но без каких-либо, само собой разумеется, отнесений к текстам пропагандистски направленного или публицистического характера. Можно задаться вопросом – было ли это 3 значение значением общелитературного языка, русского языка советского времени или связанным с определенным рода политизированными и идеологическими употреблениями и дискурсами? Тогда русский язык советского времени воспринимался носителями и русистами как язык, пронизанный и в себя без разбору включающий такие значения и употребления слов, его, русский язык, соответствующим образом обогатившие и обогащающие? Или все же такие слова и значения четко привязывались в языковом сознании к соответствующей официально-публичной (скажем так) и политической сфере?

5) Говоря об оттенках знач. 3 в МАС, стоило бы обратить внимание и как-то себе объяснить их отличие, дифференциацию, смысл применительно к пропагандистским, публицистическим и политическим текстам, в том числе и советского официоза, языка, скажем так, второй половины XX века, т.е. для устоявшейся и довольно стабильной формы русского языка советской эпохи. *Пламенный патриотизм, пламенное желание, пламенные речи* являются ли употреблениями языка советского времени или, возникнув раньше, были языком той эпохи использованы? И остались ли они в языке, наступившем после, или ушли в пассив, будучи наделены в

восприятии соответствующим отпечатком? И, наконец, *пламенный* как эпитет коммуниста — к какому из оттенков 3 знач. МАС можно было бы отнести? Или, может быть, не к одному, а к двум или трем? Или потребовалось бы еще дополнительно какое-то при всем том уточнение?

Пламенный. 1. *Устар. Прил. к пламя (в 1 знач.). Прокофьев рассказывал потом, что в этот момент он не слышал взрыва и не видел пламенного столба. Куприн, Сашка и Яшка. || Ярко горящий, пылающий. Кто вынес их [страдания], Тот уж конечно без боязни Взойдет на пламенный костер.* Пушкин, Евгений Онегин (из ранних редакций). **2.** *Жаркий, горячий. Щека ее прижалась к моей, и я почувствовал на лице моем ее пламенное дыхание.* Лермонтов, Тамань. [Дон Жуан:] *Пред ним одна лишь степь, Песков сыпучих пламенное море!* А.К. Толстой, Дон Жуан. **3.** *перен. Пылкий, страстный. Пламенный патриотизм. Пламенный революционер.* □ *Князь Р. был влюблен страстно и безумно; такая же пламенная любовь была ему ответом.* Гоголь, Портрет. *Его ученик вспыхнул пламенным желанием учиться.* М. Горький, Жизнь Матвея Кожемякина. || *Выражающий пылкость, страстность (о глазах, взоре и т.п.). Пламенный взгляд.* □ [Арбенин:] *Так не презрение, но страх Прочел я в ваших пламенных глазах.* Лермонтов, Маскарад. || *Исполненный страсти, подъема, воодушевления. Пламенные стихи.* □ *Ленин вышел к ожидавшей его массе и, поднявшись на броневик, произнес свою знаменитую речь — пламенный призыв к борьбе.* Тихонов, Ленинград принимает бой. **4.** *Ярко- или оранжево-красный, цвета пламени. Что за виды! какой пламенный закат! Какой пожар на горизонте! В какие краски оделись эти деревья и цветы!* И. Гончаров, Фрегат «Паллада». *Пламенные флаги плескались над готовым зданием*

общественных организаций. Гладков, Энергия. ◇ **Пламенная печь** (*тех.*) – промышленная печь, в которой тепло для нагрева или плавления материала получается в результате непосредственного сжигания топлива. (МАС)

б) В связи с этим можно ли считать достаточным и удовлетворительным объяснение лексики языка советского времени, хотя бы и недостаточно ясной и определенной в своей семантике в силу вполне понятных и объективных причин пропагандистской ее нередко направленности, то объяснение, которое продолжает встречаться по существующим, уже и новейшего времени, словарям? Определения БТС для этого можно было бы сравнить с определениями *Нового словаря русского языка*, в котором интересующее нас 3 знач. дается без всяких соотношений с употреблениями советского времени, т.е., так следовало бы понимать, как нейтральное и вполне современное, употребительное, продолжающее нормально использоваться в языке конца XX – начала XXI века значение:

Пламенный 1. Соотносящийся по знач. с сущ.: пламя (1), связанный с ним. 2. Свойственный пламени (1), характерный для него. // Обжигающе-горячий. 3. *перен.* Пылкий, страстный (о человеке). // Преисполненный пылости, воодушевления. 4. Имеющий цвет пламени; алый. (Т.Ф. Ефремова, Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный.)

Непоследовательность, отмеченная в приводимых вопросах, вполне понятная и объяснимая, преодолимая (если это вообще возможно) с немалым трудом, в силу целого комплекса самых различных причин, в том числе и

инерции, и нераспознавания, неузнавания типично или не слишком типично советского словоупотребления или даже значения слова, связывается не в последнюю очередь с адаптирующими и абсорбирующими способностями самого языка. Язык пропитывается внутри себя какой-то введенной когда-то в него экспрессивной и смысловой природой и постепенно, этапами и с немалым трудом, в силу своей стихии и массы, может с большими временными растяжками, отступлениями и возвращениями что-то такое преодолевать. Собственно говоря, не язык, сознание, языковое сознание его носителей.

К типологическому представлению данной проблемы отчасти обращена нижеследующая, находящаяся в печати, статья.

Лексика предыдущего состояния в аспекте изучения изменений лексического состава современного языка.

Работа посвящена проблеме неполного перехода в пассив той части лексики языка предыдущего состояния (языка советской эпохи), которая обнаруживает в своих значениях более или менее ощутимые признаки прежних оценок и представлений. На материале негативно оценочных единиц, называющих человека, выделяются группы, предполагающие различную степень и виды лексических (семантических, коннотативных, оценочных) изменений и трансформаций. Их действием в языке регулируется и обуславливается, с одной стороны, различная степень ухода (или же неухода) в пассив единиц предыдущего состояния, а с другой, включение и адаптация таких единиц в языке новейшего времени. Представленный материал ориентирован к задачам изучения смены

языковых состояний, являющихся следствием общественно-политических перемен, что находит свое отражение в лексике, устройстве и организации ее состава, в ядре и перифериях, в соотношении актива с пассивом, в столкновении старого с новым.

Изучение языка в его новейшем, последнего времени, состоянии для того, чтобы быть понятным в своих особенностях, должно учитывать, хотя бы в виде тенденций и проявлений, наиболее значимые черты состояния предыдущего. В условиях стремительно происходящих (осуществивших себя) процессов языкового развития, характерных для языков Восточной Европы, в том числе и для русского, в конце XX – начале XXI веков, такая необходимость приобретает особую остроту. Перераспределение и заметные сдвиги, в первую очередь в лексике, связываемые с изменениями в ее активном и пассивном составе, становятся причиной культурно-исторического разрыва, способного привести к утрате живой, осязаемой связи с предшествующими этапами и поколениями. И, как следствие, к непониманию, ущербному либо неверному пониманию предыдущего социального опыта, а тем самым, и к коммуникативным помехам и нарушениям. Другой стороной такого наглядного изменения, наблюдаемого в короткой временной про- и ретроспективе, может стать ощущение живой материи языка в ее динамике, открывающее возможность для изучения и понимания процессов языкового развития в закономерных его особенностях.

Немаловажной стороной происходящих в языке на рубеже двух столетий преобразований является также и то, что они оказались следствием изменений в ментальности, отразивших себя в системе общественных представлений,

приоритетов, оценок, значимостей, а с этим в языковой картине мира и языковом сознании. Следствием всего этого становятся изменения в процессах порождения, восприятия и понимания речи, ключ к осознанию которых отчасти может себя объявить в характере осуществивших себя преобразований лексического характера.

Отмечаемые исследователями сдвиги и изменения значительных по своему составу словарных пластов, вызванные к жизни стремительными общественными переменами [Скляревская 1998: 8], могут дать материал для суждений не только о лексике и законах языкового развития, но и характере изменений общественного сознания. Возможность, не слишком часто предоставляемая и наблюдаемая в столь сжатом виде и в столь короткий период времени в истории и в языке, а потому заслуживающая внимания и изучения.

В современной русистике немало сделано для как можно более полного и всестороннего описания и представления произошедших на рубеже веков изменений²⁴. Достигнутый уровень этой разносторонности, а также собранный и описанный лексический материал позволяет ставить вопросы дальнейшего, более углубленного, рассмотрения, имеющего как общетеоретический, так и практический выход и смысл. С одной стороны, представлялось бы важным и показательным осмысление того, что именно объявило себя в результате всех этих изменений как новое и закрепило затем себя, уже как не новое, и довольно скоро, в общественном, в языковом сознании и в языке. Равным образом как и то, что исчезло или только нейтрализовало себя, перейдя или же уходя в пассив, отчасти еще как знакомое и известное, отчасти уже как бы и не совсем и не всем, – в чем и как и в какой своей части? А с другой, не менее важным и значимым, имеющим

свою далеко не одну познавательную и историческую достопримечательность и примечательность для обучения языку, имело бы представление о том, что еще так недавно было и чего уже, по крайней мере в том самом и прежнем виде, как бы и нет, но что еще где-то там существует, в языковом сознании и языке, но где и как, и в каком своем виде?

Отмечая происходившие на рубеже 80-90-х годов XX столетия явления в лексике, О.П. Ермакова обратила внимание на процессы деактуализации, деидеологизации, деполитизации, с одной стороны, и активизации, политизации, метафоризации, с другой, что в известном смысле можно было бы рассматривать как следствие разрушения прежней смысловой корреляции и возникновение новой [Ермакова 2000: 33] под действием социально-политических процессов и меняющихся общественных отношений. Слова перестают обозначать советские реалии и а) либо устаревают, уходят в пассив (*горком, облизполком, воскресник*), б) либо утрачивают бывшие для них типичными значения советского времени, становясь в соответствующих значениях семантическими архаизмами (*партия* в значении 'коммунистическая', *треугольник* 'комиссия, состоящая из руководителя, секретаря парторганизации и председателя профсоюза', *призывы, характеристика, установка, сигнал, ответственный, невыездной*), в) либо, деидеологизируясь, утрачивают прежние идеологические приращения и коннотации (*бизнес, советолог, конкуренция, миллионер, диссидент, частник, собственник*)²⁵. Одновременно с этим наблюдаются встречные течения, связанные с появлением новых актуализируемых, политизируемых, коннотируемых единиц. Процессы эти связываются с существующим (впрочем, и существовавшим) идеологическим расслоением

в обществе, вышедшем на поверхность и получившим на какое-то время способность публично себя выражать. В связи с чем некоторые из этих слов могут иметь далеко не сходные семантические и коннотативные сопровождения в зависимости от политических и социальных предпочтений субъекта речи. Идеологизируемые и деидеологизируемые единицы советского и постсоветского периода развития русского языка, тем самым, становятся средством выражения той или иной идеологической ориентации.

Состояние перехода, отображающего и выражающего себя в общественном и политическом словаре, имеет фазы, в изменяющемся и отчасти поступательном перемещении которых можно отметить то, что условно выглядело бы как начало, с его демонстративным отказом от прошлого, и то, что можно воспринимать как его стабилизирующий новое состояние конец, опосредованно или прямо снимающий остроту отвергающего начала. Обе эти фазы, как тенденции и признаки, могут присутствовать на каждом этапе подобного перехода одновременно. Предметом предлагаемого рассмотрения были особенности, характеризующие фазу, а также направленность, отрицания, отказа от прежнего, в данном случае советского, советизированного, публичного, общественно-идеологического положения вещей. Того положения, которое формировало представление о действительности, укладываемое в позиции, к которым вырабатывалось и существовало отношение одобрения, неодобрения либо насмешливо-отстраненного безразличия. Материалом рассмотрения были отмеченные идеологически, негативно окрашенные обозначения людей, определяющие их положение в формируемом в общественном сознании представлении действительности,

устойчиво и не случайно, а для наших целей также и значимо, называемой советской.

Лексика, о которой речь, заряженная десятилетиями воздействия не только идеологии и пропаганды, но и самими условиями создаваемой жизни, менявшими представления и смысл, а тем самым, и языковое сознание говорящих, эта лексика не может сразу уйти и не уходит вся целиком в пассив. Такой уход, а точнее переход, обозначаемый в литературе как преобразования и трансформации в семантике и сочетаемости, связанные с усилением функциональной мобильности языковых единиц [Какорина 2000: 67], имеет следствием различные по силе и уровню отображения, которые можно было бы, при известной доле условности, уложить в последовательности, если не в полной мере традиционной, то все же предполагающей некоторую дифференциацию в степени. Если представить (условно) словарь языка советского времени как некую целостность в его отношении к признаку связи с советской спецификой (опять же условно, поскольку эту специфику необходимо было бы определить), то что-то в нем, какую-то его часть, можно было бы обозначить и воспринять как ядро, а все остальное – как постепенно от него удаляющуюся в разных своих пластах и частях периферию. Учитывая организуемую, во многом сознательно, системность идеологизированного построения отображенной в сознании и языке конструкции, называемой советской действительностью, в таком подходе к предмету ничего ни противоречивого, ни несообразного нет. Результатом падения подобного рода конструкции, ее ухода с общественной сцены, окажется не исчезновение ее из общественного и языкового сознания, как можно было бы предполагать, а трансформация в какие-то новые положения и состояния, предполагающие своего рода

трассирующий, инертно осуществляемый и на завершающий себя однозначно и окончательно переход, временно останавливающийся, задерживающийся на какой-то и в чем-то себя воплотившей и выжидательной стадии. Причину этому следовало бы искать в инертности массы общественного и языкового сознания, не способного к быстрым и резким сменам и переменам, в неполной явности, уровневости, градуальности проникновения и насыщения лексики признаками советизированных представлений и впечатлений и, наконец, в самой особенности исследовательского подхода и лингвистического взгляда на свой объект, т.е. язык, не случайно и очень точно определяемый понятием среза. Иными словами, того, что дает представление, открывает вид остановленного движения, выхваченного момента не законченного, впрочем, и не завершающего себя живого процесса языкового развития.

Подходя к изучению интересующей нас лексики в обозначенном отношении, имело бы смысл учитывать все эти три составляющих, с одной стороны, обуславливающих возможный и получаемый результат, а с другой, принимающих от него свои неизбежные следствия. Изучая лексику состояния перехода, вызванного изменениями в общественной жизни, вольно или невольно мы получаем по крайней мере трехмерные данные — в отношении общественного и языкового сознания до и после подобного перехода, в отношении устройства и функционирования словаря языка, в его ядре и перифериях, активном и пассивном составе, и, наконец, в отношении особенностей и способности взгляда, т.е. исследовательского, изучающего и обучающего подхода к явлениям языка. Три этих аспекта и три результата стоит иметь в виду при обращении к подобного рода языковому материалу.

Степень освобождения лексической единицы от компонента, связываемого в ней с показателем советизированности, зависит от обозначаемого единицы, его вида и актуальности в языке советского времени. Однако это только общее правило. Характер ее подобного рода отмеченности обуславливается также сигнификативной и коннотативной маркированностью, организованностью семантики, оценочностью, ассоциативностью и сочетаемостью. Со всем тем, что можно было бы определить, уложив в представление **степень и вид узуальной причастности языку советского времени**. Изучение этого представления во всей его полноте – задача, требующая немалых и всесторонних усилий. В настоящей статье лишь самым беглым и неподробным образом предполагалось только коснуться этой проблемы, остановившись на некоторых возможных группах, выделяемых на основании вида и степени узуальной причастности, в пределах слов, выступавших (и выступающих) советски маркированными обозначениями человека.

1. Первую подобного рода группу могли бы представить слова с явно выраженными и ощутимыми маркерами советской причастности, активного некогда словоупотребления, воспринимаемые как знаки, приметы советского времени, прочно ассоциируемые с соответствующими оценками, идеологическими и политическими периодами, кампаниями, очередными задачами, установками и проработками. Часть из них, в соответствующем советском значении, уходит в пассив, в котором ряд из них забывается, нередко теряя или стирая некогда бывшую в них советскую выраженность, часть, оставаясь в целом в активе, становится менее употребительными или привязываемыми к определенного

рода контекстам, не всегда специфично советским, но особым каким-то образом оценочно-коннотируемым. И, наконец, еще одна, и немалая часть, иногда оставаясь, а иногда уже как бы и нет, для языкового сознания связываемой с советской спецификой (нередко требуя или предполагая для этого оживляющих память контекстов, аллюзий, намеков), подвергается трансформирующим лексическое значение преобразованиям, привязывающим слово к реалиям постсоветской действительности, нередко также и отрывающим его от советского прошлого.

Первую группу, тем самым, можно было бы разделить на четыре подгруппы с дальнейшим подразделением (которое в силу неоднозначности, многомерности и незавершенности материала в реализациях, но не в самих позициях, следовало бы определять, особенно в ряде случаев, как условное и не единственное):

- 1.1. слова-советизмы, уходящие как таковые в пассив, но еще памятные (в различной степени) для языкового сознания – *авральщик, господчик, лакировщик, подписант, уравниловец, церковник, штурмовщик*²⁶;
- 1.2. забывающиеся слова-советизмы, теряющие либо стирающие для языкового сознания свою советскую выраженность а) уходящие при этом в пассив – *беспорточный, лабазник, окруженец, отверженец, отзовист, подпанок, подручник, сподручник*; б) не обязательно в него как слова уходящие – *перерожденец, подручный, сподручный, пораженец*;
- 1.3. слова, остающиеся в активе, но становящиеся менее употребительными а) со специфично советской – *антисоветчик, диссидент*,

инакомыслящий, космополит, неблагонадёжный, невыездной, попутчик, элемент либо б) не исключительно или не обязательно – *гегемон, левак, несун, оппортунист, правозащитник, ренегат, ястреб* оценочностью и коннотацией;

- 1.4. трансформирующие свои советские в прошлом значения слова а) все еще связываемые – *агитатор, активист, аллилуйщик, антиобщественник, белогвардеец, белый, буржуй, дифирамбщик, загибщик, зажимщик, комитетчик, контрреволюционер, краснюк, кулак, лишенец, мешочник, мироед, перегибщик, подкулачник, прижимщик, примазавшийся, ревизионист, самогонщик, середняк, спекулянт, срывщик, стилига, топтун, топотун, троцкист, угнетатель, фракционер, эксплуататор* либо б) уже и не обязательно связываемые без соответствующих контекстов с советской спецификой, без окончательного разрыва – *аппаратчик, невозвращенец, номенклатурищик, отказник, последние, стукач, уклонист, украшатель, фарцовщик* либо с уже ощутимым разрывом (в различной степени) с советским прошлым – *единоличник, лавочник, либерал, наёмник, отщепенец, перестраховщик, подзаборник, потребитель, хозяйчик.*

2. Вторую группу, в контексте рассматриваемого движения-перехода, можно было бы определить как слова (сочетания слов) возможные в своем употреблении, своего рода потенциально, как не советские, однако в силу бывшей для них характерной активности в языке советского времени, как правило с соответствующей коннотацией и оценочностью, их такое использование для языка

последнего времени в целом не характерно. Слова эти вне советски маркируемых оценочных употреблений (в целях соотнесения с прошлым либо для передачи соответствующих коннотаций), как правило, не встречаются. Можно было бы говорить о деактуализации слов данной группы для речевого использования, с переходом их в разряд малоупотребительных, не слишком часто встречающихся и даже редких.

Подразделение слов этой группы затрагивало бы три показателя – степень связанности с типично советскими ориентированностью и коннотацией, сохранение их и заряженность ими (1), возможность наличия освобожденного от советизированных маркеров и ориентиров значения (наряду с сохраняющимся ориентированным) и его большая или меньшая определенность, понятность и очевидность для говорящих (2) и, наконец, их большая или меньшая, как следствие из всего этого, известность (3), но не активность живого употребления, а стертость или, наоборот, нестертость как тех единиц, которые остаются как бы на переходе, в некоторой промежуточной стадии, отчасти уйдя, но еще как бы и не до конца, в пассив, оставаясь в активе знания (хотя опять же вопрос – для кого, для какого слоя и возраста говорящих?), но не в активе употребления. Три критерия, по-разному соединяясь, дают возможность для выделения четырех подгрупп:

2.1. слова довольно активного в прошлом советского словоупотребления, способные в целом использоваться в освобожденных значениях и имеющие (имевшие) их, но, как правило, в силу прошлой своей активности, в языке последнего времени избегаемые, хотя и возможные, как с советскими смысловыми и коннотативными сопровождениями, так и без таковых, – *беспартийный*,

вульгаризатор, двурушник, идейный, мещанин, обыватель, растратчик, расхититель, рупор, саботажник, служитель культа, сорняк, фальсификатор, хаятель, хулигель;

2.2. слова, уже несколько стершие свою советскую маркировку, но, в силу новых условий, либо утратившие свою актуальность, как не нашедшие места в новой действительности (актуальность утратили их означаемые, хотя, возможно, и не ушли), либо по семантическим или коннотативным причинам вытесненные другими, более подходящими, а потому, хотя и возможные и иногда, может быть, и встречаемые, но значительно ограничившие свою частотность и употребительность – *диверсант, критикан, отравитель, очковтиратель;*

2.3. слова, в своих значениях и коннотациях как советские вроде и не воспринимаемые, в силу своей либо периферийности в языке советского времени – *инсинуатор, осквернитель*, либо активности, обусловленной в большей или меньшей степени периодом советской истории, т.е. активности ограниченной – *злыхатель, лизоблюд, переносчик слухов, писун, пособник, пошляк, приобретатель, разносчик (сплетен, слухов)*, однако мало и редко встречаемые в языке последнего времени, как по причине несоответствия свойственной им оценочности, так и в силу осязности в них духа прошлого;

2.4. слова, остающиеся для языкового сознания словами советского времени и его периодов, не обязательно уходящие при этом в пассив, способные (потенциально) употребляться вне советски маркированных употреблений, хотя в целом им это не слишком свойственно, в силу ли историчности – *бай, басмач, бывший, фриц*, в силу ли постепенной стираемости для языкового сознания номинативных и мотивирующих поводов и причин такого обозначения – *капитулянт, летун, мастерюга*.

3. Третью группу могли бы представить слова, воспринимаемые теперь как не специфично советские либо с остаточной советизированной отнесенностью, однако в целом малоупотребительные, нередко воспринимаемые как устаревшие. В эту же группу имело бы смысл отнести трансформируемые слова, меняющие свои значения, возникшие или же возникающие как новые (или не новые), замещающие прежние устаревшие и их вытесняющие. Общий, объединяющий признак группы в этом случае состоял бы в идее потенциальной трансформативности, по-разному осуществляющей себя в речи и языке – от возможности новых использований, далеко не всегда проявляемой, через более или менее регулярные проявления до возникновения новых (возобновляемых, восстанавливаемых) значений, закрепляемых затем в языке. Причем значения эти могут себя объявлять как развитие, продолжение прежних, их дериваты, и как образования на основе других мотивирующих отношений. Возможное подразделение слов этой группы предполагало бы:

3.1. деактуализацию означаемого, с вероятным перемещением слова в пассив и восприятием его как историзма, с частичной либо остаточной возможностью к трансформации и переосмыслению (обновлению семантики) – *богоискатель, богостроитель, всепрощенец, непротивленец, толстовец, примиренец, упрощенец*;

3.2. деактуализацию не столько, может быть, самого означаемого, сколько устойчивого, устоявшегося, советским словоупотреблением закрепляемого, представления о нем, сопровождаемого соответствующей оценкой и коннотацией (сигнификативно-коннотативный характер маркированности), с большей – *вешатель, нигилист, пенкосниматель, перевертень, пережиток* и

меньшей зависимостью от нее – *приспешник, миротворитель, членовредитель*;

3.3. деактуализацию внутренней формы, мотивирующей основы той отнесенности, которая составляла особенность слова в период его использования в языке советского времени в специфической для него оценочности – *половинщик, порицатель, чиновочитатель, чревоуещатель*;

3.4. как следствие и дальнейшее развитие предыдущего – трансформацию, переосмысление прежней, советски маркированной, внутренней формы, с использованием ее в качестве мотивирующей основы новых значений (точнее было бы сказать, значений нового времени, отчасти как новообразований) – *ликвидатор*²⁷, *миротворец*²⁸, с освобождением ее от прежних коннотативных сопровождений, при сохранении как основы того же значения, но сигнификативно и коннотативно переосмысленного – *предприниматель*, с утратой, перемещением одного из значений, того советского, в едва ощутимый пассив – *хвостист* (последователь *хвостизма*), *целитель* (берущийся за оздоровление общества демагог-шарлатан).

4. Четвертую группу могли бы представить слова, в целом как бы утратившие непосредственную связанность с языком советского времени, в разной мере в прошлом активные в нем и достаточно для него характерные в своей как денотативной, так и сигнификативно-коннотативной части. Слова эти продолжают и могут употребляться не столько при этом в освобожденном от своего советского наполнения виде, сколько по некоторой речевой инерции, прямо вроде бы и не соотносясь с речевыми контекстами употребления прошлого, но сохраняя в себе ему свойственную внутреннюю ориентированность. В

известной мере это слова (как речевые узуальные словоупотребления), перешедшие в язык последующего состояния из языка советского времени без существенных изменений семантики, оценочности и коннотаций, в новых контекстах и речевых ситуациях, в новом тематическом, общественно-идеологическом и политическом окружении воспринимаемые как слова теперь не типично советского языка. Можно было бы выделить три узуальных возможности в отношении этих слов: 1) употребление по инерции, без особого ощущения свойственных им характеризующих признаков; 2) употребление их в целях обращения к советскому прошлому, своего рода как узуальная реконструкция (напоминание) прежнего состояния либо аллюзия; 3) сознательное или не слишком сознательное избегание их и стремление к замещениям либо использование с ощущением создаваемого ими коммуникативного неудобства, обусловленного их коннотативно-оценочным и сигнификативным фоном, свойственной им заряженностью. Их дальнейшее подразделение предполагало бы:

4.1. ощущимую в них советизированность, соотнесенность с прошлым, при осознании того, что сами эти слова советизмами как таковые не выступают и могут использоваться вне нападений советского прошлого, являясь словами общего, в том числе разговорного, языка — *алиментщик, анонимщик, валютчик, жалобщик, законник, идеалист, индивидуалист, кляузник, красnobай, материалист, начётчик, несознательный, низкопоклонник, подтасовщик, порубщик, прогульщик*;

4.2. свойственную им в прошлом и вызванную советскими обстоятельствами оценочность, сохраняемую нередко в употреблении в условиях также и постсоветской действительности — *барыга, вырожденец, долбонос,*

доходяга, крючоктвор, куркуль, лоботряс, матюгальник, мошенник, неплательщик, непрописанный, образованный, партизан, прожектёр, садист, самозастройщик, собственник, старатель, стяжатель, сутяга, сутяжник, трепач, фальшивомонетчик, шептун;

4.3. оценочность идейного, политического или «классового» противника (как следствие тематической биполярности языка пропаганды), следующую не столько из обстоятельств советской действительности, сколько из восприятия «не своего» и его неприятия в поведении, обращении, взглядах, жизненных целях, средствах их достижения и т.п. — *громкоговоритель* (раздражающий своим говорением не по делу, идейно сомнительно, громко), *двуликий, двуликий Янус, каратель, милитарист, националист, оппозиционер, увещеватель, усмиритель, фашист, хищник, частник, шовинист;*

4.4. стертую, обычно не ощущаемую маркированность в не слишком частых в целом употреблениях, нередко являющихся следствием, проявлением прежних, содержащих в себе в разной степени вероятные советизированные оценочно-коннотативные или системоценностные знаковые следы — *благодетель, благожелатель, блюститель, гонитель, моралист, мыслитель, наблюдатель, нарушитель, писатель* (тот, кто пишет много и не то, что бы следовало, с осуждением и неприязнью), *преследователь, созерцатель, сочинитель, спаситель* (претендующий на спасение общества), *эгоист.*

5. Пятую группу составляют слова, утратившие как таковые свою соотнесенность с языком советского времени, но в силу их довольно высокой в нем значимости, которую можно было бы определить как знаковую и символическую, в отношении объявлявшихся негативными качеств, характеристик и свойств человека, их использование в

языке постсоветского времени содержит в себе, и нередко, весьма ощутимую прежнюю обращенность. Слова эти, хотя и в различной степени, продолжают существовать как бы в двух узуальных проекциях, и современное их использование поэтому неизменно тянет советские представления, ассоциации, воспоминания, оценки и коннотации, создавая в них своего рода имеющуюся в виду либо чувствующуюся, осознаваемую подоплеку языка советской действительности и одновременно того, что можно было бы определить понятием советской языковой картины мира. Дальнейшее подразделение в этой группе предполагаю бы:

5.1. сильно заряженные оценкой того, что в советской картине мира можно представить как отвергаемое, относимое к сфере непримиримого антагонизма, из чего следует резко впечатавшаяся в языковое сознание советизированность этих слов – *авантюрист, агент, бандит, болтун, вредитель, изменник, клеветник, оборотень, осведомитель, перебежчик, перевертыш, провокатор, шпион*;

5.2. менее ярко выраженные как сугубо советские употребления, относимые к сфере не столько антагонизма, сколько морального отстранения, идейного неприятия, осуждения – позиции, свойств, поведения и характера человека, а не прямо направленных, намеренных или полунамеренных, антисоветских и антиобщественных действий угрозы-подрыва как свойств-проявлений в нем – *анекдотчик, враг, герой* (в ироническом смысле), *правдоискатель* (как недовольное и осуждающее), *предатель, прихвостень, прихлебатель, сионист* (как синоним империалисту), *человеконенавистник*;

5.3. не собственно советские по природе своей, но в языке советского времени с соответствующими

сигнификативными и коннотативными сопровождениями и характеристиками довольно активно использовавшиеся, в силу чего, и теряя или несколько нейтрализуя их, продолжают в этих своих наращениях ощущаться – *головотяп, графоман, дармод, демагог, иждивенец, паразит, пачкун, подстрекатель, приспособленец, рвач, склочник, соглашатель, трутень, тунядец, хапуга, хрипун, шабашник, шкурник*;

5.4. утрачивающие либо стирающие в себе некогда бывшие, если не непосредственно в языке советского времени появившиеся привязки, то в нем себя проявившие, меняя их советизированный характер и смысл на какой-то другой, далеко не всегда восстанавливаемый из внесоветского существования в языке, но при этом почти всегда неизбежно следовый – состояния перехода, предполагающего не до конца себя осуществивший отрыв от прошлого и не до конца себя завершивший процесс вхождения в настоящее – *грамотный* (в выражении *Тоже мне грамотный (отыскался)!*), *деляга, добытчик, отстающий, проситель, сознательный, троцкий, чинуша*.

6. Шестую группу составляют слова, в языке советского времени, со свойственной для него окраской и характеристикой хотя и использовавшиеся, но довольно легко от нее избавляющиеся, поскольку представляли собой актуализируемые словоупотребления с привязкой к советской действительности единиц, языку в его советизированной форме как таковые не свойственные. В связи с чем, перестав в соответствующих контекстах, идейных и тематических сопровождениях и включениях употребляться, они, нередко все же теряя активность и актуальность советского прошлого, в языке наступившего затем состояния используются без прочных ассоциаций с ним, а потому и не отторгаются, как им специфически не

заряженные. Дальнейшее подразделение слов этой группы могло бы учитывать характер их прежней ориентированности, объявляющий себя в разной степени и способный к актуализации:

6.1. в отношении действий и проявлений со стороны субъекта, подвергавшихся осуждению, неприятию, резкой оценке, воспринимаясь как следствие советских жизненных и(ли) системой предполагавшихся обстоятельств – *бракодел, буквалист, буквоед, бумагомарака, бумагомаратель, бюрократ, ваятель* (производитель чего-л. воспринимаемого как сомнительное и неодобряемое), *взяточник, волокитчик, грабитель, делец, деловой, деятель, доносчик, дурильщик, дятел* (стукач), *интриган, карьерист, комплиментищик, конъюнктурщик, крикун, лизун, лицемер, ловкач, лодырь, любитель, наушник, подражатель, подхалим, поклёщик, политикан, понукальщик, сплетник, сыщик*;

6.2. в отношении не столько действий, сколько позиции, состояния и характера, не объявляющих себя как привязанные к советской специфике, возможные как таковые и вне ее, в советском контексте и с соответствующей ему точки зрения не одобряемые как проявления антиобщественные – *беспаспортный, босяк, вор*, достойные осуждения в силу их агрессивности – *вояка, громила, душител, изверг, погромщик*, неприемлемые для концепции нового человека, противоречащие желаемым объявляемым свойствам – *раб, скоморох, слуга*, не одобряемые как способные внести нарушения в создаваемый общественный строй – *крохобор, правдолюб, правдоруб, самозванец, фрондёр*;

6.3. в отношении внутренних и поведенческих свойств, в советской действительности и советской концепции человека воспринимавшихся как нежелательные,

создающие неудобства либо являющиеся проявлением неприятия, несоблюдения ее моральных и социальных норм – *аккуратист, артист, бездельник, висельник, волюнщик, говорун, горлодёр, горлопан, горлохват, гуляка, дебошир, дистрофик, дохляк, захребетник, интеллигент, клоун, матерюга, мозгляк, паникёр, писака, плясун, подкаблучник, попрыгун, портач, потатчик, пьяница, рифмач, самовольщик, сообщник, соучастник, трюкач, фокусник, халтурщик, халявщик, хулиган, циркач, чистоплюй, шантажист;*

6.4. в отношении свойств, которые можно было бы определить как аспектуальные, в контексте советской действительности и советского языка проявляющие себя как препятствующие и неудобные положения, создаваемые субъектом, в силу не всегда от него зависящих и не поддающихся корректировке особенностей, – *вольнослушатель, вымогатель, гад, головорез, гробокопатель, доброжелатель, знаток, индивид, индивидуум, неграмотный, недоброжелатель, обличитель, пацифист, притворщик, прорицатель, радель, разоблачитель, рачитель, реформатор, сожигатель, указчик, утешитель.*

В особую группу, что не исключает возможности их отнесения в одну из шести представленных, можно было бы выделить единицы, обнаруживающие свою характерность лишь в сочетаемости, фразеологизованного, клишированного либо контекстного типа, иногда обусловленных также и формой (множественного числа): *авторитет (дутый), аморальный (тип, товарищ), бездейный (он человек), лакей, лакеи (буржуазии, империализма), мечтатель (бесплодный), палач (трудового народа, рабочего класса), пасквильянт (подлый, низкий, грязный), поджигатели (войны), подрыватели (основ,*

устоев), прислужники (капитала, буржуазии), проститутка (политическая), сволочь (контрреволюционная, белогвардейская), убийцы (Кирова, в белых халатах), чиновник (бездушный).

Весьма специфическими и потому способными составить предмет отдельного рассмотрения, хотя и не обязательно с выделением в группу, являются единицы, характерные для речи какой-либо социальной, профессиональной, образовательно-возрастной или иной среды: *бурильщик, глубинный бурильщик, глубинщик (гэбист), графолог* (дотошно изучающий подлинность подаваемого документа), *гуталин, гуталинщик* (Сталин), *керосинщик* (провоцирующий других к компрометирующим действиям), *коллективщик* (один из авторов коллективной жалобы-обращения), *локатор* (тайный стукач), *толкач* (проталкивающий дела и др.), *удильщик* (тайный наблюдатель, возможно стукач), *укротитель* (суровый начальник).

Затронутые проблемы, связанные с изучением переходов и смены языковых состояний, являющихся следствием общественных перемен, находя свое выражение в переустройстве и трансформациях языкового сознания, предполагают, как это следует из материала, довольно подробную и системную разработку признаков, ориентируемых к понятию языковой (и не только) картины мира. Для конца XX – начала XXI века в отношении русского языка такой картиной должна быть советская в сопоставлении с той, которая складывается и наступает после нее, не вырастая прямо, не продолжая, но и не в полной мере опровергая ее. Характер связей и отношений данного состояния с состоянием предыдущим, в случае не эволюционного, а скачкообразного перехода,

предполагающего смену существовавших до этого оценочно-мировоззренческих парадигм, объявляет себя в различии семантических форм, допускающем определение меры 1) ухода в прошлое с переходом в пассив каких-либо значимых и маркированных единиц; 2) утраты признаков прежнего состояния, нейтрализации и замещения их другими (какими именно и почему?) в тех единицах, которые, теряя прежнюю актуальность, не переходят в пассив языка; 3) преобразования, обновления и трансформаций признаков прежнего состояния без их утраты, с уточнением возможных и характерных видов и форм таких изменений для языковых единиц; 4) вхождения, перехода, возможно с потерями в актуальности, но без существенных изменений в структуре смысла тех единиц, которые остаются в активе и могут в себе обнаруживать, в различной степени и в каких-то случаях (в какой и в каких?), ощутимые следы предыдущего состояния.

Все эти, равно как и другие, проблемы, существенные для понимания и изучения языка в его отношении ко времени, к проявлению в действии и речевому использованию, подразумевались (никоим образом не разрешая себя) в том представлении групп с дальнейшим их подразделением, идея которых основывалась на постепенности перехода от состояния предыдущего к состоянию последующему на примере негативно окрашенных единиц, называющих человека. Мера и степень возможного освобождения от прежнего состояния и его следов, обуславливаясь семантикой денотативной и сигнификативной части (означаемое и общественное представление о нем), оценочностью, коннотативностью, системоценностными параметрами, в различных своих сочетаниях, отражает затем себя в том, что можно было бы схематично, без объяснения и уточнений,

определить как знаковость (приметы и символы времени), прикрепленность (связь с условиями, обстоятельствами или периодами прошлой действительности и ее представления), трансформативность (способность к перестановкам и замещениям компонентов значения), инертность (сохранение в новом признаков прошлого), двумерность (возможная одновременность значений как настоящего, так и прошлого состояния), аспектуальная оборачиваемость (связанная с возможностью остаточных впечатлений, не обязательно явно себя обнаруживающих, но где-то присутствующих и способных себя проявить в речевом сознании и(ли) в употреблении). Сочетание перечисленных признаков дает представление о возможности выделения типов и видов, основывающихся на соотношениях данного узуального состояния с предыдущим, предполагающих 1) более или менее знаковое и значимое оставление единиц в пассиве, 2) оседание их в прошлом, более или менее тесную связанность с ним, неполный или незавершенный уход, 3) изменение семантического состава, предполагающее обновление и неуход в пассив, хотя, возможно, и узуальную периферийность для нового состояния, 4) присутствие, более или менее остаточное, узуальных признаков прошлого без ухода в пассив, но с возможным ограничением употребительности, 5) возможную приблизительно равную одновременность узуальных значений двух состояний без ухода в пассив, 6) сохранение в активе с относительно легкой утратой признаков прошлого с возможностью узуального ориентированного обращения и возвращения к нему. Все это названнос, равно как и следующее из него дальнейшее, требует подробного и основательного изучения, а также проверки, на самом широком материале. Задача данной статьи ограничивалась

лишь указанием на проблему, имеющую как теоретическое, так и практическое значение при обучении языку.

Затрагиваемые проблемы связываются в немалой части с тем, что принято определять как **идеологический компонент значения**. Его природа, как представляется, изучена далеко недостаточно, в первую очередь применительно к лексикографической практике. Сложность проблемы состоит не в последнюю очередь в комбинаторном, не говоря уже о собственно смысловом, многообразии идеологического вхождения, включения, подключения, привязывания к семантике слова. Проблема касается явления так называемой деидеологизации, отмечаемого исследователями русского языка конца XX в. как характерная особенность перехода его публично-общественной формы от унитарного состояния к состоянию плюралистическому. В качестве наглядных и ярких примеров изменения социальной оценки и представления, передаваемых в слове и отражаемых, соответственно, в его употреблениях, общественном восприятии и затем лексикографическом толковании приводят обычно такие лексемы, как *фермер, банкир, миллионер, бизнесмен, предприниматель, акционер, частник, собственник* и т.п. Отход от идеологизированного общественно-политического языка, языка партийно-советского официоза и пропаганды, того языка, который неизбежно и обязательно был объектом описания в учебниках, словарях и грамматиках как язык образцовый, нормированный и литературный, сопровождался последовательным освобождением от прежних оценочно-идеологических характеристик значений слова, которое определяется и находит свое выражение в явлении, названном деидеологизацией.

В связи с обозначенным здесь переходом, как процессом неоднозначным и неодномоментным, имеющим свои закономерно-последовательные этапы и расхождения, возникает немало исследовательских проблем, одной из которых можно считать существующую в лексикографической практике инерцию и традицию толкования. Дефиниции лексических значений идеологически нагруженных в недавнем прошлом слов имеют в ней довольно незамысловатые способы освобождения, можно было бы даже сказать очистки, от советизированных, теперь нежелательных, идеологических смысловых и оценочных наслоений. В основном это элиминация (удаление) целого ряда модифицирующих и характеризующих лексем – *буржуазный, реакционный, капиталистический, эксплуататорский* и т.п., а также лексем эмоционально нагруженных или усиливающих, с их опущением либо замещением на нейтральные. При этом нередко сущность определяемого и выражаемого словом явления или понятия в концептуальном, связанном с языковым сознанием, картиной мира, существующими в представлении говорящих знаниями, системоценностными, меняющимися (или уже изменившимися) ориентирами, существенным образом или даже практически пересмотру и переоценке (переориентации) не подвергается. На примере некоторых выбранных из современных, новейших лексикографических описаний некогда идеологически ориентированных слов автор задается вопросами теоретического и практического характера, связанными с проблемами нового состояния общественно-политической, мировоззренческой и собственно идеологической лексики.

Идеологический компонент в толковании лексического значения (на материале обозначения лиц).

Процессы последних двух десятилетий, происходящие в языках Восточной Европы и в первую очередь в русском, стало принято связывать с освобождением ими от тех форм речевого использования, которые, проникая собой все возможные сферы публичного проявления, определялись понятием их идеологической обусловленности. Язык советского, социалистического, этапа развития, или, в нашем случае, русский язык советского времени, стал рассматриваться в его общественном виде как идеологизированный и тоталитарный [Купина 1995]. С характерными для него упрощениями, уподоблениями, предпочтениями, семантическими привязками и коннотациями, сопоставляясь, по-видимому, оправданно и закономерно, с той формой официального речевого использования и проявления системных средств, которую принято называть языком пропаганды [Стриженко 1980]; [Леонтьев 1987]; [Язык и стиль... 1988]. В советское время язык пропаганды, следуя из необходимости приобщения масс к основам единственно правильной идеологии и потому единственно для публичного выражения существующей, приравнивался фактически к языку политики, еще одной форме заряженного языкового использования, облекаясь и обустроиваясь в итоге в системе координат, обусловленных целями достижения и удержания власти [Блакар 1987]; [Лассан 1995]; [Чернявская 2006]. Идеология, пропаганда, политика, соединяясь и воплощая одновременно себя в языке, официальной, общественной форме его отражения, составляли тот сложный, с трудом делимый конгломерат, который, включаясь в семантику и

коннотации лексических, фразеологических и других единиц, аранжируя их специфическим образом, подвергали их преобразованиям, обозначенным позже понятием идеологизации. Противоположный процесс семантических изменений, начавшийся с конца 80-х гг. XX в., был соответственно обозначен как деидеологизация и связывался с освобождением значений от идеологических смысловых приращений, снятием одних и появлением других коннотаций [Ермакова 2000: 36].

Существенным для происходящих процессов, их понимания и результатов, отслеживаемых в языке, признается их связь с изменениями общественного сознания, идеологической переориентацией общества, сменой системы общественных ценностей, его концептуально-мировоззренческих парадигм, находящих свое отражение в том, что принято называть в последнее время языковой картиной мира, относя ее к тем представлениям, которые составляют включающие системы (структуры) языкового vs. логического (дологического, пралогического, мифологического) сознания. Для общественного сознания, таким образом, деидеологизация предстает как процесс изменения ориентиров. Не всегда, однако, как замещение одних на другие, но, практически почти неизбежно, как упразднение или, по крайней мере, ослабевание, нейтрализация, постепенное угасание старых. Для языкового сознания этот процесс может быть замечен как изменения в существовавшем до этого семантическом коде, т.е. способе, если коротко, насыщения и восприятия – смыслом, оценками, коннотациями, ассоциациями – языковых единиц. Для них же самих, на лексическом, фразеологическом, синтаксическом уровне, – в упразднении, замещении, изменении и т.п. того, что можно бы было назвать, используя принятый термин, их

идеологическим компонентом, который поэтому стоит, для целей исследования происходящих процессов, внутри единиц этих выявить, определить в характерных видах и формах и соответствующим образом далее описать.

В связи со сказанным заслуживает внимания также еще одна очень важная, чтобы не сказать руководящая и направляющая, идея. Точнее две, сопрягаемые, но поразному себя результирующие в затрагиваемом отношении. Первая почти непосредственно связывается с рассматриваемым вопросом. Вторая, более общая, предметно несколько от него отстоит, но составляет основу избираемого нами подхода. Первая определяет характер соотношения процессов и результатов того, что, за неимением более точного и при этом удобного и понятного обозначения, было названо идеологизацией, с одной стороны, и деидеологизацией, с отрицанием в префиксе *де-*, с другой. Вторая – характер исследовательского отношения к языку состояния посттоталитарного выхода в его привязке к тоталитарному языку (воспользуемся этими, неизбежно публицистическими, а потому заряженными и не всеми поэтому одобрительно воспринимаемыми, терминами, для простой понятности и сохранения преемственности, но без оценки).

Заслуживающие обстоятельного внимания, с выявлением и описанием стоящих за ними семантизирующих парадигмосистем, связанных с речевым производством и восприятием, идеологизация и деидеологизация не представляются, как это может казаться на первый взгляд, простыми процессами подключения (навешивания), а затем отключения (выведения, элиминации) некоторых смысловых, определяемых как идеологические, компонентов. Процессы эти сложны,

разноэтапны, многообразны и, что особенно хотелось бы подчеркнуть, не симметричны и не взаимнообратны.

Что касается языка состояния посттоталитарного выхода, то его облик, в развитии, характерных тенденциях, результатах, эффектах и мотивациях, можно понять и представить в известной мере как следствие предыдущего состояния, выводя их из соотношения и в связи с языком предшествующей, тоталитарной эпохи, следы которой продолжают в каких-то своих проявлениях оставаться. По замечанию Н.А. Купиной, «тоталитарный язык должен служить постоянным фоном изучения русского языка посттоталитарной эпохи» [Купина 2000: 183]. С чем трудно не согласиться, особенно в случае обращения к проблемам, связанным с изучением происходящих в языке последнего времени изменений.

Затронутые вопросы, в связи со сказанным, предполагают серьезное изучение не только и даже не столько новейшего, постсоветского, состояния языка, сколько концептуально иное, чем ранее, отношение к языку советского времени, а на этой основе и обстоятельное его исследование, в системных и речевых особенностях и проявлениях. Ибо есть что-то лежащее наверху, осознаваемое, явное и потому легко языком сменяемое и преодолеваемое. И есть нечто совсем иное, не осознаваемое, не чувствуемое, поскольку не прямо впитанное, через что-то другое, с ним вместе и в нем, что также может давать себя знать как идеологизация советского прошлого, идеологическое навешивание и смысловой довесок. Данное положение во многом универсально, а идеологизированный русский, советского времени, литературный язык может служить, в силу себя хорошо сохранившей и не вполне забытой еще семантики в разнообразии форм ее проявлений, неисчерпаемым объектом для изучения

соотношений языка и сознания, языка и идеологии, языка и политики, и пропаганды, и массовой психологии, и СМИ, и поп-культуры, и пр. Историческая перспектива, неактуальность и отстраненность, а также существование того же национального языка, но в состоянии как бы после и вне, только способствуют обстоятельности и объективности взгляда.

Предмет настоящего рассмотрения, будучи ограничен условиями объема, мог быть только самым коротким и несподробным, составляя лишь очень малую и лишь слегка намечаемую часть проблемы, связываемой с преодолением (сохранением, замещением, преобразованием в структуре языковых единиц) идеологического компонента значения. Проблемы, составляющей, в свою очередь, часть более общей и емкой – проблемы деидеологизации и с ней языковых изменений, возможных и(ли) происходящих как следствие смены общественных, концептуальных, идеологических, политических парадигм. По той же причине объема проиллюстрировать сказанное, в силу необходимости пояснений и сложности сопровождающей процедуры, можно было только поверхностно и на одном примере, оставив дальнейшее для более обстоятельных описаний.

Та часть проблемы преобразования русским языком в его последующем временном состоянии советского идеологического компонента в семантике единиц определенного круга, которая была предметом задуманного определения, сводилась бы для начала к установлению того, какое отображение подобного рода преобразования находят в имеющихся основных словарях. В сказанном многое в дальнейшем потребует, при основательном изучении, строго научного, следующего из действия и устройства описываемой системы, а не общего и расхожего

представления. И то, что значит *советский* применительно к идеологии в ее отражении в языковой семантике? И что собой представляют те единицы, которые подвергались подобного рода воздействиям, представляют ли они собой какой-то особенный, пронизываемый для идеологического воздействия, круг? Если да, то что это за единицы и что за круг? Если нет, то в какой мере и как открыты для такого воздействия единицы литературного языка? Как единицы системные или как речевые, когда как системные и когда как функциональные и речевые?

Все эти, равно как и другие, возможные и необходимые для понимания затрагиваемой проблемы, вопросы будут оставлены без внимания. Материал ограничивался примерами в основном из трех словарей, по-разному в разное время отобразивших интересующий нас семантический компонент. И эта их разность и привлекала, поскольку на данной основе представлялось возможным, опираясь на явно описанное и отраженное в общепринятых словарях, постараться вывести смысл того, что такое сам этот идеологический компонент в семантике единицы, какое отображение он находит в ее описании, что в нем способно, насколько способно меняться и, наконец, как, в какой мере он исчезает и исчезает ли или только, преобразуясь каким-то образом, меняет свое наполнение и(ли) форму. Ту форму, которая воспринимается и в которой носители языка более или менее себе отдают отчет.

Первое, на что следовало бы обратить внимание, говоря о передаваемых словарями, последовательных в выбранных нами этапах, преобразованиях смысла у ряда лексем, имеющих отношение к идеологическим насыщениям, это на их различие в видах преобразований, которое в дальнейшем можно было бы представить типологически. Причины отображаемых различий, помимо

тех, что связаны с субъективными представлениями и предпочтениями составителей, происходят во многом под действием в публичных текстах себя проявляющих изменений семантики, не столько отдельных слов, становящихся объектами лексикографических описаний, сколько идеологических представлений, акцентов и коннотаций, следующих из меняющихся под действием нового времени общественных установок, вводимых в официальный, а с этим и массовый, обиход. Речь здесь идет во многом о смене либо корректировке системы общественных ценностей, находящей затем отражение в идеологически заряжаемых лексемах, представляющих собой в этом случае конденсируемые, сжатые воплощения, сгустки, узлы отмечаемых как общепринятые и генерируемых с помощью текстов мировоззренческих, политических ориентиров, оценок и предпочтений. Этот аспект рассматриваемого круга проблем необходимо рассматривать самостоятельно, с определением характерного для каждого исследуемого этапа порождаемого текстами вида укладываемых в какой-то порядок общественных идеологических ценностей и установок.

Концентрируясь на предмете данного рассмотрения, возьмем для примера определения одной, бесспорно идеологически маркированной, лексической единицы из словарей, отмечающих а) этап становления (20-30-е гг.) того, что можно было бы называть советской идеологией, без дальнейших, необходимых в принципе, распространений и уточнений ее как понятия применительно к материалу; б) этап ее как сложившейся, в историческом отношении оказавшийся для нее завершающим (70-80-е), и в) так называемый постсоветский этап, отмечающий, либо отмеченный (возможно, это второе

было бы более точным определением происходящего) освобождением от советской идеологии, названным деидеологизацией, без дальнейшего, также важного и необходимого, уточнения данного термина. Первый этап нашел свое воплощение в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, 1935-1940 гг. изд. (далее ТСУ). Второй – в «Словаре русского языка», гл. ред. А.П. Евгеньева, 1981-1984, 2-е изд., испр. и доп. (МАС). Третий, в наиболее полном, как нам представляется, для постсоветского времени виде, в «Большом толковом словаре русского языка», гл. ред. С.А. Кузнецов, 1998, 2000 (БТС). Выбор намеченных к изучению определений идеологически маркируемых (в третьем случае, по исходному замыслу, демаркируемых) единиц обосновывался различиями в их идеологической маркировке (демаркировке), которые, при дальнейшей своей разработке, могут вывести на типологию идеологизирующих – деидеологизирующих соотношений.

И, наконец, еще одно, предполагающее внутренний замысел, уточнение, связанное с выбором материала. Взяты для рассмотрения (в данном случае с одной только своей стороны) обозначения лиц, характерные для языка советской действительности, имели смыслом необходимость, намерение изучить, уточнить и системно определить – характер явного и неявного, осознаваемого и неосознаваемого, сознательного и подразумеваемого, объявляемого и не объявляемого, отношения со стороны того или тех, кого бы можно считать субъектами, продуцентами либо носителями, советской идеологии, к человеку. Но не к советскому человеку как *homo soveticus* в общепринятом его понимании, а к человеку как таковому, но при этом не *homo sapiens*, а *homo publicus* или *socialis*, т.е. общественному, коллектива, группы и общества,

представителю, обладателю и воплотителю соответствующих свойств, укладываемых и связываемых с его временным, современным тому или иному советскому ориентиру, а не историческим либо внеисторическим, проявлением. Речь, иными словами, идет в данном случае о человеке как проявлении и одновременно объекте направленного воздействия, о человеке как сгустке, пучке конгемпоральных и инкорпорирующих, включающих его в отводимое идеологическим представлением общественное пространство, признаков, качеств, свойств. В своем обобщении и фактически – о советской концепции человека, в привязываемом к ее формирующим, селективным и продуцирующим заданиям отношении. За отсутствием места все это не может быть даже в самом коротком виде ни затронуто, ни как-то разъяснено, оставаясь в интенции, направляющей разбираемое на примере.

Идеологически маркируемое слово *ревизионист* во всех указанных ранее трех словарях толкуется через понятие *ревизионизма* (как его последователь или сторонник), а то, в свою очередь, через понятие *ревизии* в соответствующем значении. ТСУ дает следующее представление: **РЕВИЗИОНИЗМ** 1. Буржуазное извращение, фальсификация марксизма, заключающаяся в ревизии (см. ревизия во 2 знач.) революционных, экономических, политических и философских основ учения Маркса и в отказе от них в интересах буржуазии и сохранения капиталистического строя (полит.). 2. Вообще – направление, течение, подвергающее ревизии (во 2 знач.) какое-н. течение, теорию. *Ревизия*, в свою очередь, определяется во 2 знач. как 'пересмотр положений какого-н. учения или теории с целью внесения изменений, нарушающих, искажающих основы этого учения, теории'

(книжн.), с уточняющим дополнением: *Ревизия марксизма* (искажение учения Маркса оппортунистами под видом поправок и дополнений к нему). МАС, в отличие от ТСУ, предлагает только одно значение: **РЕВИЗИОНИЗМ** Оппортунистическое течение, заключающееся в ревизии, пересмотре положений марксизма-ленинизма и подмене их антинаучными теориями под предлогом творческого осмысления новых явлений действительности. *Ревизия* толкуется как 2. Пересмотр положений какого-л. учения, теории и т.п. с целью внесения в них коренных изменений. ... || Ревизионистский пересмотр. *Ревизия марксизма*. БТС, демаркируя смысл, дает фактически не привязанное к марксизму определение, соответствующее 2-му знач. в ТСУ: **РЕВИЗИОНИЗМ** О политических и научных течениях, подвергающих ревизии (2 зн.) какие-л. учения, теории и т.п. *Современный р. Мелкобуржуазный р.* 2 зн. *ревизии* в БТС при этом полностью совпадает с определением в МАС. В «Русском семантическом словаре» 1998 г. (РСС) *ревизионист* толкуется, с опорой на принятое в советский период определение, в том же порядке 1-го и 2-го, т.е. привязанного к марксизму и общего представления, как в ТСУ: В конце 19 – первой половине 20 в.: сторонник, последователь ревизионизма – течения в революционном движении, требующего пересмотра основных положений теории марксизма-ленинизма; вообще сторонник пересмотра какого-н. политического учения' *Правый, левый р.*

На примере определений данного слова по словарям трех периодов можно увидеть некоторые особенности, связываемые с включением идеологического компонента в состав дефиниций. Первое, на что следовало бы обратить внимание, это на их структурный состав, согласно которому определения в каждом из словарей предстают в различном

наборе возможных своих компонентов. В ТСУ это было бы (1) *буржуазное – /течение (2), как опущенный элемент, вбираемый последующим/ – (3) извращение, фальсификация, с привязанным уточнением – марксизма – и расщеплением в – (также 3) ревизия, понимаемая как нарушение, искажение основ, с переходом в 4, ревизия нарушение основ чего – (4) революционные, экономические, политические и философские основы учения Маркса (с расширением) – (5) отказ от них (цель, ради чего) – (6) в интересах буржуазии – и (7) сохранения капиталистического строя. МАС предполагает такой состав: (1) *оппортунистическое – (2) течение – (3) ревизия, пересмотр (положений, с целью внесения коренных изменений) – (4) положения марксизма-ленинизма – (5) подмена антинаучными теориями – (7) под предлогом творческого осмысления новых явлений действительности.* БТС предполагает следующую, не сопоставимую, впрочем, с указанными, структуру: *о (1) политических и научных – (2) течениях – (3) ревизия (как внесение коренных изменений) – (4) какие-л. учения, теории и т.п.* Сопоставимую в первой части определения структуру дает РСС: *(1) в революционном движении 19 – первой половины 20 в. – (2) течение – (3) пересмотр – (4) основные положения теории марксизма-ленинизма.**

ТСУ, таким образом, предполагает формулу 1 – /2/ 3 – 3 – 4 – 5 – 6 – 7 (при 2 имплицитно предполагаемым). МАС: 1 – 2 – 3 – 4 – 5 /6/ – 7 (с имплицитным 6). БТС: 1 – 2 – 3 – 4 (при 5, 6, 7 упраздненных, которые не определяются и не могут быть определены в силу идеологической открепленности, ремиссии характеризуемого смысла). РСС, соответственно, также 1 – 2 – 3 – 4 (при возможных как имплицитные, но с иным и не выраженным, допускаемым как множественное, представлением, чем в периоды ТСУ

или МАС, компонентах 5, 6 либо 7, следующих из 1 – в *революционном движении* и 4 – *марксизм-ленинизм*).

Обозначенные цифрами структурные компоненты состава словарных определений можно было бы выразить как (1) включающее в себя, содержащее в себе, большее, охватывающее по отношению к тому, что – (2) производимое кем, со стороны кого – (3) состоящее в чем – (4) касающееся чего – (5) ведущее к чему (что получается вследствие) – (6) осуществляемое в чьих интересах (направляемое кем) – (7) совершаемое во имя чего. Иначе, как (1) комплекс – (2) актив – (3) проекция – (4) директория – (5) аквизиция (лат. *acquirō, quisitum* ‘прибавлять, добавлять, увеличивать; приобретать’) – (6) каузация – (7) апелляция определяемого.

В соответствии с этим, одним из путей устранения идеологически маркированных элементов из определения будет их упразднение, или элиминация, что ведет к количественному сокращению состава. Упразднение может предполагать также отказ от самих значений, однако это вопрос не простой. Если сравнивать 1 и 2 знач. взятого слова по ТСУ, идеологически маркированное и нет, необходимо прежде всего уяснить, чем является 1-е по отношению ко 2-му – тем же, но конкретизированным, т.е. привязанным, определяющим не любое течение, а только то, которое рсвизует марксизм, либо значением самостоятельным. Решение, видимо, будет в пользу привязанности, и на основе сопоставления по предложенным компонентам 2-го и 1-го значений из ТСУ, с учетом их перестановки (поскольку без идеологической ангажированности 2-е знач. должно бы быть 1-м и наоборот) можно было бы делать выводы об операциях, связанных с искомой идеологизацией, т.е. привязыванием значений к единственно принятой идеологии. МАС, в свою

очередь, элиминирует, идя дальше, в условиях ее устоявшейся и сложившейся, общее, не привязанное значение, производя в нем необходимые для времени уточнения и поправки. БТС поступает наоборот, упраздняя привязанное и возвращая общее, бывшее 2-м в ТСУ и упраздненное в МАС значение. РСС, сохраняя порядок идеологической перестановки и следуя в этом за ТСУ, сохраняет привязанность, собственно, только в 4 (директория) и отчасти 1 (комплекс) компонентах состава, устраняя в них идеологическую маркированность и давая ее как привязанность фактологическую.

Упразднение, или элиминация, как способ (при этом следует обратить внимание на различие в имплицитном и элиминированном, т.е. не подразумеваемом, представлении компонента) стоит в ряду менее выразительных и, в известном смысле также менее частотных, – усечения, сокращения, замещения, перестановки, переоформления и изменения, часть из которых можно было бы относить и к явлению сменяющейся во времени идеологизации, как операции, производимой над идеологическим компонентом значений. Усечение, сокращение, замещение и изменение можно заметить на примере приведенного определения МАС, сопоставляя его с примером из ТСУ. В свою очередь БТС и РСС дают картину иного рода.

Все дальнейшее, отчасти следующее из сказанного и требующее более подробной и основательной проработки, за неимением места не может быть отражено. Хотелось бы в заключение обратить внимание на существенность для понимания происходящих в языковом сознании изменений не только пристального, но и системного отношения к материалу определений, представленных по словарям, с опорой на выводимые операции, способы и процедуры идеологической маркированности и демаркированности, их

характера, вида, связи со временем, типологии, с учетом последовательности, возможных последствий, законченности и полноты либо, напротив, незавершенности, промежуточности или контемпоральности, т.е. привязанности к моменту, его политическим требованиям и установкам. Все это, следующее из задуманного системного изучения подвергаемых де- и идеологизации дефиниций, присутствовало лишь как не выразившее себя намерение в настоящей статье.

Выходом из отнюдь непростой и с трудом разрешимой лексикографической ситуации, когда следы предыдущего состояния, которое также необходимо описывать и отмечать, постоянно и неизменно себя обнаруживают, иногда не воспринимаемые составителями (а с ними и носителями языка), а потому и не отделяемые и не различимые, в языке уже как бы и освободившемся либо освобождающемся от них, – выходом из этой практически и теоретически решаемой ситуации могло бы быть для начала стремление самостоятельного, отдельного описания лексики предыдущего состояния, лексики советизированного языка. С тем чтобы, затем оттолкнувшись от этого, пока это состояние еще до конца себя не забыло, постараться увидеть и различить в состоянии новом и наступившем то, что свойственно только ему, без субъективных нередко, не до конца обдумываемых, по инерции происходящих и переносимых из прежнего описания включений и оставлений в новом и себя изменившем того, что в нем уже себя не объявляет или не так объявляет или даже чего в нем уже нет. Неплохо такое, отчасти уже историческое, лексикографическое

представление сопровождать сопоставительными манифестациями, из словарей различного времени.

Подобного рода задача (как одна из возможных) была поставлена и себя разрешала на материале составленного автором и подготовленного к печати словаря «Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц» объемом 30 печатных листов. В словаре описывается около 400 такого рода лексем, типа *авантюрист, авральщик, дутый авторитет, агитатор, аккуратист, активист, алиментщик, анонимщик, антиобщественник, антисоветчик, аппаратчик, барыга, бездельник, безыдейный, благодетель, блюститель, болтун, бракодел, буквалист, буквоед, бумагомарака, бюрократ, валютчик, взяточник, волокитчик, волюнщик* и т.п. Предисловие к этому словарю и несколько словарных статей, в качестве образца, помещаются ниже.

**Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц.
[Предисловие к словарю]**

Одной из определяющих черт советской идеологии, как известно, было особое отношение к человеку. Отношение как к средству, цели, объекту и материалу проводимых в жизнь социальных идей, называемых, тогда и впоследствии, утопией и экспериментом. Далекими от реальности и осуществления, по мнению одних. Реальными и достижимыми, согласно твердой вере других. Третьи, кто с интересом, кто с опасениями, приглядывались к тому, что получится, что делается и что из этого эксперимента выходит. Теперь, когда путь созидания этой псевдореальности, будем надеяться, пройден и советское

время ушло, становится, стало ясно (во многом гораздо раньше, но далеко не многим), что то, что хотели создать идейные и политические создатели, отчасти им удалось. От той части, которая интересовала в первую очередь их самих. Всё остальное должно было им эту часть обеспечить и обустроить, и потому представляло собой то поле социально-психологического переделывания, которое укладывается в идею «формирование нового человека». Человеческий материал, как оказалось, особенно в массе, если за это дело приняться как следует, преобразованию поддается. Режимы (не только советским), базирующимися на общей для всех, а потому и единственной, признаваемой правильной, идеологии, в прошедшем веке, впрочем, как и во всей истории, данное положение удалось доказать. Особенностью советского социально-психологического эксперимента над человеческим естеством следовало бы считать поэтому не столько самоё такую задачу, не столько используемые для этого методы и приемы, не столько даже сам получившийся результат, сколько его историческую (в одно поколение) мгновенность, такую же, в одно поколение, сменяющуюся, переходящую во что-то другое, типологическую нестабильность и, при каком-то неясном, не планировавшемся, единстве, все же какой-то свой специфический, сутобо советский вид и типаж. Точнее было бы определить его галереей типов, поддающихся выявлению и описанию.

Сказанное, представляя собой итог размышлений над выбранным языковым и не только языковым материалом, может вызвать недоумение. Привычно думать, что всем известный советский социологический эксперимент не имел прецедентов – ни в смысле стоявших задач, ни в смысле методов и приемов, и уж тем более не в результате. Своей

обнажающей откровенностью, установкой на полное разрушение, уничтожение прежнего во всех возможных его областях, на окончательно-бесповоротное искоренение всего препятствующего во имя нового, поражая умы, одних притягивая этим и завораживая, других отвращая, сам он, этот эксперимент, становился почвой, примером для подражания либо, напротив, отталкивания и испирития – как беспокоящий, поскольку возможный, опасный либо желательный прецедент. Опасность его и возможность таились в природе податливого на обработку материала – человеческой массы, которую всегда, постоянно, тысячелетиями истории использовали все те, кто имел такую возможность, кто умел и знал, как это делать, и кто, не отказываясь от этого, для себя, своих выгод и целей, это делать хотел. Неожданность советского прецедента в его отношении к человеку и обществу состояла (если воспользоваться подходящим для данного случая лингвистическим языком) в смене модальностей – модальности объективной на субъективную. С тем, чтобы использовать для своих субъективных, индивидуальных целей не тот объективно имеющийся материал, что есть, как это делалось раньше, а тот, который следовало, переработав, создать, из идейно воображаемой, субъективно желательной и ирреальной формы переведя его в форму объективную и реальную. И этот переработанный, приспособленный для себя, своих целей материал в дальнейшем использовать, по возможности непреходяще и перманентно.

Такое пересоздание, с необходимой для этого сменой модальностей, не могло протекать постепенно, перерастая одно в другое, эволюционируя, развиваясь, накапливаясь, с переходом количества в качество (если воспользоваться терминологией диалектического материализма). Это было

бы невозможно – модальности так не меняются, один полюс не переходит в другой. Их необходимо не эволюционно, а революционно, вторгаясь, вмешиваясь, т.е. насильственно, переставлять. И производиться должно это сразу, в один момент – только что было одно, а вот сейчас уже, на глазах, другое. Сущность советского социологического эксперимента, в этом ключе, таким образом, можно было бы представлять как подобного рода вторжение, смысл которого состоял в перемене имевшихся полюсов реальности.

Перевод воображаемого субъективного в объективное неизбежно предполагал другой, с ним связанный, перевод существующего реального в нереальное и небытие, замену интересовавшего каждого его личного и индивидуального в не интересующее никого коллективное и всеобщее свое-несвое, а тем самым, упразднение индивидуального, замещение единицы массой и растворение единицы в массе, т.е. получение единицы с признаками и свойствами массы внутри себя. Механизм, который также предполагал в своем задуманном осуществлении два полюса, два совершенно различных счета. Один для этой самой массы, для всех, которым отводилась роль образуемых, с навязываемой им субъективностью объективной реальности, коллективностью индивидуального, массовидностью единиц. Другой – для себя, для субъекта-распорядителя, эксперимент весь этот задумавшего и осуществлявшего. С объективностью (для себя) навязанной остальным субъективной реальности, присвоением (индивидуальным) коллективного общего, отчужденного для всех остальных, единичностью и единственностью себя, с обособлением себя из массы, отделением, изоляцией от нее. Простая

перестановка общественных полюсов – а сколько следствий для всех, для отдельных и каждого...

Начавшаяся игра с полярной смесой порядков и опиравшаяся в основном на двух механизмах – лишения (упразднения, удаления) и растворения (замещения, перемещения, перемешивания) – не могла быть произведена во всех своих составляющих, т.е. полностью и целиком. Возможно, такая задача перед ней не стояла – субъективно ли и сознательно, объективно ли и подсознательно, что, впрочем, неважно, поскольку суть оказалась не в том. Суть происшедшего перераспределения произвелась путем расщепления существовавшей реальности на ту (объективную), что для всех, которой словами, в идеях и в пропаганде, т.е. в сознании и в языке, приписывался не свойственный ей и никогда не могущий осуществиться (а потому ирреальный и субъективный) вид. И ту достигнутую, но не для всех и потому субъективную, не существовавшую в общем, публичном, сознании и языке. Получившийся парадокс – то, что существовало, в общественном представлении не отражалось, а потому как бы и не существовало для понимания и языка, а то, что навязчиво и последовательно отражалось и объявлялось, в действительности не существовало и не могло в ней существовать, – сей парадокс имел свои следствия. Не называемые в языке фантомы реальности бродили отдельно от совсем других – фантомов, имеющих обозначающие их словесные оболочки, но лишенных своего воплощения в этой реальности. Механизмы лишения и растворения затронули, таким образом, не только сам человеческий материал, но и характер, условия, виды взаимодействия языка, общественного сознания и действительности, приведя к до сих пор до конца не осознанным языковым и ментальностным, семантическим результатам.

Новый общественный формируемый человек, в задачу и смысл объявляемого (вслух, в языке) существования которого входило строительство того, что построить нельзя, но которого следовало в массе ему подобных (не объявляя при этом вслух) для себя использовать, должен был получиться в результате вторгающегося, организующего воздействия на условия его существования (быта и бытия, отторгаемых от него в свою пользу) и на характер, способ его сознания, т.е. знания и мышления – о себе самом, о своей действительности, о таких же, как он, и совсем не таких же, и не своей действительности, разведя все это, расставив по разным, для каждого отведенным и каждому предназначенным, идейно правильным, взвешенным и проверенным полюсам и местам. Задача, в известном смысле, шахматная и арифметическая, получающая свое воплощение на воображаемом поле-доске и выражающая себя в языковых, лингвистических по природе своей, представлениях и единицах.

Следствием производившихся над умами, действительностью и языком преобразующих операций были некие производные этих самых умов, действительности и языка – из сплава исходного и навязываемого, которые, соединяясь, давали новый, возможно, не запланированный и не предвидевшийся преобразователями, итог-результат. Непросто понять, оценить и исследовать случившиеся итоги этого эксперимента, имевшего к тому же свои этапы и корректировки, но обладавшего при этом цельностью и не менявшегося по своему существу. Возникает также вопрос – а стоит ли? Беречь фантомы не того реального прошлого, которое было, – это бы еще как-то можно было понять, – а того, им реально не бывшего, воплощенного в

языке, от которого, надо бы думать, что отошли, отказались, ушли вперед и почти забыли? Вопрос, имеющий в себе много идей и сторон. Психологических, социальных, исторических, политических, философских. Безусловно, важных, но не о них речь. Речь о том (хотя далеко не просто что-то одно отделить от всего остального), что собой представляет активно вторгающийся в человеческое сознание воздействующий идеологический механизм, осуществляемый и реализуемый в языке. Языке как орудии управления и власти.

Одна из особенностей советского социологического эксперимента (коль скоро речь все же о нем), как первого в последовавшем за этим ряду, состояла в том, чтобы, создавая нужного ей человека, делать это, прежде всего, при помощи языка и внутри языка. В языке и средствами языка такой человек был создан, своеобразно и неоднозначно соотносящийся с реальными социальными типами существовавших советских людей. Желание подчинить социальную и психологическую действительность преобразуемого государством общества в лице принявших за это дело вождей всегда было важной, ведущей, если не первоочередной, задачей, на разных этапах советской истории приобретая различную силу и напряжение. Но одно дело желать, а другое – что получалось. Язык властей, официальный язык, язык пропаганды отражал, создавал, воплощал один, продуцируемый, субъективно-модальный, реальностный вид. Язык другой, не бывший пропагандистским и официальным, воплощал и передавал другой, свой собственный, каким-то неуловимым образом соотносимый с официальным. Языки эти взаимодействовали, будучи в общем пространстве и социальном времени, порождая различные ниши и сферы, как два встречающиеся потока,

смешиваясь и не смешиваясь в принятии и неприятии своем, в каждой такой какой-то сфере и нише, в разное социальное время, откладывая еще какие-то воображения и представления о советской действительности и ее человеке.

Все это давало бы лишний повод к этим проблемам и с языковой стороны подойти. Как в осколках разбившегося зеркала, если собрать, отразится нечто совместное, целостное, рассыпанное по частям, так через эти языковые сферы и ниши двух основных потоков советского языка — официального и неофициального, а не только в них и исключительно через них, можно бы получить какой-то, в меру свою более или менее целостный, вид. Вид представления о человеке — каким он мог быть, кому-то хотелось или каким он в действительном общественном воображении был. Потому что из этого воображаемого действительного вырастает потом уже не воображаемое, а реально действительное, хотя также, от части своей, отражаемое в языке, постижение которого составляет задачу как философскую, так и известным образом дидактическую, при освоении чужой и своей культуры, чужой и своей истории, чужого и своего языка. Соотношение воображаемого и действительного, важное для понимания национальной культуры, сознания и языка, далеко не всегда достижимо и удается, скорее интуитивно и чувственно воспринимаясь теми, кто к этому обращается и над этим задумывается. На примере идеологизированного языка советской действительности, в контексте недавней истории, в ставшем общественным достоянием различении реального, бывшего, происшедшего, с одной стороны, и того, как и что представлялось в языке эпохи, с другой, — такое соотношение может стать понятным и объяснимым. И приобрести, таким образом, не только свой познавательный, но и методологический смысл.

Автор далек от мысли противопоставлять два характерных для советского времени языка (по крайней мере, два), рассматривая их как противоборствующие и взаимно себя отрицающие, своего рода структуру и антиструктуру. Отношения между ними нет оснований определять как полярные и враждебные. Взаимодействуя, они отражались один в другом, давая разные, но далеко не всегда противоположно заряженные эффекты, часто используя средства того другого, но в ином смысловом и оценочном оформлении и ключе. Воздействующий характер пропагандистского официоза менялся на что-то совсем иное, если производимое на его основе высказывание обращалось не к массам и публике, а к кому-нибудь из своих или в своем кругу, приобретая характер не всегда очевидной и в разной степени уловимой иронии или какой-то еще оценки. Менялся характер изначально нейтральных или иначе окрашенных и общеупотребительных слов в зависимости от того, кем и в каких условиях, не говоря о том, в каком языке, точнее было бы сказать, в какой коммуникативной и узуальной сфере, акт речи происходил. Изменения эти, требовавшие от говорящего большого внимания и напряжения, поскольку их несоблюдение могло быть рассмотрено не только как коммуникативная и стилистическая, но и как идейная и политическая ошибка, не следовало бы рассматривать как свособразную мимирию, особую гибкость и приспособляемость используемых для различных целей общеупотребительных слов. И из этого делать выводы о какой-то их исключительной, советскими обстоятельствами обусловленной, подвижно преобразуемой природе. Слова советского языка, во всех возможных его проявлениях, — это те же, за небольшим исключением, слова русского языка, которые вне советских особенностей, тем и

контекстов употреблялись и продолжают употребляться всеми, на нем говорящими, в привычных своих коммуникативных целях и функциях. Природа слов не менялась от этого их специфического использования и не изменилась впоследствии, после него.

Что же тогда можно было бы определять как такую их, советского языка, специфику? Не вдаваясь в серьезные рассуждения и подробности, безусловно заслуживающие своего основательного, а поэтому и особого, рассмотрения, специфику эту, скажем так, советского употребления, советской проекции, аппликации русского языка можно представить в трех расслоениях. Первое составляет язык. Русский язык, его материал – лексический, словообразовательный, синтаксический, а также коммуникативно и композиционно текстовый, в том отношении, в котором владение языком предполагает создание и восприятие (адекватное понимание) определенных, в данном случае советских, текстов. Второе следовало бы отнести к характерным для советской действительности ситуациям и контекстам, определяющим фон социальных знаний, общих для всех внутри нее находящихся и регулируемых новыми, возникающими, либо, напротив, уходящими и исчезающими или только меняющимися в какую-то сторону обстоятельствами. Третье составляет, также меняющаяся своими гранями, сторонами, акцентами в исторических и политических переходах, советская идеология. В двух своих проявлениях. Как то, что внушается, вслух говорится, транслируется, передается средствами массовой информации и пропаганды, в печати и в издаваемых книгах, чему обучают в школах, в вузах, в детском саду. И как то, что другое, но тоже советское, возникающее на базе второго, уже упомянутого, – социальных условий и эмпирических

знаний, т.е. того, что есть или искренне кажется, что так есть, и третьего в первой ее составляющей, – официальной идеологии, т.е. того, как надо, как полагается, как считается правильным и как то, что не есть, даже если в это искренне верят и хочется, чтобы так было.

Язык (то первое) проникает и обеспечивает способность быть выраженными, стать объективными, передаваемыми и понятными для носителей двум другим – социальным знаниям и советской идеологии в обеих ее составных частях. Проникая и обеспечивая, сам он пронитывается, начинает вбирать, включать в себя всевозможные стороны социальных знаний и существующей идеологии. Необходимо лишний раз подчеркнуть, что советской, поскольку другие и самые разные, характерные для советского общества в целом, идеологии в данном случае не могут браться в расчет. Тем самым, русский советский язык (но не русский язык советского времени в целом как таковой) становится все же каким-то другим, каким-то специфическим образом нагруженным и заряженным, по сравнению с тем же русским языком, но не советским, до советским, вне или после. И когда, наконец, наступает это новое состояние после, что же тогда происходит с рассмотренными нами тремя позициями и с самим языком? Понимание этого важно, поскольку могло бы дать представление об искомых его советских, точнее было бы сказать советизированных, своеобразии и специфике. Второе и третье, так или иначе, уходят, социальные знания и идеология общества изменяются, советскими постепенно быть перестают. Язык остается, но переставая собой выражать и обслуживать то, что до этого (помимо прочего) выражал, сворачивая поле предыдущего действия, убирая, если так можно выразиться, свою *советскую* функцию, и освобождаясь в себе от

нагрузок, заряженностей и наслоений, которые он в себя перед этим вобрал и которые в новых условиях становятся лишними, не требующимися, а потому избыточными.

Вместе с тем эти нагрузки, заряженности и наслоения как раз и составляют его специфику как советского языка. Увидеть, понять и почувствовать эту специфику можно, лишь восстановив соответствующие условия, в проекции к социальным знаниям советского времени и к советской идеологии. Советский язык без того и другого просто не существует, он прочно связан с ними. Задача подобного представления, помимо своих социальных, идеологических, политических, морально-нравственных, поучительно-воспитательных и т.п. сторон и аспектов, дающих знание и понимание предмета, имеет не только и даже не столько собственно историко-лингвистический или историко-культурологический заряд и смысл, сколько прямо и непосредственно смысл дидактический и языковедческий. Успешное овладение, будь то своим или чужим, языком предполагает знание и понимание не только его ближайшей истории, в чем-то к тому же себя до конца не изжитой (период в одно поколение слишком короткое время для этого), но и типичных условий, тенденций и форм как его изменения, нередко происходящих на наших глазах, но не замечаемых, так и функций, коммуникативных сфер и особенностей речевого употребления. Предлагаемый словарь как раз и рассчитан на то, чтобы представить язык в его употреблении и ближайшем, еще недавнем, развитии. Задачей подобного представления было на примере отобранной группы слов, наглядно, по мере возможности, но без допустимых в подобных случаях схематизаций и обобщения, с тем чтобы дать материал к самостоятельным размышлениям и выводам, показать, проявить в нем то, что

уходит, обладает способностью становится историей, уходя в пассив, и что также его, языка, природа, определяющая его способность передавать, выражать – желаемое и действительное, идеи и впечатления, наши знания и условия жизни, тот или этот общественный, исторический, нравственный, оценочный, системоценностный и другой какой-то опыт, вид и контекст. Язык при этом сам по себе не меняется, он остается тем же, только что-то меняется в нем, его регистры и механизмы, связи, позиции, отношения, проявления, переходы, семантика и коннотации его остающихся после этого, хотя и меняющих свои виды и положения, единиц. И все это, составляя его природу, в конечном счете, происходит в нем для того, чтобы, внутренне преобразуясь и перестраиваясь, он мог служить новым целям и новым потребностям человека.

Необходимо было бы объяснить в связи с этим (поскольку снова мы подошли к идее языка и его человека) выбор описываемого в словаре материала и показать, объяснив, особенности такого, а не иного какого-то его представления. Выбор диктовался не объявляемой и намечаемой к последующему исполнению задачей представить фрагмент языковой советской картины мира, вращающийся вокруг идеи советской концепции человека. Но не концепции советского человека, определяемого то как *homo sovietikus*, то как просто *совок*, а в свое время как *простой советский человек* или *настоящий советский*, противопоставляясь другим, не советским, которые под такое определение не подходили. Все эти три (может, четыре?) его разновидности довольно детально, подробно в обширной литературе по теме представлены и хорошо описаны. Речь в данном случае идет о советской концепции человека, но не той объявляемой, которая себя отразила в советской печати, статьях идеологов и воспитателей,

средствах массовой пропаганды, и даже не той, которая выводилась в исследованиях, воспоминаниях, разысканиях, книгах, работах, высказываниях не советской идейной ориентации. Речь о той не объявляемой и ни из прямых высказываний, ни из событий, ни из знания обстоятельств не выводимой концепции, которая была (а может, и продолжает быть) заложена в эксперименте, называемом советской действительностью. О той концепции, которая, может быть, даже и не осознавалась полностью в своем детально реальном и окончательно достижимом виде, во всяком случае не представлялась, ни теми стоявшими у руля, ни теми, кто по их указанию проводил соответствующие кампании, воздействие и политику, но, которая, не осознаваясь, присутствовала где-то и в чем-то подспудно и все это общество куда-то, склоняя, неизменно и неоступно вела. О той концепции, которая себя воплощает невидимо, прежде всего и в основном, в языке – словах советского языка, характерных для него словоупотреблениях, высказываниях по случаю и не по случаю, но в своем, узнаваемо советизированном виде и впечатке. То есть в том, что, проговариваясь в речи, словах, говорится, но что при этом намеренно не имелось в виду прямо выразить, не намечалось и даже не подразумевалось сказать.

Первым подходом к такому ее представлению, этой концепции, могло бы быть определение того, что порицается, отвергается, отрицается, исключается, с советской точки зрения и советской позиции, в человеке. То, что оценивается в нем как его негативное, от чего необходимо избавиться и чего не должно и не может быть. Отсюда выбор – негативно оценочные лексемы советского языка, называющие, обозначающие, характеризующие человека. Из отрицания, вследствие удаления, лишения,

избавления, возникает некое представление о том, что, если не до конца желательно, все-таки допустимо и разрешается, т.е. что может быть. Задача искусственная, но о естественности процесса никто и не говорит, на то это и эксперимент. То позитивное, положительное, которое желательно, которое предписывается и навязывается, что интересно и показательно, прямо не следует из отрицаемой части. То и другое не соотносимы прямо и непосредственно и далеко не всегда симметричны. И это еще дополнительный повод для рассмотрения негатива и позитива в отдельности.

Негативно оценочные лексемы в предлагаемом словаре представлялись не только в привычных лексикографических дефинициях, дающих определение значений рассматриваемых слов, но и как словоупотребления, с представлением в ряде случаев некоторых влияющих на понимание обстоятельств, с уточнением семантики употребления к условиям и особенностям советской действительности. Такое более развернутое, конкретизируемое и не столько языковое, сколько узуально-речевое, определение семантики слова служило целям лучшего понимания и усвоения материала.

Трудно было бы до конца понять и представить особенности негативной оценки советского языка, равно как и слов, ее выражающих, без обращения к основным лексикографическим источникам, причем не только и даже не столько последнего времени, но на ряде этапов. Для этих целей словарные статьи предлагаемого словаря содержат выбранный, по возможности последовательно, обязательный материал из *Толкового словаря русского языка* под ред. Д.Н. Ушакова (1935-1940 гг.), из *Словаря русского языка в четырех томах*, гл. ред. А.П. Евгеньева (1981-1984 гг.) и *Большого толкового словаря русского*

языка, гл. ред. С.А. Кузнецов (2000 г.). Словарей, отражающих основные во времени этапы функционирования советского языка – в его формируемой, начальной фазе, отражаемой словарем под ред. Д.Н. Ушакова, в фазе оформленной и завершающей (словарь 1981-1984 гг.) и в его состоянии послесоветской фазы, на том этапе развития, который, наследуя прежний, советский, багаж языка, иногда возвращает его к досоветскому состоянию, иногда не совсем, оставляя в нем что-то от определяемого как идеологизированного наследия (*Большой толковый словарь*). Цель такого поэтапного представления состояла в том, чтобы показать происходящие во времени изменения (либо их отсутствие), нередко, чтобы не сказать, как правило, не столько в самом языке, сколько в способе принятой интерпретации его единиц, в первых двух фазах намеренно, может быть даже вынужденно, ангажированной, в третьей, уже постсоветской, стремящейся от этого отойти. Насколько удачно, последовательно и основательно, с помощью каких применяемых средств, как именно, по каким путям, может, не происходит, а производится, то, что определяют как деидеологизация лексического состава, – можно представить, если не теоретически, поскольку это потребовало бы анализа и обобщений, то, по крайней мере, практически, из сопоставления дефиниций словарей советского времени с дефинициями словарей последних двух десятилетий. Для более полного и объективного представления семантики слов привлекались, по мере надобности, также другие, помимо названных трех, словари, как общеязыковые, так и не только (см. список источников).

Словарная статья предлагаемого лексикона состоит из заглавного слова, узуально-коммуникативных, эмоционально-оценочных и экспрессивных, помет,

описания значений, не столько, как уже говорилось, языковых значений, сколько значений устойчивых словоупотреблений, обусловленных речевой ситуацией, советскими обстоятельствами, а также вкладываемым в них типовым отношением субъекта речи. Дополняют статью словаря

- Краткая информация об образовании и в ряде случаев происхождении слова.

- Производные – слова, более или менее последовательно образуются и образованные от описываемого, как зафиксированные, так и не зафиксированные в словарях литературного и не только литературного языка. То есть, помимо собственно языковых, речевые и узуальные, коммуникативные и функциональные (редко окказиональные) формы, в основном разговорного языка.

- Слова, в смысловом или понятийно-коннотативном отношении близкие описываемому, некоторые из которых, но их немного, можно было бы определять как синонимичные. Другие, их большинство, представляли бы собой что-то вроде понятийно-смысловой или лексико-семантической группы, каким-то образом организованной внутри себя и представляющей собой в своей общей семантике минимальный набор того, что можно было бы относить (при последующей аналитической обработке) к соответствующему фрагменту, подфрагменту, его детали, части, советской языковой картины мира. Картины мира, связанной с мировоззренческими, идейно-философскими, установочными, воспитательно-дидактическими, морально-нравственными, социальными, политическими, историческими, житейскими, бытовыми, психологическими, производственными, геопространственными, темпоральными и т.п.

представлениями, составляющими особенность советской идеологии и советского взгляда на мир. В том числе и для нас в первую очередь – взгляда на человека и отношения к человеку, не только и даже не столько советскому, сколько как таковому. Но человеку не как биологическому, а как социальному виду, точнее сказать единице и элементу советской картины мира, советского отношения, советского действия и воздействия и советского взгляда на мир, действительность, общество, человечество, его настоящее, прошлое и его будущее.

° Дефиниции из других словарей – прежде всего трех названных как обязательных и основных, но также и из других, уточняющих, дополняющих либо дающих то, чего нет в обязательных, в ряде случаев, там, где это необходимо, с примерами, иллюстрациями словоупотреблений в контекстах. Отсутствие информации из основных словарей при словарной статье, там, где это специально не оговаривается, может обозначать либо отсутствие в том или ином, иногда во всех трех словарях самого этого определяемого слова, либо (хотя значительно реже) избыточность его дефиниции, не вносящей ничего нового в то, что было представлено на материале других. Отсутствие информации из необязательных словарей ничего такого не предполагает, поскольку ее включение имело иной, уточняющий и расширяющий, а не репрезентативный, смысл.

° Для ряда слов, далеко не для всех и далеко не всегда последовательно – примеры более или менее устойчивых словосочетаний, редко других синтаксических единиц, с характеризуемым словом в составе. Задача подобного представления, в силу своей непоследовательности и неполноты, состояла не в том, чтобы показать типичные случаи устойчивых

словоупотреблений (это не было целью предлагаемого словаря), а в том, чтобы отметить, тем самым, наиболее употребительные, активные и типичные лексемные единицы советского языка, имевшего, как и всякий язык, свой актив и пассив, свои ядро и периферию. Однако о различении и изучении того и другого можно было бы говорить в условиях и рамках специально посвященного этим вопросам исследования. В задачу данного словаря подобное не входило, автор не стремился также к тому, чтобы как-то одно и другое последовательно обозначить и выразить, однако для внимательного читателя это разграничение, следующее из представления, на эмпирическом и поверхностно-приблизительном уровне не составит труда. Подсказкой будет само описание. Слова массивно, подробно, разносторонне и многозначно представленные, слова, наиболее иллюстрируемые, имеющие наибольшее число производных и семантически близко связанных форм, определяемые в контексте типично советской оценочности и коннотациях, наконец, в дополнение к сказанному, те, которые, если не прямо, то актуально и по существу определяют ядро советского существования, – такие слова, очевидно, и будут словами ядра и актива. Разнесение того и другого, различение и разграничение ядра советского существования, ядра советской языковой картины мира и ядра, актива лексического состава советского языка, связанных между собой, но не прямо, не непосредственно, не симметрично, – такое распределение требует специальных усилий, исследований прежде всего теоретического, целенаправленного характера и на широком и полном материале, а не одной, отдельно взятой для представления, как в данном случае, оценочно-тематической группы слов.

Ряд словарных статей, однако также скорее репрезентативно, а не последовательно, включает описания значений устойчивых единиц с данным словом как компонентом. Делается это в том случае, если данная единица была устойчива, употребительна и предполагала какой-то, если не полностью собственный, то несколько специфический смысл, не прямо следующий из значения определяемого слова в его сочетании с другими словами состава либо требующий дополнительных объяснений: *авантюрист* и *политический авантюрист*, *враг* и *враг народа*, *нарушитель* и *нарушитель границы*, к примеру.

Поскольку советский язык представлял собой живую, подвижную, изменчивую во времени и социальном пространстве, форму, можно было бы даже сказать материю, употребления языка, задача описывающего в малом фрагменте эту материю словаря, а отсюда его особенности, несколько отличалась от общепринятых и привычных для лингвистических словарей. Коротко эти особенности можно было бы обозначить следующими позициями (отчасти при таком обобщении придется кое-что из ранее сказанного повторить):

1. Статьи словаря не содержат, как правило, если это существенным образом не влияет на употребление данного слова и его смысл, примет грамматического характера. В ряде случаев также субстантивируемые и не всегда субстантивируемые прилагательные, использовавшиеся для обозначения человека, описываются в общем ряду существительных (бывших основой для описания в словаре), без специального обозначения, когда и в каких случаях они используются как субстантивированные. Предполагалось, что для поставленных в словаре задач такое разграничение не настолько важно, чтобы уделять ему специально внимание, а различие будет следовать из

описаний и приводимых примеров, цитируемых по другим словарям.

2. Учитывая указанные особенности советского языка, для более адекватного представления пришлось применить ряд помет, не типичных и не общепринятых (наряду с общепринятыми), имеющих отношение к характеристике сферы и формы употребления слова, а также особенностям его коннотации и оценки. Автор не претендует при этом на точность и основательность в этом вопросе, требующем серьезного и отдельного изучения, видя свою задачу лишь в том, чтобы обозначить, скорее в рабочем порядке, и дать понять, что то или иное словоупотребление следует как-то так, а не иначе, типичным, но, возможно, что далеко не единственным, образом воспринимать. Ряд из этих помет поэтому требует объяснения.

Помета *общеразг.* (общеразговорное) отмечает, что данное слово в его советском употреблении не является специфичным в отношении функциональных и узуальных своих предпочтений. Оно могло использоваться как в официальных средствах массовой информации и пропаганды, так и в речи представителей советского общества, не специально привязываясь к какой-то его социальной группе. Иными словами, помета обозначает что-то вроде лексемы общеупотребительной. Но, поскольку советский язык не был единственной формой общения для советских людей, а был языком особого, специфическим образом, советской идеологией пропитанного, оценочно-речевого словоупотребления, т.е. узуса близкого к разговорности, к стихии подвижного, коммуникативно отмеченного, функционирования (даже в книжно-письменной, оценочно категоричной, экспрессивно усиленной и окрашенной, форме своей), постольку

уместнее показалось эту особенность подчеркнуть пометой, специально для этого предназначавшейся.

Пометы *оф.-проп.* (официально-пропагандисткое) и *разг.-проп.* (разговорно-пропагандисткое) различают не только возможных две сферы употребления – в книжно-письменном, публично-ораторском и прокламационном либо обиходно-разговорном и более непосредственном варианте (если понятие непосредственности применимо, но, видимо, применимо, во всяком случае к языку агитации и пропаганды), – но и характер, точнее регистр, тон, коннотации и оценки. Приподнято-обличающий, скажем так, наряду с какими-то также другими, но верхнего, не нижнего тона, и откровенный, прямой, заниженный, возможно резкий и грубый, тяготеющий к просторечности, разговорности.

Особого внимания требуют еще две пометы – *разг.-спец.* (разговорно-специальное) и *разг.-сред.* (разговорно-средовое). Первая отмечает предпочтительное употребление данного слова в какой-то сфере – производственной, партийно-бюрократической либо какой-то иной, представление о которой легко выводится из описания его значения (или значений). Вторая помета обозначает, что предпочтительно либо единственно и в основном данное слово употреблялось в какой-то среде – интеллигентской, студенческой, диссидентской (?), каких-то компаний и неформальных групп. Уточнение, какой из них именно и одной ли из них, не всегда можно было бы получить из предлагаемого описания. Разработка сложного социолингвистического вопроса коммуникативно-средового распределения (пересекающегося и взаимодействующего) никак не могло входить в число разрешаемых нами задач, оставляя все это общему представлению и языковому чутью.

Остальные используемые пометы можно было бы отнести к разряду привычных и общепринятых или прозрачных в своем значении, а тем самым, не требующих дополнительных пояснений. Особый разряд составляют пометы цитируемых источников, не подвергавшихся унификации и сохраненных в их изначальном виде. Из чего следовали в ряде случаев вариативность (*прост.*, *простореч.* или *презр.*, *презрит.*; *ист.*, *истор.*), разность при обозначении общего (*прост.*, *простореч.* и *разг.-сниж.*, *разг.-прост.*) либо омонимия (*посл.* – последний, пословица; *гл.* – глава и глагол; *лит.* – литовский язык и литературный, литература), снять которые автор не посчитал необходимым, поскольку изменение в цитатах искажали бы вид и идею цитируемых источников, в то время как указанные отклонения никак не мешают адекватному пониманию, к вариативности и разнообразию можно легко привыкнуть, в этом есть даже свой аромат, а омонимия снимается в минимальном контексте.

3. Дефиниции, как уже говорилось, в значительном ряде случаев имея довольно развернутый вид, предполагали дать представление об условиях и ситуациях, иногда о времени и смысловой, идсйной и коннотативно-оценочной характеристике и нагрузке возможного употребления слова. В тех случаях, когда такой развернутости не обнаруживается, автору к сказанному не виделось ничего добавить. Представленное описание воспринималось как необходимое и достаточное, а что-нибудь дополнительно объясняющее и характеризующее можно было бы вывести на основе других статей словаря.

4. Создание либо появление в языке определяемой лексемы выводится на основе представленной информации о производящем слове (способ образования при этом, как правило, следует из структуры производящего и

производного, если специально не оговаривается) либо слове, заимствуемом из иностранного языка. В тех случаях, когда это имеет смысл для понимания значения слова описываемого, дается определение семантики слова производящего (заимствуемого). Для этих же целей некоторые слова сопровождаются краткой этимологической справкой из соответствующих словарей с указанием источника.

5. Слова производные от данного слова, как уже говорилось, включают в себя единицы не только языковые, но и имевшие (или имеющие) хождение в живом речевом использовании. К ним не следует поэтому относиться как к словам советского или просто русского литературного языка, это, скорее, использованная в речи, в том числе и советского времени (но при этом не как советизм), языковая потенция, реализовавшая себя, таким образом, в употреблении.

6. О словах, даваемых как семантически связанные, уже говорилось. Их задача – представить смысловое и понятийное поле, к которому можно было бы определяемую лексическую единицу, в советском, как правило, употреблении, отнести.

7. Материал других словарей уже также определялся. Необходимо только добавить, что в ряде, довольно редких и ограниченных, случаев там, где нет представления других словарей, словарные статьи такого рода описывают слова, использованными словарями не зафиксированные. Слова подобного типа нередко имеют помету *разг.-сред.* и характеризуются, даже если ее не имеют, как не общепринятые и ограниченные – какой-то сферой, каким-то особым образом, условиями, ситуацией, речевым, смысловым, предметным контекстом. Подробная характеристика данного типа слов, с их различиями и

возможными видами, в связи с тем, что в предлагаемом словаре они были представлены в количестве слишком малом и ограниченном, в частности выбором темы «негативные обозначения человека», не могла входить и не входила в задачу. Попавшие в данный словарь указанные слова следует рассматривать как репрезентативные и выборочные явления, далекие от необходимой подробности и полноты.

8. Примеры устойчивых словосочетаний или других синтаксических единиц (редко когда предложений, если это не поговорки, пословицы или цитаты, имеющие свою «советскую» специфичность и актуальность) также далеки, как уже говорилось, от необходимой подробности и полноты. Их задача – дать представление о бывшем как о возможном, но не единственном, и отметить слова, обладающие большей активностью и частотностью в русском советизированном языке.

И, наконец, в завершение и в пояснение необходимо сказать о включенном в издание разделе *Семантика негативно оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности*, написанном с мыслью о будущем словаре и опубликованном в виде статей в журнале «Политическая лингвистика» (3)23'2007 и 1(24)'2008. Главный ред. А.П. Чудинов, Екатеринбург. Цель его включения состояла в том, чтобы дать более полное представление о материале, отразить авторский взгляд на рассматриваемые явления. (9 июля 2008 г.)

Негативно оценочные обозначения лиц [образцы словарных статей]

авантюрист *проп., публ., общеразг., неодобр.* 1. Тот, кто добился или стремится добиться места, звания,

должности, стал руководителем, сделал карьеру, вышел наверх, не имея на то, по убеждению говорящего, оснований. Средством его к достижению желаемого были (являются) интриги, обман, уловки и хитрости. Человек сомнительный, действующий на свой собственный страх и риск, добивающийся поддержки и расположения влиятельных лиц,водя их за нос, возможно ставя в неловкое положение, держа на крючке, шантажируя, имея какой-нибудь компромат. 2. Тот, кто вырвался или стремится вырваться, добиться руководящего места и власти вместо или за счёт кого-то другого, более достойного, но менее энергичного, нахального и напористого. *Политический авантюрист* *неприязн.-осужд.* Политический противник. Тот, кому приписываются нечистые методы в достижении цели, безапелляционность, бесцеремонность и беспринципность в ходе соперничества и борьбы, готовый любыми средствами добиться не полагающегося ему места у власти. В представлении советской политической пропаганды – 1) партийный или общественный деятель, руководитель, бывший или пока что нынешний, против которого начала проводиться (или в прошлом имела место) кампания на уничтожение, вытеснение, снятие с должности в ходе внутрипартийной или пропагандисткой борьбы, тот, кто по тем или иным соображениям, в том числе и соперничества, стал для властей или выигрывающей (выигравшей) группировки мешающим, неуютным; 2) всякий общественный или политический деятель Запада, ставший у власти либо её добивающийся, кто не проявляет признаков просоветской ориентации, кто может доставить в будущем или уже доставляет немало трудностей в реализации советской международной политики. < *авантюра* [фр. *aventure* ‘приключение, похождение, авантюра’] 1. ‘рискованное и сомнительное дело,

предпринятое в расчёте на случайный успех' *Политическая, военная, финансовая а. Пойти на авантюру. Втянуть кого-л. в авантюру* 2. 'легкомысленная затея; опасное или необычное приключение, похождение' *Безрассудная а. Любовная а. Пускаться в авантюры* (БТС); *авантюра* 1. 'рискованное, сомнительное предприятие, дело, пачатое без учета реальных сил и условий, в расчёте на случайный успех' *Политическая авантюра. Военная авантюра* 2. устар. 'легкомысленный поступок (или ряд поступков), совершаемый ради получения удовольствия, развлечений; приключение, похождение' *Любовные авантюры* (МАС); *авантюра* 1. 'приключение, похождение' || 'то же с оттенком осуждения; неблагоприятное дело' (разг.) *Любовные авантюры. Он пустился в авантюры* 2. 'дело, предпринятое неосновательно, без шансов на удачу, рискованное' *Дальневосточная а. 1904 г. Участник авантюры Юденича* (ТСУ); *авантюризм* 'поведение, деятельность человека, характеризующиеся рискованными, необдуманными поступками, рассчитанными на лёгкий успех; склонность к авантюрам' (БТС); *авантюризм* 'поведение, деятельность кого-л., характеризующиеся рискованными, беспринципными поступками ради достижения легкого успеха, выгоды; склонность к авантюрам (в 1 знач.)' *Политический авантюризм. Впасть в авантюризм* (МАС); *авантюризм* (книжн.) 'склонность к рискованным похождениям или неблагоприятным поступкам, к авантюрам' (ТСУ) * *авантюристский, авантюристски, по-авантюристски, авантюристка, авантюристический, авантюристически. Ср.: аферист, карьерист, деляга, делец, штриган, мошенник, ловкач, ловчила, комбинатор, махинатор, манипулятор, лис, лиса, лисица, плут, пройдоха, пройда, прокурат, протобестия, прохиндей, прощелыга, хват,*

шаромыга, шаромыжник, шельма, шулер, блефоман, гусь, жул, жулик, каналья. ≈ авантюрист 1. устар. 'искатель приключений' 2. 'тот, кто склонен к авантюризму; беспринципный делец' (МАС; БТС); *авантюрист* 'искатель приключений' || 'человек, склонный к авантюризму' (ТСУ); *авантюрист* 'человек, занимающийся авантюрами, рискованными и сомнительными делами' *Ловкий а. Политические авантюристы (РСС). • Жалкий авантюрист. Никчемный авантюрист. Подлый авантюрист. Презренный авантюрист. Беда с этими авантюристами.*

бандит, чаще мн. ч. **бандиты** *проп., публ., общеразг., неприязн.-осужд.* 1. Член вооружённого формирования, ведущего борьбу против советской власти в каком-л. регионе, в том числе также участник повстанческого или партизанского движения сопротивления, с 1918 г., в 20-е и затем, в Западной Украине, Прибалтике, в 40-е гг. **Белобандит** *неприязн.-пренебр.* В годы гражданской войны (1918-1920) – тот, кто сражался в рядах белой гвардии против советской власти, белогвардеец, а также всякий, кто с оружием в руках выступал против красных или подозревался в этом. 2. Во время так называемой продразвёрстки в 1918-1920 гг., заключавшейся в изъятии по деревням сельхозпродуктов сверх установленной нормы, что обрекало людей на голодную смерть, а также позже – крестьянин, укрывший или не соглашающийся добровольно отдать изымаемое, возможно оказывающий при этом сопротивление. 3. Во время коллективизации (1929-1934 гг.) – крестьянин, подвергшийся раскулачиванию и предназначенный к высылке, а также и в первую очередь тот из таких раскулачиваемых, кто оказывал сопротивление в ходе проводившейся акции или сумел убежать и где-нибудь укрывался. 4. Также **фашистский бандит**,

фашистские бандиты *неприятн.-осужд., озлобл.-негодующ.* Член коммунистической партии (большевиков), представитель или сторонник так называемой старой «ленинской» гвардии, а также всякий, кто был неугоден, – жертвы внутрипартийной борьбы и сталинских чисток второй половины 30-х гг., обвинявшиеся в оппортунизме, предательстве родины и шпионаже в пользу империалистических государств, в том числе фашистской Германии, и приговаривавшиеся к расстрелу и лагерям как враги народа и контрреволюционные элементы. 5. В послевоенные, а также в 20-е и 30-е гг., в периоды особо острого голода и разрухи: всякий, кто, пытаясь раздобыть пропитание, покушался на отчаянные, в том числе и противозаконные, как в советском, так и общечеловеческом смысле, действия – кражу «государственного зерна и имущества», в том числе и оставленного, не убранного, потерянного, брошенного, портящегося, воровство, нападение, грабежи, мародёрство, убийства и пр. 6. Всякий, кто прямо или непрямо, вооружённо и нет, сопротивлялся советской власти, вольно или невольно оказывался либо объявлялся в оппозиции к ней или правящей партийной верхушке, кто был неугоден и обвинялся в предательстве или не подчинялся (так чтобы видимо и очевидно) проводимой на данный момент коммунистическим руководством политике, накладываемым ограничениям, вводившимся правилам, касавшимся в первую очередь вопросов имущественного и идеологического характера, свободы высказывания, передвижения, объединений и т.п. 7. Военные и политические деятели, руководители западных, в первую очередь империалистических государств, выступающие за необходимость активного, в том числе и вооруженного, противодействия коммунизму. 8. Члены вооруженных формирований, любого характера и

назначения, в том числе и регулярных войск, полицейских сил (на Западе, в дореволюционной России), участвующие в подавлении выступлений против правительства, в разгоне демонстраций, разгроме левых организаций, партизанских, национально-освободительных движений и пр. < *банда* [ит. *banda* воен. 1. 'отряд (нерегулярных частей)' 2. 'банда, шайка'] 1. 'группа людей, совместно совершающих грабежи, убийства, насилия и т.п.; шайка' 2. разг. 'о группе людей, действующих нечестно, противозаконно; об агрессивно настроенной, воинствующей группировке' (БТС) * *бандитский*, *бандитски*, *по-бандитски*, *бандитка*, *бандитизм*, *бандитство*, *бандитствовать*, *бандюга*. См.: *контрреволюционер*, *контра*, *контрик*, *беляк*, *басмач*, *антоновец*, *махновец*, *петлюровец*, *колчаковец*, *деникинец*, *корниловец*, *врангелевец*, *красновец*, *громила*, *погромщик*, *антисоветчик*, *разбойник*, *грабитель*, *вор*, *мошенник*, *насильник*, *фашист*, *троцкист*, *мародёр*, *душегуб*, *преступник*, *налётчик*, *враг*, *бандеровец*, *власовец*; *милитарист*, *экспансионист*, *колонизатор*, *ястреб*, *гангстер*, *коммандос*, *войка*, *диверсант*, *убийца*, *каратель*, *палач*, *вешатель*, *душитель*, *мафиози*, *поджигатель*, *террорист*, *экстремист*, *хулиган*. ≈ *бандит* [ит. *bandito* 1. 'изгнанный' 2. 'бандит, разбойник'] 1. 'член банды (1 зн.), вооружённый грабитель' || 'о том, кто повинен в каких-л. преступлениях, преступник' (БТС); *бандит* 'вооруженный грабитель, разбойник' || 'участник вражеской контрреволюционной партизанской банды' (пренебр. нов.) *Расстреляли трех бандитов из шайки Махно* || перен. 'угнетатель, насильник' (нов. ритор.) *Империалистические бандиты* (ТСУ); *бандит* презр. 'член вооруженного контрреволюционного отряда'; *белобандит* 'член контрреволюционной вооруженной группировки (в годы гражданской войны)' (ТСЯС); «**бандит** – 1. В уголовном

мире термин **б.** обычно не употребляется: ср. *вор 1; пятьдесят девятая 1.* – 2. Кроме бандита в собственном смысле, сов. власть считает таковым любого, кто силою – даже без оружия – сопротивляется попранию его гражданских прав, либо русской оккупации исконных земель своего народа (ср. *бандеровец; басмач; белополяк; белофинн*). – 3. В середине 40-х гг. эта категория «**б.**» появляется в массе в местах заключения (см. *масс. аресты 26*), где приостанавливает разгул **лагбандитизма** и **стукачества**.» (Росси).

барыга *разг.-сниж., неприязн.-осужд.* 1. Человек, интересы которого ограничиваются наживой, грубый, примитивный, бездушный, неприятный в общении, себялюбивый, скупой, оценивающий окружающих только с точки зрения материальной выгоды, а потому необщительный, нередко злобно-отталкивающий, ищущий, как бы кого обмануть и надуть, не способный к открытости, искренности, пониманию, сочувствию, живым человеческим чувствам, порывам и проявлениям. 2. Занимающийся мелкой торговлей, обменом и промышленностью этим, торгующий, возможно полулегально и нелегально, на базаре, по квартирам, знакомым, в каком-нибудь помещении, по месту работы, по предприятиям, у себя на дому. Рискующий быть притянутым за подобную деятельность, был вынужден часто искать покровителей среди влиятельных лиц в партийно-советской администрации и правоохранительных органах, выполнять их заказы и поручения, взятками, а возможно и доносом, оплачивать свою неприкосновенность, в связи с чем мог быть небезопасным для тех, кто не отличался горячей идейностью и лояльностью в отношении коммунистической партии и советского строя. < *барышник*

1. разг. 'тот, кто занимается перепродажей ради барыша; перекупщик' | 'о том, кто стремится только к выгоде, наживе' 2. 'в России до 1917 г.: торговец лошадьми, хлебом' < *барыш* [тюрк. *bağuş* 'мир, соглашение'] разг. 'материальная выгода, прибыль, получаемая при торговых сделках' *Получить б. Делиться барышом с кем-л. Наживать барыши. Какой тебе от этого б.?* (какая выгода, польза?) (БТС) * *барыжный, барыжно, барыжничать, барыжничанье, барыжник*. Ср.: *спекулянт, перекупщик, фарцовщик, куркуль, жмот, жлоб, жадюга, скряга, сквалыга, сквалыжник, скупердяй, зажимала, жук, жучок, шустрила, вострила, торгош, маклак, ловчила, хитрила, мудрила, купи-продай, частник, предприниматель, коммерсант, бизнесмен, воротила. ≈ барыга* разг.-сниж. 'спекулянт, перекупщик' (БТС); *барыга* презр. жарг. 'скупщик краденого, перекупщик; спекулянт' (Хим.).

болтун общеразг., проп., публ., неприязн.-осужд., презр. 1. Тот, кто, не умея сдерживаться, обычно невольно, в разговоре со случайным лицом (предполагаемым шпионом и иностранцем), сообщает не то, что следует и что нельзя, с точки зрения властей и органов госбезопасности, разглашать, что может являться предметом государственной и производственной тайны. Какие-то сведения, связанные с работой какого-либо предприятия, с производством, сельским хозяйством, экономикой, а также и в том числе с обстоятельствами и условиями советского быта, снабжения, работой учреждений, органов власти, советскими законами, выборами и т.п., особенно если это сведения статистического характера. В конечном итоге, все то, что, составляя любые подробности и особенности советской действительности и жизни в СССР, если они не соответствуют пропагандистскому образу, не может быть

предметом ни передачи, ни разглашения, ни обсуждения, в том числе и в кругу знакомых, что может расцениваться как антисоветская агитация. Значение было особенно актуальным в 30-50-е гг. XX столетия. 2. Тот, кто под видом невинного разговора, приятельской, дружеской болтовни, возможно также за выпивкой, картами, нередко в компании, при свидетелях, вытягивает из своего собеседника (собеседников) необходимые сведения, могущие к тому же его или их погубить. Провоцирует на откровения, признания или даже какие-то действия, с тем чтобы на основании этого, выдать потом, донести, заложить (одного или сразу нескольких) – властям, партийному руководству, начальству, органам безопасности, выступая, тем самым, как провокатор-доносчик, стукач и сексот. 3. *лаг.* Тот, кто находится под следствием или уже осужденный за так наз. болтовню – разглашение государственной тайны или контрреволюционную, позже антисоветскую, агитацию. 4. Тот, кто, выступая публично либо в беседе с кем-л., говорит не то, что следует, не то, что прошло проверку, что не одобряется, возможно обличая и критикуя кого-л. или что-л., в том числе и поведение, позицию представителей власти. Возможно также, высказывая предположения, на основе каких-то своих наблюдений, собранных данных, сведений, о развитии событий, не выгодных, противоречащих официально принятым и представляемым пропагандой. 5. Руководитель, политический, общественный деятель, который, желая понравиться и получить поддержку, много и красочно говорит, обещает невыполнимое, пустословит, фразёрствует. 6. Всякий, кто говорит не то, что следует, что не одобряется или то, что лишнее, разрушая тем самым пропагандистский образ действительности и сферу разрешенного, допустимого представления, знания. < *болтать* разг. 1. ‘вести лёгкий,

непринуждённый разговор; много говорить (обычно вздор, пустяки или не то, что следует)' 2. 'проводить время в болтовне; много и попусту обещать' 3. 'высказывать несленные суждения, распространять слухи; выдумывать, наговаривать' (БТС); *болтать* разг. 1. 'вести легкий, непринужденный разговор, разговаривать' || 'говорить то, о чем не следует говорить; проговариваться' (МАС); *болтать* 'говорить без толку, пустословить' *Б. глупости. Б. вздор* || 'много говорить' *Б. без умолку* (БТС) * *болтунья, болтунишка, болтушка*. Ср.: *сплетник, говорун, балабол, балаболка, сорока, трещотка, тарахтелка, таранта, мельница, (бесструнная) балалайка, анекдотчик, антисоветчик, клеветник, злопыхатель, переносчик, разносчик, распространитель (слухов), враль, врун, лгун, трепло, трепач, брехун, брехло, пустобрёх, пустотрёп, пустозвон, пустослов, поклёпщик, критикан, наговорщик, пасквилянт, пачкун, паникёр, провокатор, порицатель, обличитель, хаятель, хулиитель, осквернитель, очернитель, ругатель, маратель, разоблачитель, обвинитель, прорицатель, пророк, горлан, горлопан, горлохват, горлодёр, губошлён, громкоговоритель, транслятор, рупор, крикун, вития, оратор, агитатор, фальсификатор, инсинуатор, кракальщик, демагог, краснбай, лопотун, пустомеля, фразёр, шавка, пустельга* (о человеке), *гавкалка, язык без костей*. ≈ *болтун* разг. 1. 'тот, кто много болтает; пустослов' (МАС; БТС) 2. 'тот, кто не умеет хранить тайны (обычно о сплетнике)' (БТС); *болтун* 'болтливый человек, пустослов' 2. 'сплетник' *Ему не говори, он -- известный б.* (ТСУ) • *Болтун* – находка для шпиона. (лозунг 30-50-х гг.). *Заткнуть рот болтунам и провокаторам! Болтунов – к ответу! Остерегайтесь болтунов! Следует избегать болтунов. Болтун первый продаст и заложит.*

бюрократ общеразг., публ., проп., неприязн. Работник учреждения, госаппарата, который, из представления о функционально-административной необходимости, осознания значимости занимаемой им должности, намеренно или ругинно затягивает движение дела, не спешит с принятием и передачей его к дальнейшему производству, откладывая, не занимаясь им или ища формальные, юридические и другие причины, чтобы его возвращать, отлавать на доработку и переработку, переносить по срокам, задвигать, снимать с очередности, передавать другим. Наряду со взяточником – отрицательный образ, подвергасмый обличению и критике в средствах массовой информации и пропаганды как пример бездушного отношения к людям со стороны отдельных работников аппарата и управленцев, служебного чванства и формализма – недостатков административной системы, с которыми необходимо бороться. Демонстрируемое время от времени стремление к очищению должно было вызывать рост доверия в массах к партийному руководству, служить отдушиной их возможному недовольству, позволять избавляться, в случае надобности, под этим предлогом от неугодных в своих рядах, быть примером заботы о людях, сочувствия и понимания их проблем, объяснять причины просчетов и неудач неизжитыми недостатками в аппарате, неизбежными промахами в подборе кадров, человеческим фактором, его слабостью, а не пороками советско-партийной административной системы как таковой. Как явление бюрократия обусловливается 1) ощущением внутренней значимости и власти, предполагающих зависимость просителя и всех остальных от тебя, занимающего место и потому наделенного правом за них и по их поводу решать, что порождает, как следствие,

отстраненность, избавляющую от сочувствия и человеческих проявлений по отношению к приходящему, – власть и должностное место функционируют независимо, необусловленно от не наделенных властью, отгороженные от них стеной и диктующие им из-за своей непроницаемой завесы, что им делать, как поступать и как быть; 2) неуверенностью и страхом сделать что-нибудь не как должно, не как требуется, вообще не так, следующими из осознания своего несоответствия или не полного соответствия занимаемой должности, некомпетентности, непрофессионализма, из комплекса неполноценности, естественных в условиях советской административной системы, выдвигающей на должности по протекционистскому принципу и требующей от поставленных поэтому беспрекословного подчинения, лояльности, готовности следовать не закону, не правилам, не профессиональной или гражданской необходимости и совести, а конъюнктуре и переменчивой воле и желаниям вышестоящих (отсутствие непосредственных регламентаций, прямых указаний и директив по вопросу вплоть до непредвидимых мелочей создает невозможность к принятию по нему решений, вынуждая их откладывать и отсрочивать); 3) рутинной, нагромождением входящего и исходящего, обилием ожидающих и (не) решаемых дел, порождающих ощущение самодостаточности с оторванностью от реальности, производством в себе и для себя, как механизм, создающий впечатление оптимальности того, что существует, и своей к нему причастности, а потому лучше ничего не менять и не принимать решений, способных поставить существующее в потенциально нарушенное произведенным изменением положение. < фр. *bureaucrate* ‘бюрократ, служащий административного аппарата’, *bureaucratie* ‘бюрократия’ < фр. *bureau* ‘бюро,

письменный стол; канцелярия, контора' + гр. *kratos* 'сила, власть, господство' * *бюрократический, бюрократически, бюрократский, бюрократски, бюрократство, бюрократствовать, бюрократия, бюрократка, бюрократша* (разг.-прост.), *совбюрократ, бюрократизация, оббюрократить(ся), бюрократизировать(ся), забюрократизировать(ся), (за)бюрократизированный, бюрократина* (пренебр., о человеке, лице), *бюрократище*. Ср.: *функционер, управленец, администратор, аппаратчик, хозяин, номенклатурищик, партократ, босс, чин, фигура, барин, распорядитель, ответработник, ответственное лицо, должностное лицо, шишка, исполнитель, формалист, буквалист, крючкотвор, крючок, законник, буквоед, волюнщик, волокитчик, канительщик, перестраховщик, зажимщик, прижимщик, волочила, ригорист, кабинетчик, канцелярист, канцелярская крыса, кувшинное рыло, крапивное семя, тормоз, тормозила, стопор, стопорила, чиновник, чинуша, чернильная душа. ≈ бюрократ* 'должностное лицо, пренебрегающее сутью дела ради формальных правил; формалист, функционер' > *бюрократизм* 1. 'иерархически организованная система управления, при которой деятельность руководящих органов направлена преимущественно на обеспечение ведомственных интересов в ущерб интересам общества' 2. 'формализм в ведении дел, приводящий к медленному, затруднённому прохождению необходимых или очевидных решений' || 'пренебрежение существом дела ради соблюдения формальностей' (БТС); *бюрократ* 1. 'представитель бюрократии – высшей чиновничьей администрации в феодальном и капиталистическом государствах; крупный чиновник' 2. неодобр. 'должностное лицо, выполняющее свои обязанности формально, в ущерб делу; формалист, буквоед' (МАС); *бюрократизм* 1.

‘система управления в классовом обществе, при которой государственная власть осуществляется через чиновников, оторванных от народа и защищающих интересы господствующего класса’ 2. ‘пренебрежение к существу дела ради соблюдения формальностей; формализм, канцелярщина’ *Бюрократизм означает подчинение интересов дела интересам карьеры, обращение сугубого внимания на местечки и игнорирование работы, свалку за кооптацию вместо борьбы за идеи*. Ленин, Шаг вперед, два шага назад. (МАС); *бюрократ* 1. ‘представитель бюрократической системы управления’ *Влиятельный б.* 2. ‘чиновник, в ущерб сущности дела и интересам граждан злоупотребляющий своими полномочиями или придающий преувеличенное значение формальностям’ *Бюкратам и волокитчикам не место в советском аппарате*. 3. перен. ‘формалист, педант’ (разг. презрит.) (ТСУ); *бюрократ* 1. ‘крупный административный чиновник’ *Царские бюрократы. Бюрократы из госдепартамента* 2. ‘человек, приверженный бюрократизму, пренебрегающий существом дела ради соблюдения формальностей’ (РСС).

враг общ.-полит., оф.-проп., общеразг., неприязн.-осужд. Всякий, кто не признает советскую власть, не одобряет политику партии и правительства, противится ей, вредит социалистическому строительству, открыто и явно выступает против СССР и стран социализма, а также тот, кто, с точки зрения победившей партийной группы, рассматривается как соперник, противник, придерживающийся иной оценки происходящего, иных идейных соображений и взглядов, просто ей неудобный, не подходящий, не свой. Понятие врага, всегда растяжимое и политически обусловленное, неотъемлемая и сущностная особенность советской концепции классовости в отношении

общества и человека, изоляционистской и инструменталистской внутренней и внешней политики, способ переключения внимания масс от насущных проблем, запугивания и создания атмосферы всеобщего недоверия и подозрительности, объяснения не прекращающихся кризиса, бедствий и неудач на пути к достижению прокламируемой социальной утопии. Враг поэтому множествен, многообразен и не исчезающ – меняются его обличья и формы по мере побед: каждого врага можно и следует одолеть, но, справляясь с одними, необходимо быть постоянно готовым к новым, последующим. Напряжение и всеобщая боевая готовность не ослабевают, а врагов не становится меньше, и так до тех пор, пока во всем мире не будет построен социализм. **Внешний враг (враги)** – тот и все те, кто в странах капитализма, по своим классовым или идейным соображениям, настроен против СССР и социалистических стран, выступает против проводимой ими политики. **Внутренний враг (враги)** – затаившийся или явный противник политической линии КПСС, братских коммунистических и рабочих партий в стране, относящейся к лагерю социализма. **Враг народа** – объект преследований и чисток в СССР в период сталинского правления. < ст.-сл. *врагъ*, др.-рус. *ворогъ*, и.-е. происх., родственно лит. *vargas* ‘беда, нужда’, лтш. *vārgs* 1. ‘болезненный, хилый; жалкий, убогий’, 2. ‘беда, бедствие’, др.-прусск. *wargs* ‘злой’, лит. *vargti* ‘бедствовать’, лтш. *vārgt* ‘чахнуть, прозябать’, лит. *vėrgas* ‘раб’, далее, возм., гот. *wrikan* ‘преследовать’, *wraks* ‘гонитель’, анс. *wresan* ‘изгонять, мстить’, сскр. *vṛājayati* ‘заставляет уходить, изгоняет’, саус. к *vṛājati* (Фасм., Преобр.) * *вражеский, вражески, вражий, вражда, враждебный, враждебно, враждебность, враждовать, врагиня* (устар.). Ср.: *неприятель, противник, недруг, соперник, вредитель, диссидент, антисоветчик*,

анекдотчик, антиленинец, антикоммунист, троцкист, изменник, предатель, шпион, кулак, контра, контрик, контрреволюционер, буржуй, белый, беляк, белогвардеец, бандит, космополит, лишенец, пораженец, отщепенец, бывший, изгой, мироед, оппозиционер, оппортунист, ренегат, отверженец, осквернитель, злопыхатель, клеветник, хулитель, хаятель, отравитель, паразит, перебежчик. ≈ враг 1. 'тот, кто находится в состоянии вражды, борьбы с кем-л.; противник' *Идейный в. Заключенный в. 2. 'военный противник, неприятель' В тылу врага 3. 'принципиальный противник чего-л.' В. курения. В. частной собственности. 4. 'о том, что приносит вред, зло' Косность – в. прогресса 5. разг. 'дьявол, черт' В. попутал (БТС; МАС дает примерно те же знач.); враг 'противник, неприятель' Классовый (идейный) враг; 'противник существующего общественного строя' Враг народа (трудящихся) 'активный противник социалистического строя и народа, создавшего этот строй, наносящий вред общественному делу' (БАС); враг 1. (как о мужчине, так и о женщине) 'человек, борющийся за иные, противоположные интересы, противник' Классовый в. Идейный в. || 'недоброжелатель, человек, стремящийся причинить вред' После этой ссоры мы стали врагами на всю жизнь 2. только ед., собир. то же, что неприятель во 2 знач. (воен. ритор.) В. перешел границу 3. 'все, что приносит вред, неприятности, зло' Язык мой – в. мой. Вино – его в. 4. 'ненавидящий что-н., чувствующий отвращение к чему-н., противник чего-н.' Я – в. спиртных напитков 5. 'дьявол, чорт' (церк. и простореч.) Враг попутал (ТСУ); Враг народа: в советск. время презрит. 'о том, кто преследовался законом по обвинению, обычно вымышленному, в антисоветской деятельности' (ТСРЯХХв.). • Враг социализма. Враг коммунизма. Враг социалистического*

строю. Враг ленинизма. Враг большевиков. Непримируемый враг. Заклятый враг. Злобный враг. Невидимый враг. Классовый враг. Идеиный враг. Идеологический враг. Политический враг. Враг революции. Враг (всех) советских людей. Враг передового человечества. Враг мирных людей. Враг страны Советов. Враг трудящихся. Враг пролетариата. Враг советского общества. Общественный враг. Враг советского строя. Враг колхоза (колхозного строя). Враг прогресса. Враг (социалистической) демократии. Враг коммунистической партии. Враг советской (народной) власти. Враг трудового народа. Враг трудового крестьянства. Враг(и) поднимает (поднимают) голову. Лить воду на мельницу наших (своих) врагов. Бороться с врагами. (Всеми фибрами) ненавидеть врагов. Перейти на сторону врага. Заигрывать с врагом. Выдавать секреты врагу. Работать на врага (на пользу врага). Если враг не сдается, его уничтожают (М. Горький). Кругом одни враги. Враг не дремлет. Враги окопались (попрятались, выползли, расползлись). Не давать ни минуты покоя врагам. Бей врага до последнего!

вредитель, часто мн. ч. **вредители** оф.-проп., общеразг., неприязн.-осужд. Всякий, кто действует либо проявляет себя в своих действиях во вред советской власти, советскому строю, советскому обществу, в представлении партийных руководителей и средств пропаганды. Борьба с вредительством, составляя основу сталинского правления, 1) давала возможность методически и регулярно устранять неугодных по тому или иному объявляемому и выбираемому поводу в любой подходящий момент; 2) служила средством создания и поддержки постоянного напряжения и неуверенности каждого, делая из него не сопротивляющийся, на всё готовый, послушный объект

манипулирования и использования; 3) являлась ярким свидетельством бдительности и неустанной заботы советской власти о благе народа, его идейной, моральной и политической чистоте, о правозаконности, честности и порядочности всех и каждого, его ответственности перед партией и народом, «не взирая на лица», поскольку жертвами борьбы с вредительством становились, и очень часто, руководители самых разных уровней, вплоть до высшего; 4) давала простое, понятное и всем доступное объяснение постоянных и слишком наглядных срывов, кризисов и неудач, расходящихся с громкими фразами, в деле социалистического строительства и неспособности руководства справиться с неустанными бедами экономического характера, создаваемыми им же на этом пути; 5) служила средством снятия накапливающегося недовольства и перевода его в удобное для партийного руководства русло, отвлекая внимание от настоящих причин и создавая возможность, с помощью стравливания и натравливания одних на других, объявляемых «черными овцами», препятствовать консолидации внутри производственных коллективов, вызывать и поддерживать взаимную подозрительность, недоверие у людей, боязнь контактов, каких-л. не поверхностных форм общения и откровенности, избегание, изоляцию, замкнутость, поощряя индоктринерство и доноительство, привычку ко лжи и двойному мышлению; 6) предоставляла возможность внешней изоляции советских людей, постоянно висящей над ними опасности от общения с иностранцами, действующими по заданию выславших их держав для создания вредительской сети с целью уничтожения и разложения советского строя руками граждан и изнутри страны; 7) оправдывая и объясняя необходимость политики изоляционизма и подозрительности, в обстановке

неприятия и враждебности по отношению к советской стране внутри и вне, необходимость неустанной бдительности, готовности к выявлению фактов подрыва, вредительства и борьбе, давала наглядный и очевидный повод к постоянному укреплению обороноспособности, усилению армии, растущим вложениям на вооружение и не слабеющей деятельности органов госбезопасности внутри страны на всех периодах и этапах ее послеоктябрьской (1917 г.) истории. < *вредить* 'причинять вред, совершать вредительство' < *вред* 'порча, ущерб' (БТС) * *вредительский, вредительски, вредительство, вредительствовать, вредительница*. Ср.: (внутренний) *враг, вредительский элемент, саботажник, срывщик, подрывщик, подстрекатель, поджигатель, отравитель, антисоветчик, диверсант, диссидент, троцкист, изменник, контра, контрик, контрреволюционер, оборотень, перевертыш, отщепенец*. ≈ *вредитель* 1. 'животное, насекомое, причиняющее вред в сельском, лесном и складском хозяйстве, а также в быту' *Вредители картофеля, хлебных злаков* 2. 'тот, кто умышленно наносит вред кому-, чему-л.' (БТС; МАС дает примерно те же знач.); *вредитель* 2. 'контрреволюционер, наносящий советскому государству экономический и политический вред с целью подорвать его мощь и подготовить реставрацию капитализма; диверсант' (БАС); *вредитель* 2. 'контрреволюционер, наносящий советскому государству экономический и политический вред с целью подорвать его мощь и подготовить антисоветскую интервенцию' (ТСУ); *вредитель* 2. в годы советской власти: 'человек, к-рому приписывается умышленное нанесение вреда производству; вообще тот, кто сознательно причиняет вред какому-н. начинанию' *Осуждён как в. кто-н. В. общему делу* (РСС); *вредитель* в советск. время: 'тот, кто не лоялен к

советскому строю, кто умышленно наносит вред государству, народу' (ТСРЯХХв.); «вредитель; вредительство – (сов) – 1. Саботажник; саботаж. – 2. До середины 20-х гг. «вредитель» означал исключительно насекомое или др. животное, причиняющее вред сельскому хозяйству (см. *Даль*). Затем советская пропаганда стала прикладывать этот термин к тем, кого партверхушка намечала в козлы отпущения в связи с бедственными последствиями своей же экономической политики. – 3. Термин был подхвачен **Коллегией ОГПУ**¹, употреблявшей его в своих судебных решениях вплоть до 1934 г. Однако в УК-26 [Уголовный кодекс 1926 г.] он не вошел. Вместо него был «подрыв гос. промышленности» (58-7) [статья 58, § 7] и «контрреволюц. саботаж» (58-14). – 4. В 1928 г., во время шахтинского процесса², это ругательное слово было

¹ «ОГПУ – Объединённое Главное Политическое Управление СССР; учреждено при СНК Совете народных комиссаров СССР по Декрету ЦИК Центрального исполнительного комитета СССР от 15 ноября 1923 г. «в целях объединения революционных усилий республик по борьбе с полит. и экономич. Контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом» ... При ОГПУ состоит Коллегия ... или особое совещание, кот. во внесудебном порядке выносит решения о направлении в лагеря или о расстреле лиц, признанных виновными. ОГПУ располагает особыми войсками.» (Росси, ч. 1, с. 243-244)

² «шахтинское дело или шахтинский процесс. – 1. С мая по июль 1928 г. проходил в **Шахтах** [город недалеко от Ростова-на-Дону] широко разрекламированный советской властью открытый процесс 53 инженеров и техников, обвинявшихся в саботировании добычи каменного угля. Это происходило в период, когда вследствие неумелого хозяйничания партии наступило резкое падение добычи. Многие из обвиняемых предупреждали власти о неминуемости такого результата. К обвиняемым были применены спецмеры [или меры – на языке «органов», пытки, истязание, битье, тоже спецобработка, меры физического воздействия, меры воздействия, воздействие (Росси, ч. 2, с. 378)], и они признали себя виновными. – 2. Все были осуждены, после чего ОГПУ создало из них первую шарашку [ОКБ – особое конструкторское бюро – «закрытое конструкторское бюро тюремного

возвышено в ранг официального советского юридического термина. – 5. В 1933 г. ЦИК [Центральный исполнительный комитет] СССР принимает «Постановление об ответственности за вредительство» ..., а статья УК-60, посвященная подрыву сов. хозяйства и саботажу, озаглавлена «вредительство» (ст. 69).» (Росси, ч. 1, с. 65) • *Злостный вредитель. Отъявленный вредитель. Явный вредитель. Скрытый вредитель. Вредитель производства. Вредители на производстве. Завелся вредитель. Вкрался вредитель. Разоблачить вредителя. Вредитель сельского хозяйства. Вредитель социалистического строительства. Выявить вредителя (и обезвредить). Борьба с вредителями. Искоренение вредителей. Стать на сторону вредителей. Поддерживать вредителей.*

всепрощенец *проп.*, возм. как *снисход.-пренебр.*, *насмешл.* 1. Человек с чересчур снисходительным, мягким, терпимым и всё понимающим отношением к людям, лишенный чувства классовой непримиримости, революционной жесткости, негибкости, большевистской решительности и бескомпромиссности. Не способный на месть, никого ни за что не преследующий, способный молча сносить обиды, не умеющий постоять за себя, за обиженных и униженных, за угнетенных, эксплуатируемых, противник вооруженного разрешения социальных конфликтов и классовых антагонизмов, революций, восстаний, насилия и борьбы в какой бы то ни было форме. 2. Мягкотелый толстовец (последователь Л.Н. Толстого с его «проповедью всепрощения и непротивления злу насилием») и слабый, никчемный, бесполезный для дела пролетариата

режима, в котором заключенные (ученые, конструкторы, инженеры) работали над решением военных и промышленных проблем (в 30-50-е гг.)» (ТСРЯХХв.). Шахтинский процесс послужил образцом для других открытых процессов...» (Росси, ч. 2, с. 454)

либеральный интеллигент, призывающий ко всеобщему равенству, гуманности и сочувствию ко всем людям без исключения, с оправданием и прощением всех и вся. Идеальный враг большевизма, лишенный классового сознания, отрицательный образ русского дореволюционного богоискательства, ищущего своих дорог во Христе, этических оснований и стимулов самоусовершенствования для каждого человека как духовной и нравственной сущности, представителя рода человеческого, а не того, как с оружием в руках и под руководством революционной партии – авангарда трудящихся – начать ломать эксплуататорский несправедливый миропорядок и строить иное будущее для человечества – социализм и коммунизм. Своими взглядами противоречит морали советского человека с ее революционной устремленностью и классовой, а не общегуманистической, направленностью, а нравственной проповедью разлагает и портит советских людей. < *всепрощение* ‘полное прощение всего и всех’ (МАС); *всепрощение* (книжн. устар.) ‘полное прощение, забвение обид’ (ТСУ); *всех* (*и* *вся*, *и* *всё*) *прощать* * *всепрощеньческий*, *всепрощеньчески*, *всепрощеньчество*, *всепрощеньство*, *всепрощеньствовать*, *всепрощенька*. Ср.: *непротивленец*, *толстовец*, *примиренец*, *миротворец*, *пацифист*, *идеалист*, *утопист*, (*праздный*, *пустопорожний*) *мечтатель*, (*пустой*) *созерцатель*, *утешитель*, *умиротворитель*, *гуманист*, *либерал*, (*мягкотелый*) *интеллигент*, *богоискатель*, *богостроитель*, *святоша*, *святитель*, *отшельник*, *схимник*, *монашек*, *буддист*, *кришнаит*, *хляк*, *дохляк*. ≈ *всепрощенец* неодобр. ‘тот, кто всем всё прощает’ (БТС); *всепрощенец* ‘тот, кто проповедует всепрощение, склонен к всепрощению’ – ‘полному прощению всех, за всё’ (Ефр.). • *Наивный*

всепрощенец. Беззубый всепрощенец. Мякотельный всепрощенец. Жалкий всепрощенец.

вырожденец *разг.-проп., неприязн.-пренебр.* 1. Представитель старого мира, человек, оставшийся в досоветском прошлом, не принявший для себя, не признавший произошедшего, закостенелый в своем недоверии к советской власти, неодобрении и несогласии с ней. Живущий привычным для себя чередом, не изменивший обычаев и привычек, словно бы не было октября 1917-го и всего, что последовало с ним и за ним, замкнувшийся и отверженный в своем внутреннем мире. Идейный и классовый, хотя затаившийся, спрятавшийся, укрытый, враг советского строя и контрреволюционер, надеющийся, по представлению официальной идеологии и пропаганды, на возвращение прежнего и реставрацию капитализма. 2. Представитель класса эксплуататоров, уничтоженного советской властью и, тем самым, «классовый отщепенец и дегенерат». «Последний из могикан», не сдающийся и упорно цепляющийся за то, чего нет и чему возвращения не будет, мечтающий о грядущем возмездии, падении большевизма и обращении колеса истории вспять, к прежним, блаженным и присно памятным, временам. 3. Политический и идеологический «вероотступник», нарушивший, предавший, в представлении победившей партийной верхушки, чистоту большевистских идей. Соперник, противник, изображаемый пропагандой как перешедший в лагерь идейных врагов, жертва преследований, организованной травли и чисток. Всякий партиец, особенно среднего и высшего уровня, кто, по каким-л. соображениям став неудобным, обвиняется предавшим ленинские революционные идеалы, изменившим марксизму, партии, советскому строю и

сползшим в болото реакции, контрреволюции и антисоветчины. < вырождение 'состояние по знач. глаг. *выродиться* – *вырождаться*; утрата ценных свойств предшествующих поколений; дегенерация'; *выродиться* (несов. *вырождаться*) 1. 'ухудшиться в своей природе, утратив ценные свойства предшествующих поколений' 2. 'утратить способность к дальнейшему развитию, измельчать, прийти в полный упадок' (МАС); *выродиться* 2. 'исчезнуть, перевестись' (БТС) * *вырожденческий, вырожденчески, вырожденчество, вырожденка*. Ср.: *отщепенец, лишенец, бывший, контра, контрик, контрреволюционер, антисоветчик, выродок, дегенерат, пережиток, отрыжка (прошлого), ренегат, отверженец, перевертыш, последний, оппозиционер, оппортунист, ревизионист, троцкист, уклонист, антиленинец, антипартиец, антикоммунист, изменник, предатель, примазавшийся, диссидент, изгой. ≈ вырожденец* разг. 'человек с признаками физического, психического или духовного вырождения; дегенерат' (БТС; в МАС – физического или психического вырождения); *вырожденец* 'тот, кто вырождается, дегенерат, выродок'; *выродок* (разг. неодобрит.) 'человек, выделяющийся из какой-н. среды в дурную сторону' Он в. в нашей семье (ТСУ). • *Нравственный (моральный) вырожденец. Политический вырожденец. Идеальный вырожденец. Избавиться от вырожденцев в партии. Вырожденцам не место в партии!*

Примечания:

1. Схема была составлена автором в 1987 г. в качестве учебного материала к занятиям по русскому языку на отделении журналистики Ростовского университета; затем, с соответствующими объяснениями и комментариями, была опубликована в учебном пособии *Русский язык. Введение*. Ростов-на-Дону, изд-во Ростовского ун-та, 1993 (соавтор Л.А. Введенская), а также в последующих изданиях того же пособия под названием *Теория и практика русской речи*. Ростов-на-Дону, изд. «Феникс», 1997; Москва – Санкт-Петербург – Нижний Новгород..., изд. «Питер», 2005. Горизонтальная ориентация субъектной оси (субъект – высказывание – адресат) предполагает обычное равенство коммуникативных ролей участников с возможностью их взаимной замены.

2. Перед нами закат того политического периода, который носителями власти был обозначен номинативом *перестройка*.

3. Попытки определения и отчасти описания такой оценочности как составляющий семантической структуры слова в языке политики предпринимались, получая различные именованья, см., например, [Schmidt 1972]; [Good 1975: 226]; [Schlesinger 1977]; [Schmidel, Schubert 1979: 129]; [Стриженко 1980: 152-153, 158, 162-168]; [Пароятникова 1988] и др. Однако не в поиске и подборе термина, а в определении механизма видел автор свою задачу.

4. Приемы и средства апеллятивной функции в текстах СМИ были предметом анализа в частности в работах: [Блакар 1987]; [Дрилзе 1982]; [Речевое воздействие... 1990]; [Язык и массовая коммуникация 1984];

[Язык и стиль буржуазной пропаганды 1988]; [Язык как средство идеологического воздействия 1987]; [Мирошниченко 1995].

5. О семантических мотивировках принципа номинации как методе семантической реконструкции, применительно к определенному хронологическому уровню (речь идет о ранних стадиях языка) см. [Топорова 1994: 12-13]. Метод может быть применен в отношении всякой вербальной системы, предполагающей мотивировку обозначаемого.

6. Нечто сходное наблюдается и в других языках. Так, в древнегреческом *ανθρωπος* ‘человек’, но также с оттенком презрения о рабах или лицах нелюбимых; женское *η ανθρωπος* ‘женщина’, ‘раба’, ‘служанка’, ‘гетера’; в то время как *ανηρ*, *ανδρος* ‘муж’, ‘возмужалый’, ‘мужчина’, ‘супруг’, ‘мужественный человек’ и вообще ‘человек’. Двойственность, тем самым, не случайная и типологическая, развивающаяся в социальную проекцию вследствие исходных семантических мотивационных оснований различающихся корней. Н.Д. Андреев выводит двойственность представления о человеке, правда иного рода, уже на основе реконструируемых им протоиндоевропейских корней: „MN-. Человек, людской, по-человечески, мыслить ... 1 РАЗУМ ... думать ... мысль ... смысл ... возбуждение ... 2 МУЖЧИНА” и „XN-. Мужчина, мощно, мужской, разведывать ... 1 МОЩЬ ... принуждать (скотину) ... теснить (врага) 2 ВПЕРЕДИ ИДУЩИ ... МИЛОСТЬ к слабым членам своего рода - племени 4 ЧЕЛОВЕК” (к этому второму относится и греч. *αν-ēr*) [Андреев 1986: 179, 202].

7. Представление, сходное с темой работы [Топорова 1995].

8. В том числе, возможно, как сын сапожника и всеобщий чистильщик. Ср. у Ж. Росси: «Примеч.: маленького роста, чёрный и рябой, говоривший по-русски с сильным кавказским акцентом, Сталин напоминал тех кавказцев-ассирийцев, уличных чистильщиков сапог, которые пользовались гуталином». [1987, 1: 95]

9. У Росси: «тот, кто подливает масло в огонь» [1987, 1: 154], «подстрекать, провоцировать, подливать масло в огонь; ср. *керосинщик*». [1987, 2: 291]

10. Группы связываются также по-разному взаимодействующими в них и общими категориями, такими, как фипитность, массив, субъект, деформация, продукт (из названных), но эти отношения и связи в своем классифицирующем представлении намного сложнее.

11. Показателен в этом отношении приводимый в качестве иллюстрации к слову пример из «Толкового словаря языка Совдспии» [Мокиенко, Никитина 1998]: «Пресловутый «несун», ставший настоящим вором, причиняет **глубокий нравственный урон нашим принципам** (выделено мною – П.Ч.).» (Человек и закон, 1983, № 10, 39)

12. В связи со сказанным возникает еще одна представляющаяся важной проблема, которую на данном этапе придется оставить без рассмотрения, с тем чтобы вернуться к ней после и на основе парадигматического определения системы советской действительности. Проблема, которой отчасти уже приходилось касаться. Речь идет о границах советскости в отношении лексического состава. Почему, на основе каких семантических свойств *стахановец, передовик, ударник*, к примеру, должны и могут определяться как слова-советизмы, а выражающие не менее важные для советского позитива и также часто и регулярно использовавшиеся в советское время *лечник*,

моряк, солдат и т.п., обозначая, передавая что-то неодолимо в себе советское, советизмами вместе с тем не являются.

13. Применительно к сказанному ср.: аналогичное значение для советского мифа о летчике у [Вайс 2007: 42], определяемое им в отношении внушающей силы, общей семантики интенсификации и перевода идеи движения вперед в вертикальную плоскость – «вперед и выше!», а также слова популярной в советское время песни, объединяющие разбираемые признаки обладателя, деятеля и действователя, *Все выше и выше и выше Стремим мы полет наших птиц И в каждом пропеллере дышит Спокойствие наших границ...*

14. В этом месте хотелось бы обратить внимание на двойственные в ряде случаев характеристики – носитель и обладатель, аффирматив-экстенсив, расширение-распространение, обеспечение-поддержание и т.п., которые не столько загромождают или, напротив, дополнительно уточняют определяемую ими идею, сколько нередко дают представление о двух возможных позициях, направлениях взгляда – извне либо изнутри. Носитель признака, таким образом, будет представлять собой характеристику для взгляда извне, обладатель, напротив, изнутри, для него самого. Аффирматив – как то, что имеет своим направлением-выходом силу на подкрепление, поддержание, исходящую изнутри, от себя вовне. Экстенсив – простираение, растягивание, расширение, распространение, овладение – как то, что постигается, воспринимается, обобщается так, соответствующим данному представлению образом, взглядом извне. Расширение, соответственно, будет связано с экстенсивом, распространение – предполагать позицию аффирматива (направление-выход вовне из себя) в экстенсиве, имеющем результатом

охватывание, овладение пространством. Подобным образом, но применительно к данному смыслу, могут быть объяснены и другие используемые удвоенные характеристики.

15. В зависимости от значения и употребления целый ряд слов можно было бы относить к разным тематическим группам. Представленное подразделение в известной мере условно и имело целью иллюстрацию реализуемой в узусе языковой потенции к расширению лексического состава.

16. Все три слова имеются в орфографическом словаре (13-го и всех последующих изданий). В *Большом толковом словаре*... их нет, несмотря на то, что приставочные образования с *не-*, не только новейшие, в нем представлены весьма обстоятельно; в *Новом словаре русского языка*... из этих трех есть только *неподведомственный*.

17. Традиционно принято уподоблять современное нестабильное состояние языка двум состояниям – в начале XVIII века, эпохе реформ Петра I и периоду, наступившему в России после 1917 года и захватившему 20-е и 30-е годы XX столетия.

18. Цитируемые определения значений даются по статьям в *Толковом словаре русского языка конца XX века*... (1998).

19. См. поиски определения данного языка: [Głowiński 1990: 7]; замечания Е.А. Земской об этой форме, определяемой ею вслед за М. Гловиньским как новояз и квазиязык в его речевых разновидностях [Земская 1996: 19-25]; стремление ряда авторов определять его как язык тоталитарный, официальный, пропагандистский, партийный, публицистический, политический, советский политизированный, советского политического дискурса, идеологизированный и пр. Не вдаваясь в дискуссию, за

неимением места и времени, останемся при описательном и потому не совсем удобном русский язык советского времени. Точным могло бы быть определение В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (Толковый словарь языка *Совдепии*, Санкт-Петербург 1998), но в силу своей заряженности и разговорности и оно нас не может удовлетворить.

20. Показательно в этом смысле метафорическое определение такого явления, ср. в заглавии: Найдич Л.Э. *След на песке. Очерки о русском языковом узусе*. Санкт-Петербург 1995.

21. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина характеризуют это как явление прежде всего стилистическое: «Поскольку советизмы создавались в основном официальной пропагандой и внедрялись ... через публицистику, их официально-публицистический фон должен был восприниматься как норма языка, а героика и монументализм как норма жизни. Таким образом, понятие нейтрального в языке Совдепии несколько сместилось.» (Толковый словарь языка *Совдепии*..., с. 15).

22. Показателем сказанному, в частности, может служить наличие слова *светоч* с пометой «уход в пассив» и отсутствие слова *искра* с подобной пометой, а также как советизма в *Толковом словаре русского языка конца XX века*...

23. В *Толковом словаре языка Совдепии* такие слова определяются как стилистические советизмы, характеризуюсь одновременно как «специфические примеры использования «несоветской» лексики». (с. 12)

24. Среди работ, посвященных данной проблеме, см., напр.: [Русский язык и современность 1991]; [Караулов 1991]; [Русский язык в его функционировании 1993]; [Ферм 1994]; [Костомаров 1994]; [Дуличенко 1994]; [Нечасва

1996]; [Русский язык конца XX столетия 1996, 2000]; [Скляревская 1996]; [Русский язык сегодня 2000]; [Валгина 2003]; [Бельчиков 2006] и др.

25. Приводимые примеры см. [Ермакова 2000: 34-35].

26. Приводимые здесь и далее единицы следует воспринимать в их советски ориентированных значениях, не всегда отражаемых в достаточно очевидном виде в существующих словарях. Поскольку их представление, с необходимыми объяснениями и комментариями, заняло бы немало места и отвлекло от решаемой задачи, отсылаем читателя к лексикографическим источникам, на материале которых подобное представление в совокупности можно в некотором приближении получить: *Толковый словарь русского языка*. Под ред. Д.Н. Ушакова (т. I-IV). Москва 1935-1940; *Словарь русского языка в 4-х томах*. Гл. ред. А.П. Евгеньева, 2-е изд. Москва 1981-1984; В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина: *Толковый словарь языка Совдепии*. Санкт-Петербург 1998; *Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения*. Гл. ред. Г.Н. Скляревская, Санкт-Петербург 1998; Ж. Росси: *Справочник по ГУЛАГу. В двух частях*. Изд. 2-е, доп. Москва 1991; *Большой толковый словарь русского языка*. Гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург 2000. Подробное описание рассматриваемых в данной работе лексических единиц содержится в подготовленном к печати и составившем основу данного представления учебно-образовательном словаре: П. Червинский: *Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц*.

27. О.П. Ермакова определяет процесс перехода этого слова из советизма в обычное слово как возвращение к прежнему значению с дефразеологизацией и актуализацией прежней словообразовательной модели –

ликвидаторы последствий Чернобыля [Ермакова 2000: 37-38].

28. Ср. толкование и особенно употребление этого слова, советское и постсоветское, согласно Словарю под ред. Д.Н. Ушакова (Лицо, способствующее сохранению или восстановлению мира. *Играть роль миротворца*) с пометами книжн. устар. ритор., теперь чаще ирон. и Толковому словарю конца XX в.: Публ. Тот, кто занимается миротворческой деятельностью, участвует в миротворческой акции. *Войска ООН выполняют роль миротворца в горячих точках планеты.*

Литература:

Андреев Н.Д. Раннеиндоевропейский праязык. – Л., 1986.

Апресян Ю.Д. Семантическая модель анализа // Апресян Ю.Д. Идеи и методы структурной лингвистики. – М., 1966.

Апресян Ю.Д. О языке для описания значений слов // Известия АН СССР ОЛЯ, 1969, № 5.

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 35. – М., 1997.

Арнольд И.В. Стилистика декодирования. Курс лекций. – Л., 1974.

Аругюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М., 1985.

Бельчиков Ю.А. К изучению речевых новаций в русском литературном языке конца XX – начала XXI столетия // Славистика. Синхрония и диахрония. Сборник научных статей к 70-летию И.С. Улуханова. Под общей ред. В.Б. Крысько. – М., 2006.

Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. Пер. с англ. – М., 1987.

Борисова Е.Г., Имплицитная информация в лексике // Имплицитность в языке и речи. Отв. ред. Е.Г. Борисова, Ю.С. Мартемьянов. М., – 1999.

Вайс Д. Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении // Политическая лингвистика – 2007. – № 3 (23).

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М., 2003.

Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше. Механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания, 1993, № 4.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 2002.

Горбаневский М.В. Имя, наполненное временем // Русистика, 1992, № 1.

Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре массовой коммуникации. – М., 1982.

Дуличенко А.Д. Русский язык конца XX столетия. – München, 1994.

Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). Отв. ред. Е.А. Земская. – М., 2000.

Жолковский А.К., Леонтьева Н.Н., Мартемьянов Ю.С. О принципиальном использовании смысла при машинном переводе // Машинный перевод, Труды Ин-та ТМ и ВТ АН СССР. Вып. 2. – М., 1961.

Жолковский А.К., Мельчук И.А. К построению действующей модели языка «Смысл ↔ Текст» // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 11. – М., 1969.

Земская Е.А. Введение. Исходные положения исследования // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М., 2000.

Земская Н.А. Новояз, new speak, nowotowa... Что дальше? // Русский язык конца XX столетия(1985-1995). – М., 2000.

Зильберт Б.А. Языковая личность и «новояз» эпохи тоталитаризма // Языковая личность и семантика. – Волгоград, 1994.

Какорина Е.В. Трансформации лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). Отв. ред. Е.А. Земская. – М., 2000.

Карасик В.И. Язык социального статуса. – М., 1992.

Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. – М., 1991.

Клемперер В. LTI. Язык Третьего рейха. Записные книжки филолога. – М., 1998.

Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. – М., 1971.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – М., 1994.

Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М., 1989.

Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург –Пермь, 1995.

Купина Н.А. Языковое строительство: от системы идеологом к системе культурем // Русский язык сегодня. Отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2000.

Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. – Вильнюс, 1995.

Леонтьев А.А. Язык пропаганды: социально-психологический аспект // Язык как средство идеологического воздействия. Отв. ред. Ф.М. Березин. – М., 1987.

Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. – М., 2005.

Мартемьянов Ю.С. К построению языка лингвистических описаний // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем, АН СССР. – М., 1964.

Мартынов В.В. Универсальный семантический код. – Минск, 1977.

Мирошниченко А. Толкование речи. Основы лингво-идеологического анализа. – Ростов-на-Дону, 1995.

Муханов И.Л. О текстообразующей функции имплицитных смыслов высказывания (диалог) // Имплицитность в языке и речи. Отв. ред. Е.Г. Борисова и Ю.С. Мартемьянов. – М., 1999.

Найдич Л.Э. След на песке. Очерки о русском языковом узусе. – СПб., 1995.

Нечаева В. Изменения в лексическом составе современного русского языка и нарушение узуса // Русский язык в переломное время: 1985-1995. – München, 1996.

Пароятникова А.Д. "Конденсированные символы" в буржуазной пропаганде // Язык и стиль буржуазной пропаганды. – М., 1988.

Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968.

Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советский эпохи. – М., 1975.

Речевое воздействие в системе массовой коммуникации. – М., 1990.

Русская грамматика. Т. I-II. Гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 1980.

Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. Отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев. – М., 1993.

Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Ч. I. – М., 1991.

Русский язык конца XX столетия (1985-1995). Отв. ред. Е.А. Земская. – М., 1996, 2000.

Русский язык сегодня. Отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2000.

Скляревская Г.Н. Русский язык конца XX века: версия лексикографического описания // Словарь. Грамматика. Текст. – М., 1996.

Скляревская Г.Н. Слово в меняющемся мире. Введение // Толковый словарь русского языка XX в. Языковые изменения. – СПб., 1998.

Солганик Г.Я. Системный анализ газетной лексики и источники ее формирования. – М., 1976.

Стриженко А.А. Роль языка в системе средств пропаганды. – Томск, 1980.

Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. – М., 1994.

Ферм Л. Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). – Uppsala, 1994.

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. – М., 2006.

Шарифуллин Б.Я. О лексике и фразеологии политизированного языка // Лексика и фразеология: Новый взгляд. – М., 1990.

Швейцер А.Д. Контрастивная стилистика. – М., 1993.

Язык и массовая коммуникация. Социолингвистические исследования. Отв. ред. Э.Г. Туманян. – М., 1984.

Язык и стиль буржуазной пропаганды. Отв. ред. Я.Н. Засурский и А.Д. Пароятникова. – М., 1988.

Язык как средство идеологического воздействия. Отв. Ред. Ф.М. Березин. – М., 1987.

Bralczyk J. O języku polskiej propagandy politycznej lat siedemdziesiątych. – Warszawa, 2001.

Drinan R.F. The Rhetoric of Peace // College Composition and Communication. 23. 1972.

Fillmore Ch. Types of lexical information // Studies in syntax and semantics. Ed. by F. Kiefer. – Dordrecht, 1969.

- Głowiński M. Nowomowa po polsku. – Warszawa, 1990.
- Goffmann E. Forms of Talk. – Oxford, 1981.
- Good C.H. Die deutsche Sprache und die kommunistische Ideologie. – Bern, Frankfurt a. M., 1975.
- Pstyga A. Z badań nad strukturą rosyjskich negatywów rzeczownikowych // Wokół struktury słowa. Pod red. A. Pstygi. Wyd. Un-tu Gdańskiego. – Gdańsk, 2003.
- Schlesinger A. Politics and the American Language // Communication through Behavior. – St. Paul, 1977.
- Schmidel L., Schubert M. Semantische Struktur und Variabilität von Schlüsselworten aus Politic und Wirtschaft. – Leipzig, 1979.
- Schmidt W. Der Verhältnis von Sprache und Politik als Gegenstand Ideologie. – Halle (Saale), 1972.
- Seriot P. Analyse du discours politique soviétique // Culture et Sociétés de l'Est. 2. – Paris, 1986.
- Weiss D. Was ist neu am «newspeak»? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion // Slavistische Linguistik 1985. – München, 1986.
- Zaslavsky V., Fabris M. Лексика неравенства – к проблеме развития русского языка в советский период // Revues des etudes slaves 1982, v. 54, № 13.

Цитируемые словари:

- Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. (БТС, БТСРЯ) – СПб., 2000.
- Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Репринт 5-го изд. 1899 г. – М., 1991.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах. (Даль) – М., 2000 (по 2-му изд. 1880-1882 гг.).

Елистратов В.С. Словарь русского арго (материалы 1980-1990-х гг.). (Елистр.) – М., 2000.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 1-2. (Ефр.) – М., 2000.

Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. – М., 1996.

Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. – М., 1977.

Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. (Квес.) – М., 2003.

Латинско-русский словарь. Сост. И.Х. Дворецкий и Д.Н. Корольков. Под общ. ред. С.И. Соболевского. – М., 1949.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. (ТСЯС) – СПб., 1998.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. (БСЖ) – СПб., 2000.

Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Т. I-II. 2-е изд. (Преобр.) – М., 1959.

Росси Ж. Справочник по ГУЛАГУ. В двух частях. Изд. 2-е, доп. (Росси) – М., 1991.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Т. I (III). (РСС) – М., 1998 (2003).

Словарь иностранных слов. Гл. ред. Ф.Н. Петров. 9-е изд. (СИС) – М., 1982.

Словарь русского языка в 4-х томах. Гл. ред. А.П. Евгеньева, 2-е изд. (МАС) – М., 1981-1984.

Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. (СТЛБЖ) – М., 1992.

Срезневский И.И. Материалы словаря древнерусского языка. Т. I-III. (Срезн.) – М., 1958.

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. Гл. ред. Г.Н. Складеревская. (ТСРЯХХв.) – СПб., 1998.

Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова (т. I-IV). (ТСУ) – М., 1935-1940.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. 2-е изд. (Фасм.) – М., 1986-1987.

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. (Хим.) – СПб., 2004.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I-II. 3-е изд. (Черных) – М., 1999.

**Публикации автора по рассматриваемым
проблемам:**

**Язык советской действительности: лексика и
семантика**

Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (часть 3) // Политическая лингвистика. 2009. № 3 (29) [в печати]

Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (часть 2) // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28), с. 46-62.

Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (часть 1) // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27), с. 132-147.

Семантика советского позитива в контексте продуцируемого представления действительности (на материале обозначения лиц) // Политическая лингвистика. 2008. № 3(26), с. 110-127.

Семантика негативно оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности. Статья 2 // Политическая лингвистика. 2008. № 1(24), с. 72-85.

Семантика негативно оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности. Статья 1 // Политическая лингвистика. 2007 № 3(23), с. 118-133.

Идеологический компонент в толковании лексического значения (на материале обозначения лиц) [в печати]

Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц [Словарь, 30 печ. л., ок. 400 единиц, в печати]

Идеологический компонент в толковании лексического значения (на материале обозначения лиц) // Problemy semantyki i stylistyki tekstu (tezy referatów). Łódź, 2008, s. 8-9.

Человек в языке советской эпохи: категории и признаки называния // Język w kontekście społecznym i komunikacyjnym. Konfrontatywne studia rusycystyczne. Red. P. Czerwiński i A. Charciarek. Wydawnictwo WW Oficyna Wydawnicza. Katowice 2007, s. 41-49.

Языковой антимонументализм, или лингвистическое разоблачение "новой эпохи". [Рецензия на книгу: Jarosław Wierzbński, Stylistyczny fenomen języka artystycznego Michała Zoszczenki. Wyd. Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź 1999, 177 s.] // Respectus Philologicus. Red. B. Sinoczka, Vilnius-Kaunas, 2002, nr 2(7), s. 188-189.

Язык новейшего состояния: тенденции, явления и процессы

Лексика предыдущего состояния в аспекте изучения изменений лексического состава современного языка [в печати]

Образования с *не-* в контексте социально-политических изменений конца XX века // *Wschód – Zachód. Dialog kultur. Język rosyjski i literatura w perspektywie kulturowej. Русский язык и литература в культурном пространстве. Pod red. G. Nefaginy. Słupsk, 2007, s. 296-301.*

Некоторые тенденции современного языкового состояния (о языке конца XX – начала XXI века) // *Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Вып. I. Ред. В.И. Дегтярев и Е.Я. Кедрова. Ростов-на-Дону, 2007, с. 119-121.*

Некоторые тенденции современного языкового состояния (о языке конца XX – начала XXI века) // *Świat techniki i humanistyki. Rozprawy Naukowe Akademii Techniczno-Humanistycznej. Nr 1. Pod red. E. Tokarza. Bielsko-Biała, 2007, s. 130-133.*

Уходящая лексика. Живые процессы меняющегося словарного состава (о языке XX века) // *Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка. Под ред. И.Л. Тетерева. Варшава, 2007, с. 161-167.*

Русский язык последнего пятидесятилетия: тенденции генеративно-перцептивной базы // *Новое в*

теории и практике описания и преподавания русского языка. Ред. И.Л. Тетерев, Т. Медзипьски. Варшава, 2002, с. 377-382.

Русский язык последнего пятидесятилетия: тенденции узуального состояния // Русский язык как иностранный: специфика описания, теория и практика преподавания в России и за рубежом. Ред. М.Л. Ремнева. – М., 2001, с. 342-343.

Współczesny język rosyjski – tendencje rozwoju // Słowiańszczyzna w kontekście przemian Europy końca XX wieku. Język – tradycja – kultura. Red. E. Tokarz. Katowice, 2001, s. 197-202. (Współaut.: J. Stawnicka)

Слово как феномен социального сознания // Доклады и материалы Международной научной конференции «Актуальные вопросы филологических наук». Ред. Г.И. Цибахашвили. Тбилиси, 1999, с. 82-91/ (Соавт.: Л.А. Введенская)

Особенности языкового сознания русскоязычных: языковая и концептуальная картина мира второй половины XX века

Речевая стратегия НЕ- в языке второй половины XX века (к постановке проблемы) // Русистика и современность. Языкознание 4. Red. Z. Czapiga. Wydawnictwo Un-tu Rzeszowskiego. Rzeszów, 2006, s. 169-175.

Речевая стратегия *ne-* и позиция говорящего в языке второй половины XX века // Известия УрГПУ. Лингвистика.

Вып. 9. Отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2006, с. 270-289.

Успех в представлениях русской ментальности (по материалам словаря сновидений) // *Mundo Eslovo. Revista de cultura y estudios eslavos*. Num. 3. Universidad de Granada, 2004, s. 161-169.

Концептуальные и речевые клише как мотивирующая основа знаков-лексем языкового сознания // *Cuadernos de Rusística Española*. Nr 1. Red. R.G. Tirado, E.Q. Gervilla, Granada, 2004, s. 189-198.

Имплицитная оценочная семантика современных речевых словоупотреблений: реликты родовых отношений в коллективном сознании русскоязычных // *Język rosyjski w konfrontacji z językami Europy w aspekcie lingwokulturoznawczym*. Red. P. Czerwiński, H. Fontański, Katowice, 2004, s. 15-21.

Дискурс традиции: проблемы описания средствами универсальных смыслов // *Z studiów nad językami i literaturami wschodniosłowiańskimi*. Red. B. Tichoniuk, W. Wilczyński. Wyd. Un-tu Zielonogórskiego, Zielona Góra 2004, s. 27-37. (Współaut.: M. Nadel-Czerwińska)

Интродукция женского нарратива: типология форм мужского в его отношении к женскому // *Aktualne problemy semantyki i stylistyki tekstu*. *Studia opisowe i komparatywne*. Pod red. J. Wierzbńskiego. Łódź, 2004, s. 23-33.

Слова-сигналы в когнитивных моделях высказывания (коммуникативные предметно-тематические

проекции) // *Śląskie studia lingwistyczne*. Pod red. K. Kleszczowej i J. Sobczykowej. Katowice, 2003, s. 89-95.

Сигнальные функции слова в аутоэкспликативном тексте // *Słowo w tekście, przekładzie i słowniku*. Red. K. Bajor, J. Wierzbinski: Peter Lang, Frankfurt am Main – Berlin – Bern – Bruxelles – New York – Oxford – Wien, 2002, s. 477-493.

Коммуникативный и предметный мир маргинального (на примере номинативов молодежного сленга) // *Język w komunikacji*. Red. G. Habrajska. T. 2. Łódź, 2001, s. 239-254.

Мотивационные основания когнитивно-вербальных связей: их семантика и структура // *Русистика и современность. Языкознание 2*. Red. M. Bobran. Rzeszów, 2001, s. 162-178.

Горизонтали и вертикали общественного пространства в польско-русской ретроспективе (номинативные следствия совмещаемой ментальности) // *Dziedzistwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniosłowiańskich*. T. V. Badania filologiczne. Red. J.F. Nosowicz. Białystok, 2000, s. 63-73.

Концептуальные парадигмы русского речевого сознания в их отношении к изучению языка // *Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка*. Ред. Н.П. Исаев, Е.В. Исаева, Т. Медзиньски. Варшава, 2000, с. 337-342.

Национальное – это не то, что о нем думают все, а то,

что думает каждый (о спец. курсе "Этнология и политика") // "Город N", апрель 1993, 5 с.

Языки политического и публицистического воздействия

Номинативный акт и оценочность в составе клишированных единиц языка политики // Русистика и современность. Языкознание 3. Ред. М. Бобран, Rzeszów, 2003, s. 157-174.

Параллелизм, контраст и троекратность – организующие публицистического воздействия (структурно-семантический анализ одного газетного текста) // *Innowacje w językach wschodniosłowiańskich* II. Red. B. Tichoniuk. Zielóna Góra, 2002, s. 173-180.

Приемы и способы социальной оценочности в современном публицистическом тексте // Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка. Ред. Н.И. Исаев. Варшава, 1999, с. 293-299.

Социальные формы субъективной модальности. Их место и роль в новых текстах средств массовой информации // Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка. Ред. Н.П. Исаев и др. Варшава, 1998, с. 213-220.

Типология форм социальной оценочности в свете идей Е.Д. Поливанова // Гуманитарные науки на границе тысячелетий. Ч. 2. Ред. Л.А. Исаева, Г.Н. Утков, А.Л.

Факторович. Краснодар, 1997, с. 98-109. (Соавт.: Л.А. Введенская)

Модели коммуникативных структур и функциональная типология текстов // Речевое воздействие в текстах разной функциональной направленности. Проблемы речевого воздействия. Материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 3. Ростов-на-Дону, 1996, с. 4-6.

Модели ритмосемантической организации публицистического воздействия // Проблемы экспрессивной стилистики. Вып. 3. Отв. ред. Т.Г. Хазагеров. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1996, с. 82-91.

Wortsemantik unter den Bedingungen der Massenkommunikation // Literatur und Journalistik im historischen Wandel. Herausg.: E. Obendiek. Dortmund, 1995, s. 128-140. (Соавт.: Л.А. Введенская)

Современные аспекты исследования языка массовых коммуникаций // Отчеты Института массовых коммуникаций при Ростовском университете за 1995 год. Деп., Ростов-на-Дону, 1995, 15 с.

"Языки" общественного сознания: к определению предмета журналистского образования // Современное состояние и перспективы развития журналистской науки, образования, практики. Материалы Международной школы-семинара. Отв. ред. А.Г. Беспалова. Ростов-на-Дону, 1995, с. 45-47.

Язык в системе массовых коммуникаций в современном мире // Отчет Института массовых

коммуникаций при Ростовском университете. Деп. Ростов-на-Дону, 1992, 15 с.

Апеллятивы языка политики как имплицитные свернутые высказывания // Северо-Кавказские чтения. Материалы школы-семинара. Вып. 3, Тезисы докладов. Ростов-на-Дону, 1992, 4 с.

Социолингвистика в публицистике // Новая пресса: проблемы становления и развития. Материалы Всесоюзной конференции. Воронеж, 1991, с. 141-148. (Соавт.: Л.А. Введенская)

Кодовые системы политики (концепция словаря современной идеологии) // Журналистика в изменяющемся мире. Материалы Всесоюзной научной конференции. Отв. ред. Л.В. Шибаева. Ростов-на-Дону, 1991. Вып. 4, с. 16-18.

Ритмические структуры семантического воздействия в газетном тексте // Научная конференция по методам исследования журналистики: Тезисы докладов. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1987, с. 62-63.

Проблемы подхода к семантической типологии газетных текстов // Типология журналистики. Вопросы методологии и истории. Ред. Я.Р. Симкин. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1987, с. 148-154.

Семантический анализ текста — комплекс гуманитарных проблем // Тезисы докладов межвузовской конференции молодых ученых. Ростов-на-Дону, сентябрь 1982. "Молодой журналист", № 4, 21.09.1982, 2 с.

Текст: семантика, грамматика и проблема типов // Методы исследования журналистики: Материалы II Всесоюзной конференции. Отв. ред. Я.Р. Симкин. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. Ун-та, 1981, с. 129-134.

Системологический метод анализа текста // Тезисы докладов межвузовской конференции молодых ученых, Ростов-на-Дону, ноябрь 1980. "Молодой журналист", № 7, 11.11.1980, 1 с.

Проблема устного текста // Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по методам исследования журналистики, Ростов-на-Дону, ноябрь 1979. "Молодой журналист", № 6-7, 26.11.1979, 2 с.

Русский и советский речевой узус: семантика узуальной лексики

Аспекты лингвopsихологической диагностики партнерских отношений. Тернополь, 2009, 76 с. (Соавт.: М. Надель-Червинская и А. Червинская)

Метафоры русского сексуального EGO: концептуальный подход к описанию лексики и словаря. Тернополь, 2009, 145 с. (Соавт.: М. Надель-Червинская и А. Червинская)

Использование общеупотребительных лексем в интимных контекстах и речевых ситуациях // Лексика подстандарта. Т. 1. Проблемы описания разговорной речи. Red. A. Zych i M. Nadel-Czerwińska. Katowice, 2007, s. 13-39.

Обучение речи и языку: процесс как форма и коммуникативная типология говорящего // *Respectus Philologicus*. Red. B. Sinoczka, Vilnius-Kaunas, 2003, nr 3(8), s. 55-65.

Номипативные мотивационные коды и контрастивное изучение речевой узальной семантики (польско-русские соответствия) // *Konfrontacja języków słowiańskich na poziomie leksyki, słowotwórstwa i składni*. Red. P. Czerwiński, przy współpracy M. Borek. Katowice, 2001, s. 22-31.

Metaphern des russischen sexuellen EGO. Ein linguopsychologisches Wörterbuch des aktuellen Sprachgebrauchs. [Метафоры русского сексуального EGO. Лингвопсихологический словарь современного речевого словоупотребления. Выпуск 1. А! – Аяк] (Herausg. und eingel. von J. Hartung). VERLAG DR. KOVAČ in Hamburg, 2001, 342 s. Buchstabe A. (Coaut.: A. Czerwinska, M. Nadel-Czerwinska). [Словарь с предисловием в его русскоязычной версии помещен на сайте www.plutser-sarno/nauka]

Этимон как значимый компонент узальной лексемы // *Słowotwórstwo, semantyka i składnia języków słowiańskich*. T. 2. Red. M. Blicharski, przy współudziale J. Lubochy-Kruglik. Prace naukowe Un-tu Śląskiego nr 1932. Katowice, 2000, s. 90-97.

Ассоциативно-сигнальные элементы нарративно-обыденного высказывания (исследование современной речи) // *SLAVICA QUINQUEECCLESIENSIA VI. Linguistica. Translatologia*. Red. Lendvai E. Pécs, 2000, s. 252-258.

Кодовые снижения и экстремальности как средства экспрессии в современном сленге // Problemy nauczania języka rosyjskiego, literatury i kultury Rosji u progu XXI wieku. Red. K. Luciński. Kielce, 1999, s. 105-113.

Семантика узуальной лексемы: модели речевого словоупотребления, структуры типических ситуаций // Русистика и современность. Языкознание. Red. M. Bobran. Rzeszów, 1999, s. 85-105.

Коммуникативно-ролевая идентификация говорящего и восприятие речи // Русистика и современность. Глоттодидактика. Red. A. Paliński. Rzeszów, 1999, s. 117-133.

Типажные экспрессивы как средство самооценки в высказывании // IX Международный конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков. I. Братислава, 16-21 августа 1999 г. Тезисы докладов и сообщений. Братислава, 1999, с. 177-178.

Описание социализированных установок и их типологизация // Актуальные проблемы исследования языка и речи. Материалы Международной научной конференции, 3-5 ноября 1998 г. Ч. I. Минск, 1998, с. 14-17.

Семантика узуальной лексемы: модели речевого словоупотребления, структуры типических отношений в языке политики // Slavica quinquecclesiensia IV. 1998. Linguistica Translatologia Cultura. Red. Lendvai E., Hajzer L. Pécs, 1998, с. 257-267.

Словарь современного речевого словоупотребления как форма представления узуальных значений // Функционирование языка в различных речевых жанрах. Материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 1997, с. 14-15. (Соавт.: М.А. Червинская, А.А. Шульга)

Коммуникативные типы говорящих в аспекте обучения речи // Иностранные слова и словосочетания с ними... Ростов-на-Дону: Изд-во "Феникс", 1996. Ч. 2, с. 466-480.

[Некоторые из этих, а также другие работы по данным и смежным проблемам, были помещены в свое время на сайтах

www.nicomant.org,

www.nicomant.fils.us.edu.pl,

www.geocities.com/Athens/Sparta/7303,

www.fortunecity.com/victorian/twain/309,

www.members.tripod.com/nicomant,

www.slavica.ph-erfurt.de.

Частично эти работы представлены по актуальному адресу: <http://nocomant.blogspot.com>, а также в электронном журнале *Creativity & Communication Process* на www.lykos.com]

krokbooks.com

